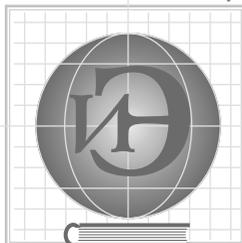

Российская академия наук

Институт экономики

Учреждение Российской академии наук
Институт экономики РАН

ИСТОРИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Вып. 2

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ:
УРОКИ ИСТОРИИ**

Сборник статей

Москва, 2013

ББК 65.9(2)-1
Э40

Э40

Экономические реформы: уроки истории (История мировой экономики, вып. 2): Сборник статей. М.: Институт экономики РАН, 2013 – 312 с.

ISBN 978-5-9940-0446-3

Редакционная коллегия: Ю.П. Бокарев (отв. редактор), Г.Д. Гловели, М.А. Давыдов, В.А. Степанов, К.А. Фурсов (секретарь), Б.М. Шпотов.

Рецензенты: д.э.н. М.И. Воейков, д.ист.н. А.С. Сенявский.

Второй выпуск сборника «История мировой экономики» посвящен теории и истории экономических реформ. Сборник состоит из трех частей. В первой, теоретической, части дан критический анализ теорий модернизации как основы реформирования экономики в России и за рубежом. Во второй освещается история конкретных реформ: экономическое реформирование Руси после монгольского завоевания, путь России к введению золотого стандарта, экономические последствия отмены крепостного права в сфере крестьянских платежей и производственных традиций крестьян, реформы государственного страхования в Германии и России, индустриализация СССР и роль зарубежной технической помощи в ее проведении, денежная реформа 1947 г. и ее влияние на «черный рынок», реформы таможенно-тарифной политики и их влияние на реальный сектор экономики России. В третьей части приведены материалы заседаний постоянного научного семинара «Деньги и денежное обращение в период формирования национальных денежных систем» в 2012 – начале 2013 г.

ISBN 978-5-9940-0446-3

ББК 65.9(2)-1

©
Институт
экономики РАН,
2013

©
Коллектив авторов,
2013

©
В. Е. Валериус,
дизайн,
2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Часть I. Теория и методология	
Ю.П. Бокарев. Теории модернизации и экономические реформы.....	12
Часть II. Исторический опыт экономических реформ	
Г.Г. Попов. Экономическое реформирование Руси после монгольского завоевания.....	53
А.В. Бугров. Золотой стандарт в России: выбор пути (1867–1897 гг.).....	89
В.В. Холодков. Традиции производственной кооперации в России и реформа 1861 г.	116
М.А. Давыдов. О проблеме крестьянских платежей в конце XIX – начале XX в. (к постановке задачи)	138
В.Л. Степанов. Государственное страхование рабочих в России и Германии в конце XIX – начале XX в.	188
Б.М. Шпотов. Зарубежная техническая помощь: ее эффективность и роль в индустриализации СССР в 1930-е гг.	222
В.С. Пушкарёв. Денежная реформа 1947 г. и «черный рынок»	244
Н.П. Обухов. Некоторые аспекты влияния таможенно-тарифной политики на реальный сектор экономики в новейшей истории России.....	257

**Часть III. Материалы постоянного научного семинара
«Деньги и денежное обращение в период
формирования национальных денежных
систем» (тезисы докладов)**

- Ю.П. Бокарев.* Государственный банк и гиперинфляция
(1921–1923 гг.) 282
- А.С. Соколов.* Денежная реформа 1921 г. в Туркестане ..285
- В.В. Страхов.* Первые внутренние государственные займы
Российской империи и их роль в формировании
стратегии правительственных заимствований
на внутреннем рынке 287
- Г.Г. Попов.* Мировые войны и трансформация финансов
ведущих стран мира..... 291
- Г.Г. Костромина.* Экономические реформы
в СССР 1960-х гг. 298
- И.В. Ширяков.* Золотая монета в денежном обращении
России XV – начала XVIII в.:
итоги и перспективы изучения вопроса..... 303
- К.А. Фурсов.* Денежное обращение как инструмент
колониальной интеграции:
символический аспект..... 309

Предисловие

Многие экономисты убеждены в том, что существуют или должны существовать оптимальные стратегии экономических реформ для стран, находящихся в процессе структурной перестройки. По вопросам экономического реформирования написано множество теоретических работ¹. Однако практический опыт осуществления экономических реформ чаще всего вызывает разочарование. Тем не менее, несмотря на все неудачи, желание проводить реформы не оставляет политические элиты современных стран. В.М. Полтерович называет это «соблазнением очевидностью»².

Почему экономические реформы представляются хотя и не простым, но вполне осуществимым делом с предсказуемыми результатами? Главная причина этого — противоречие между теоретической структурой экономического знания и живой, быстро меняющейся экономической действительностью.

Экономическая теория имеет дело со строго определенными, не меняющимися во времени и тесно коррелирующими друг с другом экономическими понятиями и категориями. Экономическая действительность — это динамическая система, в которой меняются не только взаимосвязи между переменными, но и качественное значение самих экономических переменных.

-
1. McPherson Malcolm F., ed. Promoting and Sustaining Trade and Exchange Rate Reform in Africa, Cambridge, MA EAGER (Equity and Growth through Economic Research), 2002. Pp. 15–54; Rodrik D. Understanding Economic Policy Reform // Journal of Economic Literature. 1996. Vol. XXXIV. Pp. 9–41; Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. № 35. Вып. 2.
 2. Полтерович В.М. Указ. соч.

Основная угроза реформ — нарушение поступательности экономического развития, что приводит к потере устойчивости, рассогласованию экономических институтов и, при определенных условиях, — к коллапсу всей экономики. Чтобы избежать этого, необходим серьезный пересмотр не только общей теории реформ, но и экономической теории в целом, поворот ее к изучению экономической динамики и взаимодействию с другими социальными дисциплинами.

Второй выпуск сборника «История мировой экономики» посвящен теории и истории экономических реформ. Сборник состоит из трех частей. В первой, теоретической, части дан критический анализ теорий модернизации как основы реформирования экономики в России и за рубежом (Ю.П. Бокарев). Во второй освещается история конкретных реформ: экономическое реформирование Руси после монгольского завоевания (Г.Г. Попов), путь России к введению золотого стандарта (А.В. Бугров), экономические последствия отмены крепостного права в сфере крестьянских платежей (М.А. Давыдов) и производственных традиций крестьян (В.В. Холодков), реформы государственного страхования в Германии и России (В.А. Степанов), индустриализация СССР и роль зарубежной технической помощи в ее проведении (Б.М. Шпотов), денежная реформа 1947 г. и ее влияние на «черный рынок» (В.С. Пушкарев), реформы таможенно-тарифной политики и их влияние на реальный сектор экономики России (Н.П. Обухов). В третьей части приведены материалы постоянного научного семинара «Деньги и денежное обращение в период формирования национальных денежных систем» в 2012 — начале 2013 г.

Редколлегия сборника выражает глубокую благодарность рецензентам М.И. Воейкову и А.С. Сенявскому. Высказанные ими замечания способствовали улучшению содержания ряда статей.

Часть I

Теория и методология

Ю.П. Бокарев*

ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ

Понятие «модернизация» давно перестало быть строгим научным термином и употребляется чрезвычайно широко и размыто, включая в себя и несовместимые понимания. Но поскольку оно лежит в основе как среднесрочной, так и долгосрочной стратегии развития России, необходимо проследить эволюцию этого понятия, охарактеризовать современные теории модернизации и оценить исходящие от них угрозы.

Модернизация и теория прогресса

Термин «модернизация» (*англ.* – modernization или modernisation) происходит от латинского слова modernus (современный). В Европе в конце V в. термин «modernus» стал использоваться в целях разграничения христианского настоящего и языческого римского прошлого. С отделением светской культуры от религиозной понятием «temps modernes» (*фр.*) или «modern times» (*англ.*) стали обозначать период европейской истории, начало которому положили Ренессанс, Реформация и открытие Нового

* Бокарев Юрий Павлович – д.ист.н., проф., заведующий сектором экономической истории Института экономики РАН.

Света. В дальнейшем граница между Средневековьем и Новым временем отодвигалась все дальше: к Английской революции середины XVII в., к утверждению так называемой «абсолютной монархии» в большинстве европейских стран в XVIII в., к началу Великой французской революции 1789 г.¹

Распространение этого членения европейской истории на весь мир произошло значительно позднее — с завершением процесса колонизации, с появлением очагов европейской культуры на всех континентах планеты. Для неевропейских стран этапы европейской истории были нехарактерны. Их история находилась под влиянием иных ценностных ориентиров. Распространение европейской культуры меняло их привычный быт, вовлекая в общий ураган прогресса. Поэтому понятие модерна теряет прежний хронологический смысл, становясь понятием направления развития. Концептуальным стержнем такого видения модерна становятся универалистское представление о единых для всех стран и народов законах истории, детерминистское понимание развития как движения к промышленной цивилизации. Это привело к сомнительным поискам аналогов европейского Ренессанса, Реформации и Просветительства в истории неевропейских стран.

Теория модернизации тесно связана с теорией линейного, необратимого и однозначно определенного прогресса, созданной просветителями XVII—XIX вв. Согласно теории прогресса, человечество движется естественно и закономерно вперед — по пути от варварства к цивилизации, от тьмы слепой веры к свету науки. Первоначально теория прогресса касалась проблем европейской морали и культуры. Например, Жан Террасон (Jean Terrasson) в 1715 г. доказывал, что неуклонное развитие человеческого духа делает римскую литературу выше греческой, а совре-

1. Манькин А.С. Новая и новейшая история стран Западной Европы и Америки. М.: Филол. о-во «СЛОВО»; Эксмо, 2004. С. 4–6.

менную – выше римской². Периодов культурного упадка, торможения и подъема Террасон не замечает.

В конце XVIII в. Кристоф Майнерс (Christoph Meiners) опубликовал книгу «Историческое сравнение обычаев, правительств, законов, промышленности, коммерции, религии, науки и образования в Средние века и наше время»³. В ней теория прогресса была распространена весь мир и все стороны общественной жизни. Все цивилизации и народы располагаются на прямой линии прогресса, но одни отстали в своем развитии, а другие вырвались вперед. Благодаря этой схеме нации подразделялись на «ведущие» и «ведомые», «отсталые» и «передовые». Впереди всех находятся европейцы, а остальные народы обязаны подражать им, повторяя их путь: они просто объекты создаваемой Европой истории.

Незыблемость законов физического мира сторонники теории прогресса переносили и на общество, развитие которого, по их мнению, происходит с фатальной необходимостью. Как писал Поль Анри Гольбах (Paul-Henri Thiry, baron d'Holbach): «Фатальная необходимость есть вечный, неизменный, необходимый порядок, установленный в природе, или необходимая связь причин, производящих такие следствия, которые им свойственны. <...> Необходимость, управляющая движением физического мира, управляет также и движениями нравственного мира, другими словами, все подчинено фатальной необходимости»⁴.

Другой важной чертой теории прогресса является представление о стадийном характере развития. Первоначально стадии определялись по морально-культурным критериям.

2. Dissertation critique sur L'Iliade d'Homère, où, à l'occasion de ce poème, on cherche les règles d'une poésie fondée sur la raison et sur les exemples des anciens et des modernes. Réédition: 1971.

3. Meiners C. Historische Vergleichung der Sitten, und Verfassungen, der Gesetze, und Gewerbe, des Handels, und der Religion, der Wissenschaften, und Lehranstalten des Mittelalters mit denen unsers Jahrhunderts in Rücksicht auf die Vortheile, und Nachtheile der Aufklärung. Hannover, 1793.

4. Paul-Henri Thiry, baron d'Holbach. Systeme de la nature. Vol I. Paris, 1781. P. 221.

Одной из ранних была концепция трехстадийного развития общества, принадлежащая И. Иззелену (Isaak Iselin), по которой человечество в своем развитии проходит последовательно стадии: 1) господства чувств и первобытной простоты; 2) преобладания фантазий над чувствами и смягчения нравов под воздействием разума и воспитания; 3) господства разума над чувствами и фантазией⁵. Анн Робер Жак Тюрго (Anne Robert Jacques Turgot) также различал три стадии в культурном прогрессе человечества: религиозную, спекулятивную и научную⁶. Мари Жан Антуан Кондорсе разделил человеческую историю на 10 стадий, последней из которых было «грядущее царство разума»⁷.

Однако по мере роста интереса к материальной деятельности людей, стали появляться чисто экономические периодизации. В 1766 г. Адам Фергюсон (Adam Ferguson) разделил историю на следующие стадии, каждой из которых соответствовал свой тип хозяйственной деятельности человека: дикость (охотники и рыболовы), варварство (скотоводы), цивилизация (земледельцы)⁸. Льюис Генри Морган (Lewis-Henri Morgan) также использовал эту схему, но земледелие он отнес к стадии варварства, а цивилизацию связал с возникновением письменности, городов и государства⁹.

Таким образом, прогресс определялся его сторонниками как объективный процесс, проходящий конкретные этапы, последний из которых по времени рассматривался как наилучший, качественно превосходящий предыдущие. Иначе говоря, все социальные изменения происходят в неизменном, заданном направлении, и любые изменения

5. *Iselin Isaak. Über die Geschichte der Menschheit*, 1764.

6. *Тюрго А. Избранные экономические произведения*. М.: Соцэкгиз, 1961.

7. См.: *Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума*. СПб, 1909.

8. *Ferguson Adam. An Essay on the History of Civil Society*. Edinburg, 1767.

9. *Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации*. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1933.

воспринимаются как развитие, улучшение. Прогресс нельзя остановить, тем более нельзя вернуть общество в прошлое состояние. Улучшение неизбежно, настоящее лучше, чем прошедшее.

По мере того как теория прогресса овладевала умами людей, с ней стало происходить тоже самое, что и со многими окостеневшими учениями. Сталкиваясь с несоответствиями теории с действительностью, «неудобные» факты сторонники прогресса перестали замечать. Дело в том, что теория прогресса, с одной стороны, сводила историю к механическому процессу, жесткой взаимосвязи причин и следствий, фактически исключая видение истории как результата свободной человеческой практики, а с другой — могла видеть будущее только как освобожденную от недостатков современность, не имея возможности разглядеть в нем качественно нового, неожиданного с позиций современников.

Теория прогресса подвергалась критике едва ли не с момента своего появления. Первоначально критики сосредоточивались не на недостатках теории, а на негативных сторонах прогресса. В частности Жан Жак Руссо (Jean-Jacques Rousseau) считал, что прогресс рано или поздно «приводит человека к той мере цивилизованности, которая превращает его... в тирана самого себя и природы»¹⁰. Другим критиком прогресса был Фердинанд Тённис (Ferdinand Tönnies)¹¹. По его мнению, развитие общества от традиционного, общинного к современному, индустриальному не улучшило, а ухудшило условия человеческой жизни. Вслед за ним Питирим Сорокин заявил, что переход к более дифференцированному и технически оснащенному обществу не является абсолютным благом и единственным предопределенным ходом развития мировой истории¹².

10. Руссо Жан-Жак. Сочинения. М.: Сказ, 2001.

11. Tönnies Ferdinand. Gemeinschaft und Gesellschaft. 8th edition. Leipzig: Buske, 1935 (reprint 2005).

12. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992.

С критикой собственно теории прогресса выступил Георг Зиммель (Georg Simmel). Он указал на относительность и неоднозначность понятия «прогресс». «Жизнь сама по себе бесформенна, так что не может существовать форма, которая отвечала бы сущности жизни. Поэтому чередование культурных форм лишено целесообразности и не представляет собой прогресса или регресса, так что количественный рост культурно оформленного материала жизни есть, строго говоря, процесс релятивизации культурных ценностей»¹³. Жозеф Артур де Гобино (Joseph Arthur de Gobineau) высказал идею о том, что история человечества — не прямая, определяемая единственной целью, и что она подразумевает множественность миров: «...На всей земле, на той же самой почве существуют бок о бок варварство и цивилизация»¹⁴. Гобино в своем определении человеческой истории ставит на первый план не прогресс, а устойчивость цивилизации, под которой он понимал «состояние относительной стабильности, в котором индивидуумы стараются удовлетворить свои потребности без ущерба для других, совершенствуя свой менталитет и свои нравы»¹⁵. Рациональный и нравственный компоненты для Гобино весьма неустойчивые и относительные компоненты человеческой истории. Устойчивость же и стабильность цивилизации обеспечивает «естественная и постоянная» компонента — национальность, раса. «Организирующий характер любой цивилизации, — писал Гобино, — определяется самым очевидным признаком доминирующей расы; цивилизация изменяется, трансформируется по мере того, как эта раса сама подвергается изменениям; ... и, следовательно, система сформировавшаяся в обществе, представляет собой факт, который ярче всего свидетельствует о конкретных способностях и уровне народа»¹⁶.

13. Зиммель Г. Проблемы философии истории. М., 1898.

14. Гобино Ж.А. де. Опыт о неравенстве человеческих рас. М.: Одиссей: ОЛМА–ПРЕСС, 2001. С. 48.

15. Там же. С. 91.

16. Там же. С. 104.

Теория прогресса способствовала появлению многих философских и экономических учений. Вера в общественный прогресс лежала в основе утопического социализма, немецкой классической философии, английской классической политической экономии. Теория развития производительных сил и смены общественно-экономических формаций, развиваемая марксизмом, также основывалась на теории прогресса. Она же способствовала возникновению позитивизма и прагматизма. На теорию прогресса опирались расовые и националистические теории¹⁷. А в конце 1950-х – 1960-е гг. теория прогресса легла в основу теории модернизации.

Классическая теория модернизации

В отечественной литературе широко распространено представление о том, что «теорию модернизации сформулировал М. Вебер»¹⁸. На самом деле Вебер лишь утверждал, что объективной тенденцией исторического процесса является возрастание рациональности, состоящее в «постепенном распространении целерациональности на все сферы общественного бытия»¹⁹. В этом контексте Вебер разделял немецкий капитализм на «традиционный» и «современный» по принципам рациональности организации. Он писал, что в Германии «современный капитализм, повсюду натываясь на традиционный, боролся с его проявлениями»²⁰. Но это не имеет ничего общего с разделением наций на «традиционные» и «современные», провозглашаемым теорией модернизации.

17. Показательно, что Муссолини конце 1930-х гг. построил в Риме гигантский комплекс выставочных павильонов для задуманной им выставки «Прогресс цивилизации».

18. Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб: РХГИ, 1998.

19. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения М.: Прогресс, 1990.

20. Там же.

Основателями теории модернизации считаются гарвардские профессора Толкотт Парсонс (Talcott Parsons) и Эдвард Шилз (Edward Shils). Однако их взгляды были достаточно противоречивыми. Например, в книге «Социальная система» («The Social System») Парсонс утверждал, что при существующем уровне развития социологии разработка общей теории социальных изменений невозможна. Вместо общей теории исторических изменений он предлагал описание отдельных процессов социальной трансформации²¹. Но уже в 1951 г. Парсонс вместе с Шилзом предложил целостную теорию социального действия и поведения²².

В 1955–1956 гг. группа преподавателей Корнелльского университета выступила с критикой идеи Парсонса. Его социальная теория была расценена как механистическая, линейная и совершенно неспособная отражать социальные изменения²³. Парсонс ответил на критику докладом об американских ценностях, который является ключом для его понимания сущности модернизации²⁴.

Нельзя недооценивать вклад в теорию модернизации Шилза. Он изучал влияние западной цивилизации на американских индейцев, что сказалось на формировании понятий «традиционных» и «современных» обществ²⁵.

Однако ни Парсонс, ни Шилз до середины 1960-х гг. не выступили с цельной концепцией модернизации. Если собрать их идеи, разбросанные по разным исследованиям, то они сводятся к следующему: есть традиционные страны с устоявшейся веками иерархией рангов и статусов и существуют более динамичные демократичные страны.

21. *Parsons Talcott*. The Social System. Glencoe, 111, 1951. Вебер не учитывал, что в разных экономических условиях принципы рациональности меняются.

22. *Parsons Talcott, Shils Edward*. Toward a General Theory of Action. Cambridge, 1951.

23. *The Social Theories of Talcott Parsons: A Critical Examination*. Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1961.

24. The point of view of the author // *The Social Theories of Talcott Parsons: A Critical Examination*. Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1961.

25. *Shils Edward*. The Intellectual Between Tradition and Modernity: The Indian Situation. The Hague, 1961.

Традиционализм препятствует экономическим и социальным изменениям, а демократическое устройство способствует прогрессу. Поэтому традиционные страны отстают в своем развитии, они остались в средних веках, в прошлом. А демократические развитые страны определяют лицо современности. Чтобы стать современными традиционные страны должны воспользоваться опытом и помощью западных стран, чтобы воспроизвести у себя их политическое устройство и индустриальную экономику. Миссия США и других развитых стран заключается в том, чтобы привести отсталые традиционные страны в современность²⁶.

В 1958 г. вышла книга Даниэля Лернера (Daniel Lerner), в которой говорилось, что третий мир должен следовать западной концепции модернизации, чтобы достигнуть прогресса. Приверженность этой модернизации является отличительной чертой личности. Большое значение Лернер придавал средствам массовой информации, которые играют решающую роль в модернизационном процессе²⁷.

В следующем году Нейл Дж. Смелзер (Neil J. Smelser) опубликовал книгу «Социальные изменения в ходе индустриальной революции»²⁸. Хотя по замыслу это была историческая монография, посвященная текстильной промышленности в Ланкашире в начале XIX в., она внесла свой вклад в развитие теории модернизации. Смелзер искусно интерпретирует факты в пользу теории, делая экскурсы в прошлое и современность.

Расцвет классической теории модернизации приходится на 1960-е гг., когда широкую известность получили работы Мариона Джозефа Леви (Marion Joseph Levy), Эверетта

26. *Parsons Talcott, Shils Edward*. Op. cit; *Parsons Talcott*. Essays in Sociological Theory. Glencoe, IL: The Free Press, 1954; *Parsons, Talcott, and Smelser Neil*. Economy and Society: A Study in the Integration of Economic and Social Theory. Glencoe, IL: The Free Press, 1956; *Parsons Talcott*. Structure and Process in Modern Societies. Glencoe: Free Press, 1960.

27. *Lerner, Daniel*. The Passing of Traditional Society. Glencoe: Free Press, N. Y., 1958.

28. *Smelser, Neil J*. Social Change in the Industrial Revolution: An Application of Theory to the British Cotton Industry. Chicago: University of Chicago Press, 1959.

Хагена (Everett Hagen), Дэвида Аптера (David Apter) и Шмуэля Ноя Айзенштадта (Shmuel Noah Eisenstadt), внесших вклад в классическую теорию модернизации²⁹. Были опубликованы также новые книги Талкотта Парсонса, и Нейла Смелзера³⁰.

Процесс модернизации в классической теории приобрел комплексный, многомерный характер, охватывающий шесть изменений. В экономике это появление новых технологий, движение от сельского хозяйства, как средства к существованию, к коммерческому сельскому хозяйству, замена использования мускульной силы человека и животных «неодушевленной» энергией и механизмами, распространение городских типов поселений и пространственная концентрация рабочей силы. В политической сфере модернизация означает переход от авторитета вождя племени к системе избирательного права, представительства, политических партий и демократического правления. В области образования под модернизацией понимается ликвидация неграмотности, рост ценности знаний и квалифицированного труда. В религиозной сфере она выражается в освобождении от влияния церкви; в области семейно-брачных отношений — в ослаблении внутрисемейных связей и все большей функциональной специализации семьи; в области стратификации — в усилении значения мобильности, индивидуального успеха и ослаблении предписаний в зависимости от занимаемого положения.

-
29. *Hagen Everett*. On the theory of social change: how economic growth begins. Homewood, Ill., Dorsey Press, 1962; *Levy M.J.* Modernization and the structure of societies: a setting for international affairs. 2 Vols. Princeton: Princeton University Press, 1966; *Apter D.E.* The Politics of Modernization. Chicago & L.: Chicago University Press, 1965; *Apter David*. Some Conceptual Approaches to the Study of Modernization. Englewood Cliffs: Prentice Hall 1968; *Eisenstadt Shmuel N.* Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1966; *Black C.E.* The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. N.Y.: Evanston and L.: Harper & Row, 1966.
30. *Parsons Talcott*. Structure and Process in Modern Societies; *Parsons Talcott*. Theories of society; foundations of modern sociological theory N.Y.: Free Press, 1961; *Parsons Talcott*. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. N.Y.: Free Press, 1966; *Parsons Talcott*. Sociological Theory and Modern Society. N.Y.: Free Press, 1968.

Однако генетическая связь теории модернизации с теорией прогресса сохранилась. Как создатели теории модернизации, так и сторонники теории прогресса считали, что социальные и экономические изменения являются линейными и потому менее развитые страны должны пройти те же стадии, которые прошли более развитые государства. При этом стадии, которые проходят общества, обязательно последовательны — ни одна из них не может быть пропущена. И те, и другие утверждали, что изменения необратимы, имеют постепенный, накопительный и мирный характер и неизбежно ведут процесс развития к определенному финалу — всеобщему улучшению социальной жизни и условий человеческого существования.

Единственное существенное различие заключалось в том, что если в теории прогресса изменения совершаются в направлении от дикости и варварства к цивилизации, то в теории модернизации — от традиционалистских обществ к «современному» индустриальному обществу.

Введенный Вебером критерий рациональности также присутствует в классической теории, но не играет в ней существенной роли, ибо применить его ко всем шести направлениям модернизации довольно затруднительно.

По словам профессора Крейга Калхуна (Krejg Kahlun): «Касательно модернизации очень важно понять, что это — американская теория, которая возникает именно после победы во Второй мировой войне. Это был проект американской либерально-центристской интеллигенции. Идея заключалась в том, что теория модернизации должна распространиться из Америки, прежде всего, на Западную Европу, где она разрабатывается, хотя развивается в Соединенных Штатах; она должна быть принята в других странах. Конечно, я имею к этому отношение, но не личное: я был слишком молод в те времена. Но центральным агентством по разработке теории модернизации был Совет по социальным наукам. То есть, это были мои предшествен-

ники на моем посту президента и многие из старших сотрудников моего учреждения»³¹.

Таким образом, теория модернизации является продуктом эпохи, начавшейся после Второй мировой войны. Она отразила стремление США интеллектуально подчинить себе страны третьего мира, освободившиеся от прямой колониальной зависимости, и по возможности включить в сферу своего идейного влияния социалистические страны во главе с Советским Союзом.

Классическая теория модернизации сходит со сцены

Первый удар по теории модернизации нанесли ее же разработчики. В 1964 г. Шмуэль Айзенштадт в Израиле восстал против вестернизации современности. Если сравнить западноевропейский и американский варианты капитализма, то можно найти довольно серьезные отличия. Поэтому европейская современность не совсем такая же, как американская. И точно так, как Запад создал для себя западную современность, исламский мир создает для себя исламскую современность³². Так возникло представление о «множественных современностях», «множественных модернах», что, конечно, ставило под вопрос представление о всемирном движении к обществу западного типа.

В 1968 г. Самуэль Хантингтон (Samuel Phillips Huntington) показал, что экономический и социальный прогресс не ведет к стабильной демократии в освободившихся от колониальной зависимости странах³³. Приверженность

31. <http://www.inop.ru/files/calhoun.doc>.

32. Eisenstadt Shmuel N. Breakdowns of modernization. In: William J. Goode (ed.). *The Dynamics of Modern Society*. New York: Basic Books, 1964. P. 434–448.

33. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

народных масс к устойчивому старому быту препятствует преобразованиям, и политическая элита вынуждена навязывать их с помощью авторитарных и диктаторских режимов.

Следующий удар нанесли латиноамериканисты: Рауль Пребиш (Raul Prebisch), Андре Гундер Франк (Andre Gunder Frank), Фернанду Энрике Кардозу (Fernando Henrique Cardoso), Энцо Фалетто (Enzo Faletto), Теотониу Дус Сантус (Theotonio dos Santos), Родольфо Ставенхаген (Rodolfo Stavenhagen), Орландо Фальс Борда (Orlando Fals Borda), Эдельберто Торрес Ривас (Edelberto Torres Rivas) и др. В своих выступлениях и статьях они утверждали, что теория модернизации неспособна вывести страны третьего мира из отсталости. В частности страны Латинской Америки, несмотря на то, что они наполнили свои институты американскими советниками и получили колоссальные инвестиции из США, оказались в ловушке отсталости. Главная причина отсталости — зависимость латиноамериканской экономики от экономики США. Зависимые экономически и интеллектуально страны в принципе не могут стать передовыми державами³⁴.

Узкая социальная база вестернизации в зависимых странах, идущих по пути модернизации, подчинение общих целей модернизации стран практическим задачам извлечения максимальной прибыли путем эксплуатации их дешевой рабочей силы приводили к тому, что вестернизация разрушала традиционный быт и устойчивость развития этих стран, но не делала их западными.

34. *Prebisch Raul*. Critique of Peripheral Capitalism, 1976; *Prebisch R*. Socioeconomic Structure and Crisis of Peripheral Capitalism, 1978; *Gunder Frank Andre*. Capitalism and Underdevelopment in Latin America, 1967; *Gunder Frank Andre*. Latin America: Underdevelopment or revolution, 1969; *Gunder Frank Andre*. On Capitalist Underdevelopment, 1975; *Кардозо Ф.Э., Фалетто Э.* Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М., 2002; *Dos Santos T*. El nuevo caracter de la dependencia. Santiago-de-Chile, 1968; *Dos Santos T*. Structure of Dependency // The American Economic Review. May 1970. Vol. 60; *Stavenhagen Rodolfo*. Needs, Rights and Social Development. Geneva, 2003; *Edelberto Torres Rivas*. Repression And Resistance: The Struggle For Democracy In Central America. Reviewed by Abraham F. Lowenthal // Foreign Affairs. Summer 1990; http://polbu.ru/sztompka_sociology.

Кроме того, решительной критике теорию модернизации подвергли исследователи и почитатели Макса Вебера. По их мнению, Талкотт Парсонс сильно исказил учение великого немецкого социолога и экономиста. Вебер никогда не опускался до примитивной дихотомии: традиционализм – современность. Он понимал многомерность и многоуровневость исторического процесса. Поэтому его нельзя считать предшественником и, тем более, основоположником теории модернизации³⁵.

Однако наиболее сокрушительные удары по теории модернизации были нанесены несколько позднее, причем самими американскими социологами.

И без теории модернизации Запад мог претендовать на лидерство, по меньшей мере, в большей части стран третьего мира, нуждавшихся в экономической помощи. Поэтому он без труда мог навязывать им свою «современность». Для этого достаточно было общей теории развития. Предполагалось, что развивающийся мир обязательно воспроизведет основные политические, социальные и культурные ценности и институты западных индустриальных стран. Но существовал еще Советский Союз, страны Восточной Европы, Китай, Вьетнам, Куба. У них была своя теория современности, свое понимание индустриального общества, отрицавшее универсальность западной модели.

Нужно было объяснять, что капитализм – это хорошо, а социализм – это плохо. Теория модернизации ничего для этого не давала. Она объясняла преимущества индустриального общества. Но индустриальным был и Советский Союз, который в результате экономической реконструкции превратился во вторую мировую сверхдержаву. Этим объясняется то, что некоторые из западных идеологов модернизации, такие, например, как Талкотт Парсонс, легко воспринимались советскими и российски-

35. <http://www.inop.ru/files/calhound.doc>.

ми интеллектуалами. Теория модернизации по сути дела только повторяла марксистский тезис о прогрессивности индустриальной экономики.

Поэтому нужна была новая теория, способная объяснить, «кто хорошие парни в этом мире, а кто – негодяи»³⁶. Ею стала теория «открытого общества» Карла Поппера, осуждающая социалистический мир за недемократичность и автаркию³⁷.

В 1970-е гг. наметилось некоторое сближение между первым и вторым мирами, получившее название «разрядки». Это послужило почвой для создания теории конвергенции, согласно которой внутри первого и второго мира происходят изменения, влекущие постепенное стирание различий между их социально-экономическим и политическим устройствами. Идея сближения двух систем была впервые выдвинута П. Сорокиным в годы Второй мировой войны. Он оставался сторонником этой идеи и в 1960-е гг.³⁸. Теорию конвергенции развивали Джон Гэлбрейт (John Kenneth Galbraith), Уолт Ростоу (Walt Whitman Rostow), Франсуа Перру (François Perroux), Ян Тинберген и др.³⁹. Сторонником теории конвергенции в СССР был А. Д. Сахаров⁴⁰.

В связи с этим в 1970-е гг. теория модернизации была подвергнута сильнейшей критике, которая перешла в ее полное отрицание. Были признаны неприемлемыми теоретические обоснования идеи модернизации. Прежде всего подчеркивалась нелинейность и многомерность исторического развития, которое осуществляется разными путями в

36. <http://www.inop.ru/files/calhoun.doc>.

37. Критику теории Карла Поппера см.: *Бокарев Ю.П.* «Открытое общество» и его друзья // Россия XXI. 1995. № 9–12; 1996. № 3–6.

38. *Sorokin P.A.* Russia and the United States. 2-nd ed. N.Y., 1944. (Library of World Affairs. No.15); *Sorokin P.A.* Mutual convergence of the United States and the U.S.S.R. to the mixed sociocultural type // International Journal of Comparative Sociology. 1960. 1(2). Pp. 143–176.

39. *Galbraith J. K.* The New Industrial State. 2nd, revised, edition. N.Y.: Free Press, 1972; *Rostow W.W.* Politics and the Stages of Growth. N. Y.: Free Press, 1971;

40. См.: *Сахаров А.Д.* Тревога и надежда. М.: «Интер - Версо», 1990. С. 42–47.

зависимости от стартовых позиций тех или иных обществ и проблем, с которыми они сталкиваются⁴¹.

Отмечалось, что попытки модернизировать общество чаще всего не приводят к обещанным результатам. Нищета в странах третьего мира преодолеть не удалось, более того, ее масштабы даже увеличились. Не только не исчезли, но и широко распространились авторитарные и диктаторские режимы, обычным явлением стали войны и народные волнения, возникли новые формы религиозного фундаментализма, национализма и регионализма, продолжалось идеологическое противоборство.

Наблюдались также многочисленные негативные побочные эффекты модернизации. Уничтожение традиционных институтов и жизненных укладов повлекло за собой социальную дезорганизацию, хаос и беззаконие, рост девиантного поведения и преступности. Дисгармония в экономике и несинхронность изменений в различных подсистемах общества привели к неэффективному расходованию ресурсов. Как писал Шмуэль Айзенштадт: «Все это не стимулировало (особенно в политической области) развитие институциональных систем, способных адаптироваться к продолжающимся изменениям, новым проблемам и требованиям»⁴².

Критики указывали на ошибочность прямого противопоставления традиции и современности и приводили примеры преимуществ традиционализма в некоторых областях. Самуэль Хантингтон указывал: «Не только современные общества включают в себя многие традиционные элементы, но и традиционные общества, в свою очередь, нередко обладают такими чертами, которые обычно считаются современными. Кроме того, модернизация способна усилить традицию»⁴³. Также утверждалось: «Традиционные

41. Eisenstadt Shmuel N. Modernization: Protest and Change. P. 2.

42. Eisenstadt Shmuel N. Breakdowns of modernization. P. 435.

43. Huntington Samuel P. The change to change: modernization, development and politics. In: Black Cyril E. (ed.). Comparative Modernization. New York: Free Press, 1976. P. 36.

символы и формы лидерства могут оказаться жизненно важной частью ценностной системы, на которой основывается модернизация»⁴⁴.

Оппоненты теории модернизации отмечали большую роль внешнего, глобального контекста и внутренних причин. «Любое теоретическое обоснование, которое не учитывает такие значимые переменные, как влияние войн, завоеваний, колониального господства, международных, политических или военных отношений, торговли и межнационального потока капиталов, не может рассчитывать на объяснение происхождения этих обществ и природы их борьбы за политическую и экономическую независимость»⁴⁵.

Была поставлена под сомнение строгая последовательность стадий модернизации: «Те, что пришли позднее, могут (и это вполне доказуемо) быстро модернизироваться благодаря революционным средствам, а также опыту и технологиям, которые они заимствуют у своих предшественников. Таким образом, весь процесс может быть сокращен. Предположение о строгой последовательности фаз (предварительное состояние, начальная фаза, переход к зрелости и т. п.), которые должны пройти все общества, похоже, ошибочно»⁴⁶.

Неверными оказались и представления об однотипности институтов традиционных и развитых обществ. Как писал Эмиль Дюркгейм: «Становится все более очевидным тот факт, что разнообразие институтов, существующих в современных обществах, причем не только модернизирующихся или переживающих переходный период, но и развитых, и даже высоко развитых, весьма велико». Доминирующей чертой современных обществ является не сходство, а различие, так что модернизация не может рассма-

44. *Gusfield Joseph R.* Tradition and modernity: misplaced polarities in the study of social change. In: *American Journal of Sociology*, 72 (January 1966). P. 352.

45. *Tipps Dean C.* Modernization theory and the comparative study of Societies: a critical perspective. In: *Black Cyril E.* (ed.). *Comparative Modernization*. New York: Free Press, 1976. P. 74.

46. *Huntington Samuel P.* Op. cit. P. 38.

триваться как единая и окончательная стадия эволюции всех обществ⁴⁷.

После того как была развенчана главная аксиома теории модернизации о линейности общественного развития, его всеобщем, постепенном, стадийном и мирном характере, универсальности европейского развития, она перестала пользоваться успехом. Щедрые гранты и международные премии перестали сыпаться на головы сторонников теории модернизации. От них отвернулись деловые круги и правительственные институты. Солидные научные журналы больше не предоставляли своих страниц для представителей обанкротившейся школы.

Второе пришествие теории модернизации

Крушение социализма, поиски руководством постсоциалистических стран путей перехода к обществу западного типа привели к воскрешению идеи модернизации. В 1989 г. почти одновременно во многих восточноевропейских странах (за исключением Болгарии и Югославии) произошли «бархатные» революции. Новое руководство этих стран стремилось как можно быстрее войти в состав ЕС и НАТО. Для этого надо было в сжатый срок реформировать социально-экономическое устройство. Подавляющее большинство населения стран Восточной Европы верило в свою идентичность с Европой Западной и относилось к капитализму значительно лучше, чем само население западных стран. Возникла острая потребность в разработке теории перехода от социалистического к капиталистическому социально-экономическому устройству. Это и явилось основной причиной второго пришествия теории модернизации.

47. *Durkheim Emile. Selected Writings / Ed. by A. Giddens. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 422.*

В отечественной литературе существует точка зрения, что теория модернизации была привнесена в постсоциалистические страны западными политологами, экономистами и социологами, не имевшими иной теории переходных процессов. На самом деле инициатива ее воскрешения принадлежит интеллектуалам самих постсоциалистических стран, ринувшихся осваивать западное наследие и наткнувшихся на классическую теорию модернизации. Она оказалась созвучной их незрелым представлениям о переходных процессах, а критика этой теории, разбросанная по журнальным статьям, осталась вне их поля зрения. Что же касается западных специалистов, то среди них продолжало господствовать представление об ошибочности теории модернизации.

Еще в 1988 г. в докладе Римскому клубу «Революция босоногих» Бертран Шнайдер заявил о полном провале теорий модернизации по образцам развитых стран. Осуществление этих теорий приносит эффект лишь небольшой части городского населения, тогда как основные массы обречены на нищету. Шнайдер констатировал, что утрата каждым народом собственной культуры ведет к разрушению экономики, нищете и упадку⁴⁸.

О критическом отношении западных специалистов к модернизации свидетельствуют также распространенные среди них теории: «частичной модернизации» (общество застревает на стадии одновременного существования старых и новых институтов, блокирующих друг друга); «тупиковой модернизации» (разновидность модернизации, характеризующаяся не развитием общества, а его катастрофическим состоянием); «кризисного синдрома модернизации» (совокупность кризисов, характерных для процесса модернизации).

Ален Турен (Alain Touraine) ввел в оборот термины «контрмодернизация» и «антимодернизация». Первый

48. *Schneider B.* The Barefoot Revolution. London, 1998. P. 76–82.

термин означал вариант модернизации по незападному образцу («околомодернизация»). К ней он относил социалистическую реконструкцию СССР в 1930-е гг. и стран Восточной Европы, Китая и Северной Кореи в 1950-е гг. Они основывались, как и западная модель, на развитии производительных сил, но проводились в условиях иных социально-экономических отношений. Второй термин означал открытое противодействие модернизации⁴⁹.

По мнению Турена, стремление перейти от контрмодернизации к антимодернизации является основной тенденцией в странах третьего мира во второй половине XX в. Это тенденция выразилась в повсеместной утрате веры в универсализм разума, науки и техники, с одной стороны, и к сохранению национально-культурной идентичности — с другой⁵⁰.

В начале 1980-х гг. была сформулирована теория path dependency, т. е. зависимости от предшествующего развития. Ее разработали экономисты Ричард Нельсон (Richard R. Nelson) и Сидней Уинтер (Sidney G. Winter) для объяснения процессов адаптации новых технологий в ходе индустриальной эволюции⁵¹. Сам термин «path dependency» был введен Полем Дэвидом (Paul David) в 1985 г.⁵²

Эта теория указывает на силу инерции общественного развития. Разнообразие форм экономического развития объясняется, прежде всего, зависимостью этих форм от характера и тенденций развития предшествующей системы. Благодаря этой зависимости от прошлого быстрый линейный переход стран, обладающих существенными особенностями развития, к экономике западного типа невозможен. Необходима тщательно продуманная долговремен-

49. International Social Science Journal. 1996. No. 118.

50. Модернизация: зарубежный опыт. М.: РНИИСиНП, 1994. С. 20.

51. Nelson Richard R., Winter Sidney G. An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge Mass.: Belknap Press, 1982.

52. David Paul. Clio and the Economics of «QWERTY» // American Economic Review. 1985. No. 332.

ная стратегия перехода, разрабатываемая и осуществляемая государством.

В постсоциалистических странах развитие совершалось на принципиально иной, чем в западных странах, ценностной ориентации. Попытка пришедших к власти элит перечеркнуть прошлое неразумна. Из-за нее требования рациональности и устойчивости экономического развития этих стран вступают в жесткий конфликт с целями и ценностными установками политических элит. Переход на западные ценности грозит этим странам экономической и нравственной катастрофой⁵³.

Однако во всех постсоциалистических странах у власти оказались сторонники поиска западной идентичности. Они провозглашали принадлежность постсоциалистических стран к западной цивилизации. Национальная специфика этих стран отвергалась. Реформы должны вестись в направлении полной идентификации с Западом — в этом усматривался основной смысл «переходного периода». Теория модернизации представлялась как единственная достойная внимания теория общественного развития.

И. В. Побережников выражал весьма распространенную точку зрения, когда писал в 1999 г.: «По большому счету, существуют две полярные позиции для объяснения различий между обществами. Согласно одной точке зрения, человечество в любой точке земного шара развивается в соответствии с одними и теми же закономерностями; дифференциация же между обществами в большей или в меньшей степени объясняется порядком той фазы развития, на которой они находятся. По другой точке зрения, различия между культурными и социальными агрегатами постоянны и неискоренимы; универсалий, которые можно было бы применить к развитию всего человечества, просто не существует.

53. *Liebowitz S.J.; Margolis S.E. The Fable of the Keys // Journal of Law and Economics. Blackwell Publishers. April 1990. No. 30. P. 20.*

Первая точка зрения дала толчок для возникновения в середине XX в. и дальнейшего развития теории (или скорее теорий; теоретического направления) модернизации, внесшей заметный вклад в научную разработку проблем развития и в объяснение того, каким образом традиционное общество трансформируется в современное»⁵⁴.

Совершенно иной точки зрения придерживались интеллектуалы развивающихся стран. Обобщая неудачный опыт модернизации исламских стран, египтянин Анвар Абдель-Малеk (Anwar Abdel-Malek) писал: «Всякая национальная социально-экономическая общность, достигшая оптимальной степени социальной зрелости, рассматриваемая как в сложившемся состоянии, так и на протяжении ее исторического развития, обладает своей спецификой. Нет, никогда не было, не может быть неспецифичных, т.е. универсальных, обществ и их нельзя даже представить на существующем уровне наших знаний о человеческом обществе»⁵⁵.

Одновременно А. Абдель-Малеk обращал внимание на многозначность понятия «специфика». Оно не должно пониматься в том смысле, что общества разделены непреодолимой стеной — они эволюционируют в соответствии с требованиями времени. Понимание специфики как суммы определенных характеристик требует исторического подхода, раскрывающего стадии изменения данного общественного образования. Это особенно относится к цивилизационным образованиям, в которых воплощен длительный опыт существования. История — не только выражение различий, но и сила, трансформирующая эти различия и меняющая атрибуты обществ при сохранении ими своей цивилизационной самобытности⁵⁶.

54. См.: *Побережников И.В.* Модернизационная перспектива: теоретико-методологические и дисциплинарные подходы // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург: Уральский педагогический институт, 1999. С. 16–25.

55. *Abdel-Malek A.* Specificite et endogeneite // *Clees pour une strategie nouvelle du developpement*. P., 1984. P. 196.

56. *Abdel-Malek A.* *Civilisations and Sociel Theory*. Albany, 1981. P. 110.

Опасность заключается не столько в чрезмерном подчеркивании национального феномена, сколько в навязывании гегемонистских, так называемых «универсальных» моделей. Это приводит к обезличиванию цивилизаций незападного мира, их низведению до статуса побочных продуктов промышленного производства, экономическим, демографическим и этническим резервациям, отчужденной части мира⁵⁷.

В центр планов развития следует поставить национальное образование и приспособлять к нему стратегии развития в области экономики, социальной сфере, совершенствовании политических структур. Содействие национальной культуре, чтобы сохранить идентичность народов и подтвердить преемственность их развития, должно стать неотъемлемой частью мотивов развития и основой конкретного выбора, позволяющего мобилизовать энергию народов развивающихся стран. Каждый народ должен выбрать тот путь развития, который в наибольшей мере отвечает его социокультурным традициям и чаяниям. Это вовсе не равнозначно культурному изоляционизму. Продвигать культуру означает продвигать не «традиционную культуру», а культуру, приспособленную к XX в., которая черпает свою идентичность в традиции, открываясь всем течениям в мире... Дилемма «традиция или современность» — это ложная дилемма⁵⁸.

Идеи Абдель-Малека были подхвачены и развиты палестинцем Эдвардом Вади Саидом (Edward Wadie Said)⁵⁹.

В отечественной литературе А. Абдель-Малека, наряду с А. Туреном и С. Эйзенштадтом, относят к создателям теории «модернизации в обход модернити». Но это нелепое словосочетание нисколько не соответствует взглядам перечисленных выше социологов. Термин «модерниза-

57. Ibid.

58. *Abdel Malek A., Huynh Cao Tri, Rosier D., Le Thanh Khoi. Cles pour une strategie nouvelle du developpement. P., 1984. P. 15, 90.*

59. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб: Русский мир, 2006.

ция» здесь неприменим, поскольку развития по западным образцам не происходит. Индустриализация развивающихся стран совершается в условиях иной культуры и иных ценностных установок.

А. Абдель-Малек, А. Турен и С. Эйзенштадт существенно расходились в своих теоретических построениях. С. Эйзенштадт был создателем теории догоняющего развития, которая в нашей литературе называется «догоняющей модернизацией». Догоняющее развитие является системой преобразований полуколониальных и зависимых от Запада обществ, осуществляемых для достижения национальной независимости. В отличие от модернизации эти преобразования осуществляются на основе целей, институтов и ценностей, созданных длительной эволюцией таких обществ. Итогом догоняющего развития является не усвоение социальной системы Запада, а адаптация обществ к индустриальному производству⁶⁰.

Что касается А. Турена, то он всю жизнь занимался теорией социального действия. Он отвергал рационалистскую концепцию модернизации и претензии Запада на мировое господство. Турен констатировал разложение индустриального общества и призывал к обновлению социологических теорий⁶¹.

В Центральной и Восточной Европе не только теория модернизации, но и само понятие «модернизация» в любой его трактовке редко использовались. Вакуум в теоретической области заполняла концепция монетаризма, которая больше, чем любая другая западная теория, подходила к задаче быстрого перехода к рыночным отношениям. Это легче всего было осуществить в денежно-финансовой сфере. При этом сохранялась национальная специфика стран ЦВЕ.

60. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 261.

61. См.: *Touraine A.* Sociologie de l'action. P.: Ed. du Seuil, 1965; *Touraine A.* La société postindustrielle. Paris: Denoel, 1969.

Исключением была только Польша, где на короткий срок была попытка осуществить неолиберальную «шоковую терапию». Результаты этого эксперимента в отечественной литературе искажаются.

В январе 1990 г. в Польше был снят контроль над ценами и отменены государственные субсидии предприятиям. К февралю рост потребительских цен составил 77%, а за весь 1990 г. — 555,4%. Началось сокращение национального дохода. В 1990 г. он упал на 12%, а в 1991 г. — на 9%. Промышленное производство сократилось еще более значительно — в 1990 г. на 24%, а в 1991 г. — на 12%. На 17% упал товарооборот. Уровень безработицы достиг 15,7%. На 5% повысилась смертность и на 4% сократилась рождаемость.

Критика польского эксперимента началась сразу же после его начала. Экономист Рафаил Кравчик писал: «Невозможно просто внезапно запустить рыночные механизмы в совершенно неподготовленной для этого экономической структуре. Надежда на то, что шок такого рода самопроизвольно приведет к гладкому переходу к рыночной экономике, не оправдана. Нет ничего иллюзорнее и опаснее для будущего народного хозяйства, чем терапия такого рода, ибо она ведет к хаосу».⁶²

После того, как правительство осуществило пакет своих мероприятий, вместо оваций оно получило еще более жесткую критику: «Многое указывает на то, что после рывка первых дней этого (1990. — Ю.Б.) года реформа запуталась в собственных противоречиях из-за того, что у теоретиков воображение преобладает над знанием экономической жизни. Программа, которая, без сомнения, ликвидировала кошмар очередей и погоню за недоступными товарами, не смогла, однако, ликвидировать такого неприятного явления, как углубляющаяся рецессия. Более того, правительство, по-видимому, не имеет никакой

62. Кравчик Рафаил. Распад и возрождение польской экономики. М.: Новости, 1991. С. 120.

законченной концепции дальнейших действий... Время, предназначенное в Польше для проведения экономических реформ, уходит на ожидание. Ожидание чего? Ожидание, что «рыночные силы» самостоятельно справятся с экономическим спадом? Ожидание помощи Запада? Внезапного роста предприимчивости и практичности все еще остающихся в собственности государства предприятий? Терпеливости и жертвенности легковерного общества? Вот эти-то надежды беспочвенны»⁶³.

В конечном итоге реформы Сакса-Бальцеровича привели в Польше к отставке «правительства реформ», преобладанию в парламенте бывших коммунистов, формированию прокоммунистического кабинета министров, а, в конечном счете, и к избранию бывшего коммуниста президентом страны. Понятно, что в этих политических условиях капиталистическая трансформация польской экономики оказалась заблокированной. Был частично восстановлен контроль над ценами, введены протекционистские меры для национальной экономики, государственные предприятия вновь стали получать дотации, 20% государственных доходов стало расходоваться на социальную помощь (до реформы Бальцеровича — 10%), что привело к новому дефициту бюджета.

Игнорирование исторического пути страны, ее потребностей и национальных особенностей, менталитета населения привело к повторению в России польского эксперимента.

Одной из главных причин принятия «шоковой терапии» российской правящей элитой является ориентация на стратегию опережения. Сложная и не обещающая быстрого решения проблема поиска форм соединения российского культурного наследия с идеей развития, поиска в российской культуре установок, этических норм, направленных на активное отношение к миру, на хозяйственное

63. Там же. С. 184.

развитие и накопление богатства, не по душе российскому правящему классу. Для него основная цель модернизации заключается не в том, чтобы создать лучшие условия жизни для населения, а в том, чтобы на костях этого населения превратить Россию во вторую по экономическому могуществу мировую державу. В противном случае модернизация вообще теряет всякий смысл для российской правящей элиты.

Однако в реальной жизни нет ни «рыночной», ни «нерыночной» экономики. Народное хозяйство любой страны включает как рыночные, так и нерыночные механизмы. Соотношение между ними определяется экономической целесообразностью. Рыночные отношения не всегда эффективны. При распределении общественных благ, социальной помощи, пенсий и льгот для героев и ветеранов, в домашнем хозяйстве рыночные механизмы абсолютно неэффективны. В любом обществе экономические отношения в указанных областях осуществляются с помощью государственных институтов и семейных традиций. В то же время нет ни одного общества, в котором большой комплекс экономических проблем не решался бы с помощью рыночных отношений.

Общим заблуждением российских сторонников теории модернизации и реформаторов является оценка советской экономики как «нерыночной». Эта оценка воспроизводит известную идеологическую схему, провозглашавшую советскую экономику «плановой». Но это совершенно не соответствует действительности. В рамках советской экономики существовали и чисто рыночные отношения. Их субъектами были физические лица, кооперативные организации, теневики и контрабандисты. Даже некоторые государственные организации (комиссионные, антикварные, букинистические магазины, художественные салоны, система «Березка» со своей собственной валютой) являлись по сути дела посредниками в совершении чисто рыночных сделок.

Чисто рыночными были следующие элементы социализма: распределение хронически дефицитных товаров, таких как престижные товары зарубежного производства (система магазинов «Березка» со своим «березовым рублем», «черный рынок», товарные сделки между физическими лицами и др.); распределение произведений искусства, редких книг и антиквариата, оказание индивидуальных услуг (комиссионные, букинистические и антикварные магазины, индивидуальный пошив одежды и обуви, реставрация ювелирных изделий, произведений искусства, ветхих книг и ремонт зарубежных товаров); торговля высококачественными продуктами питания (колхозный рынок, ярмарки, товарные отношения потребительской кооперации по договорным ценам, продажа с рук) и др.

Поэтому задачей реформирования экономики должно было стать не отбрасывание социалистического наследия, а усиление содержащихся в нем рыночных элементов, их трансформация в направлении доминирующего и эффективного экономического механизма. Но этот путь не обещал быстрых перемен и потому не был принят под предлогом «принципиальной неререформируемости социализма».

Российские сторонники теории модернизации верят в сформулированный Карлом Марксом тезис «неравномерности развития при капитализме». Эта вера не основана на глубоком понимании механизма социального развития, а является одной из тех мистификаций действительности, которыми так богато российское общественное сознание. Это еще одна из причин того, почему неolibеральная теория «шоковой терапии» оказалась близка российскому восприятию общественного прогресса. Она содержит в себе марксистское понимание социальных перемен, совершающихся якобы в форме революционных скачков.

После провала «шоковой терапии» в России вновь воцарилась классическая теория модернизации. Об этом свидетельствует определение модернизации идейного главы Высшей школы экономики Е.Г. Ясина. На II Международ-

ной научной конференции «Модернизация экономики России» он говорил:

«Прежде всего, уточним, какой смысл мы вкладываем в понятие «модернизация» экономики. Буквально оно означает обновление, ликвидацию отсталости, выход на современный, сравнимый с передовыми странами уровень развития.

Речь идет, во-первых, об освоении производства продуктов современного технологического уровня в масштабах, позволяющих российским компаниям занять достойные позиции на мировых рынках.

Во-вторых, это обновление производственного аппарата, замена устаревшего оборудования и технологий на современные, более производительные.

В-третьих, это органическое включение в новейшие мировые инновационные процессы, полная интеграция в мировую экономику, скорейшее использование всех важных нововведений, в том числе новинок в области организации и управления...

В-четвертых, это переподготовка, переквалификация или замена кадров, переобучение и перевоспитание людей, если хотите, усвоение иного образа мышления, соответствующего требованиям времени...

В-пятых, это осуществление структурных сдвигов в экономике, формирование производственной структуры, отвечающей критериям развитой индустриальной страны. Это предполагает повышение в ВВП и экспорте доли продуктов с высокой добавленной стоимостью, в том числе продуктов новой информационной экономики, уход от однобокой сырьевой ориентации экспорта»⁶⁴.

Ясин рассматривает экономическую действительность как *tabula rasa*. Предполагается, что все экономические процессы можно в одночасье остановить, интересы экономических субъектов перечеркнуть, людей перевоспитать,

64. http://www.hse.ru/ic2/materials_2/yasin.htm.

внушить им «иной образ мышления» и заставить мировой рынок, перенасыщенный продуктами «новой информационной экономики», покупать такие же продукты из России.

Ясин не понимает основ экономической деятельности, если считает, что страну, не исчерпавшую экстенсивных возможностей развития, можно сразу включить «в новейшие мировые инновационные процессы». Он настаивает на «скорейшем использовании «всех важных нововведений, в том числе новинок в области организации и управления», которые, между прочим, рассчитаны на решение совсем иного комплекса задач, чем те, которые реально стоят перед Россией.

Для Ясина проблемы реформирования российской экономики решаются чрезвычайно просто: «Суть структурной перестройки и модернизации в переходный период состоит, в частности, в вытеснении нерыночного сектора и замещении его эффективным рыночным. Трудности трансформации для России во многом объясняются тем, что изначально вся советская экономика была нерыночной, а ее преобразование постоянно сопровождается противоречиями между необходимостью вытеснения нерыночных отношений и предприятий, высвобождением связанных в них ресурсов, а с другой стороны — тяжелыми в каждый данный момент социальными последствиями (подлинными или мнимыми) соответствующих действий. Порой это просто косность, нежелание менять привычные нормы поведения, порой — сопротивление сил, чьи интересы оказываются ущемлены. Всего этого у нас больше, чем в других странах с переходной экономикой»⁶⁵.

Видимо благодаря популярности теории модернизации в России на Западе вновь появились ее сторонники. Яростно отстаивает модернизацию Энтони Гидденс⁶⁶.

65. Там же.

66. См.: Гидденс Энтони. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: «Academia», 1999.

Однако в прежнем классическом виде она существовать уже не могла. Началась «модернизация» модернизации.

В завершенной форме новый вариант теории модернизации включал в себя следующие положения. Процесс модернизации может осуществляться разными способами, с использованием различных механизмов. Универсальными политическими составляющими являются: создание дифференцированной политической структуры с высокой специализацией политических ролей и институтов; создание государства, обладающего суверенитетом; усиление роли государства, расширение сферы действия и усиление роли закона, связывающего государство и граждан (лиц с гражданскими и политическими правами), расширение включенности в политическую жизнь социальных групп и индивидов; возникновение и увеличение рациональной политической бюрократии, превращение рациональной деперсонифицированной бюрократической организации в доминирующую систему управления и контроля, ослабление традиционных элит и их легитимности, усиление модернизаторских элит.

Называть эти процессы «модернизацией» можно только в том случае, если движение осуществляется в направлении сближения с западной политической системой. Но на деле возможны китайский или исламский варианты. Впрочем, некоторые отечественные исследователи считают «модернизацией» любые общественные изменения.

В своей докторской диссертации И.В. Побережников констатирует сближение позиций сторонников теории модернизации с представителями других теорий социального развития: «Эффективность современного модернизационного подхода в изучении перехода от традиционного к современному обществу обусловлена его многомерностью, чувствительностью как к эндогенным, так и к экзогенным факторам и механизмам. Объясняя динамику перехода, сторонники модернизационного подхода учитывают действие механизма структурно-функциональной дифференциации..»

что находит выражение в процессах протоиндустриализации, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, образовательной революции, формирования гражданского общества; воздействие институтов, созданных предшествующими поколениями, на дальнейший ход развития.; социальные конфигурации, которые складываются между социальными силами... и оказывают существенное влияние на выбор тех или иных инструментов преобразований... При этом нельзя недооценивать, конечно, и роль диффузии, т. е. механизма распространения инноваций...»⁶⁷.

Таким образом, в развиваемой Побережниковым теории соединяются теория управления, структурализм, path dependency, теория диффузии инноваций. Но в таком случае мы имеем дело не с теорией модернизации, а с одним из эклектических вариантов теории общественного развития.

Модернизация и парадигма постмодернизма

Несостоятельность теорий модернизации и прогресса стала еще более очевидной с появлением концептуально новой, постмодернистской картины мира.

Термин «постмодернизм» впервые был использован Рудольфом Панвицем (Rudolf Pannwitz) в годы Первой мировой войны для обозначения эпохи кризиса европейской культуры⁶⁸. В 1934 г. Ф. де Онис (F. de Onis) использовал этот термин для обозначения реакции на модернизм. В 1947 г. в подготовленном под руководством Д. Сомервелла сокращенном изложении «Постижения истории» (Study of History) Арнольда Тойнби (Arnold Joseph Toynbee) понятием «постмодернизм» была названа эпоха после Второй

67. Побережников И.В. Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург: Уральский государственный технический университет им. Б.Н. Ельцина, 2011.

68. Pannwitz R. Die Krisis der europaeischen Kultur. Berlin, 1917.

мировой войны, обозначившая конец европейского доминирования в экономике, культуре и религии⁶⁹.

С этого времени термин «постмодернизм» сначала эпизодически, а затем все чаще начинает применяться для обозначения трансформаций, происходящих в экономической, технологической и политической сферах жизни общества, а также новаций, возникающих в литературе, искусстве, литературоведении, искусствознании, философии, теологии. Дэниел Белл (Daniel Bell), Юрген Хабермас (Jürgen Habermas), Зигмунт Бауман (Zygmunt Bauman) трактуют его как культурный итог индустриального развития, символ постиндустриального общества, симптом глубинных трансформаций социума. Харви Кокс широко пользуется понятием «постмодернистская теология» и т.д.⁷⁰

Как система научного мышления постмодернизм формируется в 1970-е гг. Ее создателями были французские философы и социологи Мишель Фуко (Michel Foucault), Жак Деррида (Jacques Derrida), Жан Бодрийяр (Jean Baudrillard), Жан-Франсуа Лиотар (Jean-François Lyotard), Ален Турен (Alain Touraine)⁷¹. У них нашлись многочисленные последователи в США: Чарльз Дженкс (Charles Alexander Jencks); Фредерик Джеймсон (Frederic Jameson), Ричард Рорти (Richard McKay Rorty), Андреас

69. Однако в изданных позднее томах «Постижения истории» и его сокращенного изложения термин «постмодерн» уже не встречается. См.: *Toynbee Arnold. A Study of History. Vol IX: Contacts between Civilizations in Time; Law and Freedom in History; The Prospects of the Western Civilization.* London&New York: Oxford University Press, 1954.

70. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999; *Habermas Jürgen. Erkenntnis und Interesse.* Фг./М., 1968; *Bauman Z. Modernity and Ambivalence.* Cambridge: Polity, 1991; *Cox H. Religion in the Secular City. Toward a Postmodern Theology.* N.Y.: Free Press, 1984.

71. Фуко М. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970–1984: В 3 ч.: Ч. 1. / Пер. с фр. С.Ч. Офергаса под общ. ред. В.П. Визгина, Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002; Деррида Ж. Диссеминация (La Dissemination) / Пер. с фр. Д. Кралечкина, науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007; Жан Бодрийяр. В тени молчаливого большинства, или конец социального / Перевод с фр. Н.В. Сулова. Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2000; Лиотар Жан-Франсуа. Состояние постмодерна / Перевод с фр. Н.А. Шматко. М. «Институт экспериментальной социологии» – СПб.: Алетейя, 1998; *Touraine A. La société posindustrielle.*

Хайсен (Andreas Huyssen), И. Хассан (Ihab Hassan), Джон Барг (John Simmons Barth), В. Джеймс; в Германии: Вольфганг Вельш (Wolfgang Iser), Петер Козловски (Peter Kozlowski), Ханс Кюнг (Hans Kung), Дитмар Кампер (Dietmar Kamper); Канаде: Артур Крокер (Arthur Kroker); в Италии: Джанни Ваттимо (Gianni Vattimo) и других странах⁷².

В России сторонниками постмодернизма являются В.В. Бычков, И.П. Ильин, А.А. Костикова, В. Курицын, Н. Маньковская, Н.В. Переяслов, В.А. Подорога, М.К. Рыклин, Л.В. Терещенко, М.Н. Эпштейн, А.К. Якимович, М.Б. Ямпольский⁷³. Однако отечественная школа постмодернизма еще только складывается. Многие российские философы, социологи и экономисты еще находятся в

-
72. Козловски Петер. Принципы этической экономики. СПб.: Экономическая школа, 1999; Jameson F. Postmodernism & Cultural Theories. Durham: Duke University Press, 1987; Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М.: Стройиздат, 1985; Jencks Ch. What is Post-Modernism? N.Y.: St Martins Press, 1986; Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton: Princeton University, 1979; Rorty R. Contingence, Irony and Solidarity. Cambridge: Cambridge University Press, 1989; Huyssen A. After the Great Divide: modernism, mass culture and postmodernism. N.Y.: Macmillan, 1988; Hassan Ihab. The Postmodern Turn, Ohio State U.P. 1987; Вельш В. Постмодернизм в искусстве и философии и его отношение к технологической эпохе // На путях постмодернизма. М.: ИНИОН, 1995. С. 120–137; Kamper Dietmar. Abstraktion und Geschichte: Rekonstruktionen des Zivilisationsprozesses. München: C. Hanser, 1975; Kroker A., Weinstein M. Data trash. The theory of the virtual class. Montreal, 1994; Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М.: Логос, 2002.
73. Бычков В.В. Эстетика. 2-е изд., испр. М.: Гардарики, 2004; Ильин И. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М.: Интрада, 1996; Он же. Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998; Костикова А.А. «Новая философия» во Франции: постмодернистская перспектива развития новейшей философии. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996; Курицын В. Книга о постмодернизме. Екатеринбург: УИЭУиП, 1992; Рыклин М.К. Искусство как препятствие. М.: Ад Маргинем, 1997; Маньковская Н.В. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000; Переяслов Н. Оправдание постмодернизма// Наш современник. 1999. №5; Подорога Валерий. Выражение и смысл. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX века. М.: Ad marginem, 1995; Терещенко Л.В. Постмодернизм в российской культуре (Специфика и особенности проявления): Дис. ... канд. культурологических наук. Краснодар: Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств, 2004; Эпштейн М.Н. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб.: Алетейя, 2001; Якимович А.К. О лучах Просвещения и других световых явлениях. Культурная парадигма авангарда и постмодерна// Вопросы философии. 1992. №5. С. 240–248; Ямпольский М.Б. Наблюдатель. Очерки истории видения. 2-е изд. СПб.: Сеанс; Порядок слов, 2012; Литовецкий М. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики). Пермь, 1997; Силчев Д.А. Постмодернизм: экономика, политика, культура – <http://www.bookluck.ru/bookuyiuo.htm>.

орбите классической европейской научной парадигмы с ее слепой верой в линейный прогресс, стадии экономического и социального развития и беспредельные возможности человеческого разума. К постмодернизму они относятся с большим недоверием. Это свидетельствует о слабой вовлеченности России в постиндустриальные процессы.

Постмодернизм – это мировоззрение постиндустриального общества, с его быстрыми изменениями в экономике, технологиях, социуме и культуре. Эти изменения вызревали и совершались на протяжении второй половины XX в. Они во многом определили собой окружающую действительность и внутренний облик человека.

Огромный, сложный и противоречивый мир превратился в обозримый и компактный информационный блок. Это привело к существенным сдвигам в веками слагавшихся понятиях о мировом развитии и структуре, о времени и пространстве, о сходстве и несходстве вещей, об истинном и ложном. Взрывной характер революции информационных технологий пришел в существенное противоречие с тысячелетиями складывавшимися навыками общежития и труда, с психологическими, познавательными и культурными установками людей.

Характеризуя социокультурную ситуацию второй половины XX в. Ж.-Ф. Лиотар говорил о вавилонском столпотворении разных мировоззрений, религий и языков научных теорий, которые стремятся декретировать свое понимание мироустройства, чтобы утвердиться в качестве «единственно верной» общественной идеологии и репрессировать инакомыслящих. Многочисленные научные школы, претендуя на трон научной истины, давно перестали понимать друг друга. Это приводит к хаосу в умах людей, серьезному научному и духовному кризису и, как следствие, невозможности решить глобальные проблемы человечества⁷⁴. Постмодернистское мировоззрение снима-

74. Лиотар Ж.-Ф. Указ. соч.

ет противостояние теорий и идеологий и выдвигает новую ценностную парадигму для понимания мира.

Постмодернисты отказались от логики линейного прогресса и восприятия одной части мира как образца для других его частей. Дихотомия традиционализма как синонима отсталости и модернизма как символа прогресса сменилась более сложной картиной, в которой западные страны перестали восприниматься в роли исключительного носителя прогресса. Все теории, основывающиеся на идее необратимого прогресса, неизменно оказываются утопиями. Они препятствуют адекватному восприятию действительности, вырабатывая свою понятийную систему, свой язык, ставящий ограничительные рамки человеческому познанию. Власть содействует ограничению познания, что облегчает управление. История осознания мира обществом свидетельствует не о постепенном накоплении знаний, а о революционных прорывах за пределы господствующих идеологических установок и теорий, вступающих в непримиримый конфликт с существующей властью, светской или церковной.

Отвергая утопии, рожденные эпохой Просвещения, постмодернизм освобождает право личности идти своим собственным путем, что отвечает потребности постиндустриального общества в развитии креативного мышления. Постмодернизм отказался от противопоставления *modernity* и *tradition*, не отдавая предпочтения глобальному, универсальному и общему перед местным, локальным и частным. Из того, что было в истории частным, нередко вырастает всеобщее.

Постмодернизм придает большое значение истории. И здесь его позиции отличаются от классических. С точки зрения постмодернистов в истории много провалов, разломов и пустот человеческого бытия. Зигмунд Бауман видит особое значение постмодернистской парадигмы в том, что она лишает нас самонадеянной уверенности в благополучном историческом финале и разумности исторической эво-

люции. История – это не благополучное прошлое, не ступени прогрессивного развития человечества, а зона риска. Пути научно-технического развития весьма неоднозначны: они отмечены появлением и расползанием по миру ядерного и биологического оружия, загрязнением окружающей среды, разрушительными экономическими кризисами. По замечанию Баумана, постмодернизм «выбрасывает нас из сладкого сна» и отрезвляет. Постмодернистское мировоззрение заставляет заново переписать историю, но на этот раз «как историю ошибок и искажений». Постмодернизм дает основания утверждать, что та история, в которой западная цивилизация «чувствовала себя в своей стихии, по сути, пришла к концу»⁷⁵.

По своей сути постмодернистское мировоззрение выбивает почву из-под модернизационной утопии. Однако дистанцируясь от теории модернизации, как и от других социальных и экономических утопий современности, постмодернизм стремится не вступать с ними в прямой конфликт, а вовлечь их сторонников в свою орбиту на новой теоретической основе. Постмодернизмом выдвинут ряд принципиальных положений, существенно отличающихся от классического западноевропейского научного мышления. Это относится, прежде всего, к утверждению плюралистической научной парадигмы, ведущей к расшатыванию и внутренней трансформации категориальной системы и понятийного аппарата популярных, но утопических по своей сути теорий.

Тем не менее, в трудах классиков постмодернизма можно найти и прямую критику теории модернизации.

С момента своего появления постмодернизм был подвергнут жестокой критике. Тем не менее, его влияние на философскую и социологическую мысль несомненно. В доказательство я сошлюсь на книгу Энтони Гидденса (Anthony Giddens) «Последствия модернити». Являясь

75. *Bauman Z. Modernity and Ambivalence. Ithaca: Cornell University Press, 1991.*

яростным критиком постмодернизма Гидденс выдвигает против него такие аргументы, которые парадоксальным образом ведут к оправданию. Гидденс принимает все ключевые положения постмодернизма: крах эволюционизма, исчезновение исторической телеологии, признание радикальной, конститутивной рефлексивности, а также утрата Западом своей привилегированной позиции. Его единственным возражением является то, что все это можно принять, оставаясь в рамках модернити⁷⁶. Иначе говоря, вопрос сводится к тому, живем ли мы в новом постиндустриальном мире или остаемся в старом индустриальном. Происходящие на наших глазах кардинальные изменения в экономике, культуре, мировом геополитическом и геоэкономическом пространстве делают ответ на этот вопрос очевидным.

Многие видные политологи вслед постмодернистам оценивают состояние мира после крушения социализма как хаос и анархию. Самуэль Хантингтон считает, что признаками хаоса являются: «исчезновение государственной власти; распад государств; усиление межплеменных, этнических и религиозных конфликтов; появление международных криминальных мафиозных структур; рост числа беженцев до десятков миллионов; распространение ядерного и других видов оружия массового поражения; расползание терроризма, повсеместная резня и этнические чистки»⁷⁷. О том же пишут Збигнев Бжезинский (Zbigniew Brzezinski), Дэниел Патрик Мойниган (Daniel Patrick Moynihan) и Роберт Каплан (Robert Kaplan)⁷⁸. Характерна в этом отношении книга «Столкновение цивилизаций». Ослабление государств и появление «обанкротившихся стран» наводит на мысли о всемирной анархии как четвертой модели.

76. *Anthony Giddens. The Consequences Of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1996.*

77. *Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 36–37.*

78. *Brzezinski Zbigniew. Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the Twenty-first Century. N.Y.: Scribner, 1993; Moynihan Daniel Patrick. Pandaemonium: Ethnicity in International Politics. Oxford: Oxford University Press, 1993; Kaplan Robert. The Coming Anarchy // Atlantic Monthly. February, 1994. No. 273. P. 44–76.*

Подобно постмодернистам Ульрих Бек характеризует итог развития индустриальной цивилизации как «общество риска»: «Мы живем не в классовом обществе, а в порожденном эпохой модерна обществе повышенного, исторически беспрецедентного риска. Его особенность: любые деяния — повышение производительности труда, рост благосостояния, расширение знаний, новая технология, практически эффективная наука — страшным и парадоксальным образом обращаются против человека и человечества, имеет место коллективное нанесение ущерба самим себе (*kollektive Selbstschadigung*), а именно экологическая угроза, опасность, исходящая от ядерного оружия, войны, терроризма и т.д. И эти опасности таковы, что (в отличие от классового общества, где господствующие классы и группы могли уберечься от потрясений) не может быть «привилегий» ни для кого, если дело дойдет до экологической или ядерной катастрофы»⁷⁹.

Беку вторит и критик постмодернизма Энтони Гидденс: «Оборотной стороной модернити — и этого фактически никто не способен не сознавать — может быть не что иное, как «республика трав и насекомых» или группа разрушенных и травмированных человеческих сообществ. Никакие провиденциальные силы не вмешаются ради нашего спасения, и никакая историческая телеология не гарантирует, что эта вторая версия постмодернити не вытеснит первую. Апокалипсис стал тривиальностью, он знаком как контрафактическая ситуация повседневной жизни, и, как и все параметры риска, он может стать реальностью»⁸⁰.

Заключение

Теория модернизации сыграла в истории российских реформ весьма негативную роль. Тем не менее, в отече-

79. Бек Ульрих. Общество риска: на пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Я.Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

80. Beck Ulrich. World Risk Society. Cambridge: Polity Press / Blackwell Publishers, 1999. P. 24.

ственных социальных науках и системе образования не прекращаются попытки насадить ее в качестве полуофициальной доктрины. Это связано с тем, что современная Россия инкорпорируется в мировую экономическую систему в качестве страны-периферии, сырьевой базы ведущих держав. Это является составной частью осуществляющегося в настоящее время в мире проекта глобализации.

Анализ того, каким образом теория модернизации смогла утвердиться в общественном сознании России, приводит к весьма неутешительным выводам. В нашем обществе отсутствует механизм, который производил бы отбор наиболее перспективных и соответствующих национальным интересам социальных теорий и проектов экономических реформ. Казалось бы, печальная практика социального экспериментирования должна была создать такой механизм. Но оказалось, что социальные слои, чьи интересы были серьезно нарушены реформами начала 1990-х гг., не оказывают никакого воздействия на тех, кто принимает политические решения.

Еще в 1930-е гг. Карл Поппер заявил, что все теории имеют временную силу: их правильность никогда не может быть доказана, может быть доказана только их неправильность⁸¹. Это особенно относится к общественным наукам.

Задолго до создания теории модернизации, в 1920 г., выдающийся русский лингвист Н.С. Трубецкой опубликовал книгу «Европа и мир». В ней он отметил ряд тупиков, к которым ведет вестернизация других народов. Во-первых, заимствуя опыт Европы, народы всегда остаются позади европейских стран, ибо пока они его усваивают, европейская мысль и экономика успевают далеко продвинуться вперед. Во-вторых, усвоение странами европейского опыта отвлекает их от собственной культуры и экономических проблем. В результате разрушается наука, игнорируются отечественные достижения. В-третьих, страны наводняют

81. См.: *Поппер К. Предположения и опровержения // Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.*

поток западных «специалистов», не нашедших себе применения на родине и, как правило, действующих не лучшим образом⁸². Урок оказался неувоенным.

Трансформация российского социума, вызванная целым рядом потрясений в экономической, политической и духовной жизни постсоветской России, является нелинейной, неклассической, со значительными неординарными последствиями, а значит, традиционные приемы преодоления кризисных ситуаций не могут быть продуктивны. Теория модернизации и даже само понятие «модернизация» не отражают адекватно ту степень перемешанности и взаимозависимости социальных явлений, которые реально существовали и существуют в постоянно меняющейся экономической и общественно-политической ситуации в России.

82. Грубецкой Николай. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000. С. 29–92.

Часть II

Исторический опыт экономических реформ

Г.Г. Попов*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ РУСИ ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Введение

Тема монгольского завоевания Руси привлекала и привлекает интерес каждого нового поколения историков уже много лет. Сам понятийный аппарат, связанный с завоеванием русских земель номадами, претерпевает ныне изменения. Возьмем хотя бы термин «татаро-монгольское нашествие». Он в корне некорректен с научной точки зрения. Во-первых, татары как народность еще не сложилась к середине XIII в. Во-вторых, татары не существуют и никогда не существовали как отдельный единый народ, есть казанские, сибирские, крымские и другие татары, но нет отдельно взятого татарского народа. В-третьих, в состав войск Батыея входили многочисленные половецкие и болгарские контингенты, а самих монгол было несколько сотен.

Другой термин – «татаро-монгольское иго» – носит столь же некорректный характер. Иго означает обращение всего народа или его большей части в рабство, что сопровождается лишением этого народа собственной государственности. Ничего подобного в ситуации с Русью периода монгольского завоевания мы не видим.

* Попов Григорий Германович – к.э.н., доцент кафедры мировой экономики Московской академии экономики и права.

В настоящем исследовании мы попытаемся ответить на следующие вопросы: имелись ли социальные и экономические причины поражения русских княжеств в борьбе с монгольскими завоевателями? произошли ли кардинальные изменения в социально-экономическом развитии Северо-Восточной Руси в период монгольского господства? были ли последствия этого господства столь тяжелыми, что привели к отставанию русского общества от Запада?

Ответ на поставленные выше вопросы требует обращения к источникам, которых мало. Например, по феодальным отношениям в киевский и монгольский период у нас есть не более полусотни документов, которые так или иначе могут дать нам представления об особенностях русского феодализма. Дефицит источников, которые разбросаны по обширному временному и географическому пространству, дополняется дефицитом археологических данных. Например, у нас есть буквально единичные доказательства нашествия Батыя на Русь, причем сомнительного характера, исключение составляют результаты раскопок средневекового Киева.

Исходя из сложившейся по монгольскому периоду ситуации с источниками и археологическими данными, толкование тех и других может привести к неоднозначным выводам, поэтому мы будем опираться на узкий круг данных археологов и документов, касающихся преимущественно территории Волго-Окского междуречья в XIII – первой половине XV в.

Основными выводами исследования, которые изложены автором в других работах¹, являются: поражение русских княжеств в борьбе с монгольскими завоевателями стало результатом длительного отставания в развитии военных технологий и неудачного командования

1. Попов Г.Г. Социально-экономическое развитие и историческая демография Руси IX – начала XV вв. М.: Издательство МГОУ, 2011; Popov G. Russia in Mongolian period: The main aspects of historical demography and economic development. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2012; Черемных О.А., Попов Г.Г. Евразийская концепция истории России средних веков. Воскресенск: ООО «Позитив», 2011.

объединенными войсками зимой 1237–1238 гг.; к XIII в. в Северо-Восточной Руси сложились пашенное земледелие и оседлое животноводство, осуществлявшиеся почти не мигрировавшим за пределы своих волостей крестьянством; в течение монгольского периода сохранялись те же самые тенденции развития аграрной экономики Северо-Восточной Руси, что и в киевский период, исключение составил только Московский удел; демографический рост Северо-Восточной Руси оставался еле заметным на протяжении всего монгольского периода; даннические выплаты в монгольский период забирали до 50% дохода русской крестьянской семьи; в монгольский период продолжал сохраняться видимый «парадокс» аграрной экономики Северо-Восточной Руси, когда крестьянство вело пашенное земледелие, практически редко прибегая к расширению оборота земли, что сдерживало внутреннюю колонизацию Волго-Окского междуречья.

Основные тенденции в аграрном развитии Волго-Окского междуречья накануне и во время монгольского завоевания

Одним из крупнейших открытий советских археологов середины–конца прошлого века стало установление того факта, что население Северо-Восточной Руси в раннем средневековье активно занималось пастушеским животноводством. Долгое время считалось, что славяне, проживавшие в бассейне Оки, разводили крупнорогатый скот для производства молока и получения навоза, но, на самом деле, они практиковали животноводство в том числе и для получения мяса². Данное обстоятельство меняет наши

2. Лавренов С.М., Розанова В.И., Жулева Н.М. Домашние и дикие животные Рязанской земли (IX–XII вв.) // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна: Сб. науч. тр. Рязань: Поверенный, 2003.

представления о средневековой Руси, основу ее экономики входило составляло и животноводство, которое компенсировало естественный для зон экстремального земледелия дефицит зерна.

Наличие развитого для своего времени животноводства далеко не означает, что русские крестьяне не перешли к паровой системе земледелия к началу монгольского периода, как, например, считает Л.В. Милов³, малочисленность населения позволяла сочетать и то и другое. В отличие от Северо-Восточной Северо-Западная Русь несколько отставала по масштабам мясного скотоводства в киевский и монгольский периоды. Вероятно, новгородцы предпочитали вкладывать средства не в животноводство, а в пушную охоту и рыболовство, крупнорогатый скот в средневековой России стоил немало.

Стоит остановиться на концептуальных идеях Л.В. Милова, так как они отражают распространенную сегодня в науке точку зрения на аграрную историю России средних веков. Л.В. Милов, не проводя глубоких сравнений с историческими примерами других стран, доказывает, что развитое животноводство было сильно затруднено в России, при этом считая, что в средние века и Новое время в животноводстве были одни и те же проблемы, связанные с климатом. Например, он убежден, что 2,15–4,3 кг овса в день (в зависимости от ценности лошади и тяжести выполняемой ею работы) для лошади в монастырском хозяйстве Руси конца XVI в. это мало, так как в XVIII в. в Англии и Франции лошадь потребляла 5,13–5,8 кг овса⁴. Однако, всем коневодам рекомендуется кормить лошадей тремя кг овса, если эти лошади выполняют работу средней тяжести. Даже в XX в. в некоторых хозяйствах кобылам давали 2

3. Милов Л.В. Природно-климатические факторы и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4–5.

4. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. Электронная версия монографии: http://www.situation.ru/app/rs/lib/milov/pahar/pahar_content.htm.

кг овса, если они выполняли не столь тяжелую работу⁵. Вероятно, монастырские крестьяне XVI в. в окрестностях Москвы берегли лошадей, не особо сильно нагружая их работой, кроме того, не исключено, что в этом просто не было необходимости, так как масштаб запашки мог быть невелик.

А.В. Милов также утверждает, что земледелие в средние века и Новое время носило на Руси в основном экстенсивный характер, в доказательство приводятся в основном данные уже самого конца средневековья и XVIII–XIX вв. «Отсюда, — делает вывод А.В. Милов, — вызванный жесточайшей необходимостью постоянный процесс колонизации все новых и новых территорий, миграция населения на юг, восток и юго-восток страны»⁶. Прирост прибавочного продукта, по А.В. Милову, происходил почти за счет роста численности рабочих рук⁷. Определить, был ли демографический рост реально в монгольский и постмонгольский периоды, сегодня непросто, но, если такового не было, а имел место, как мы считаем, демографический кризис, то нельзя, по концепции А.В. Милова, вести речь о приросте прибавочного продукта в экономике Руси вплоть до середины — конца XVII в. Тем не менее, прирост прибавочного продукта в средневековой Руси все-таки наблюдался в отдельные эпохи, но был вызван, очевидно, благоприятной политической обстановкой. Мы поддерживаем точку зрения, что переход к интенсивному земледелию произошел на Руси еще в киевский период. Разумеется, мы не отрицаем существования миграционных процессов на Великорусской равнине в средние века и позднее, но они были вызваны скорее политическими, нежели экономическими факторами.

5. Материалы сайта Международного научного центра лечения и реабилитации животных «ЗООВЕТ», <http://www.zoovet.ru/animals.php?vid=688>.

6. Милов А.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса.

7. Там же.

Распространение в Северо-Восточной Руси скотоводства должно было положить предел росту экстенсивного земледелия, вынудив крестьян перейти к паровой системе. Правда, мы не можем утверждать, что к исходу киевского периода подсечно-огневое земледелие исчезло в русских землях вовсе, но оно было сильно потеснено интенсивными методами. Российские археологи определили по коэффициенту засоренности найденных скоплений семян культурных растений, относящихся по времени к монгольскому периоду, что в таежно-лесной зоне Руси широко практиковалась паровая система земледелия⁸.

Для Северо-Восточной Руси уже в XIII в. большое значение имела озимая рожь, кроме того, как показали исследования окрестностей Твери, в монгольский период однородное использование участков имело длительные сроки⁹, что в корне противоречит получившей широкое распространение в науке гипотезе о преимущественно экстенсивной форме земледелия у русских в монгольский период.

Надо сказать, что переход от экстенсивного к интенсивному земледелию произошел в Восточной Европе практически повсеместно в XII – XIII вв. Например, для Литвы еще в советской период были собраны археологические материалы, четко подтверждающие существование там трехполья в первых веках II тысячелетия н.э.¹⁰, но, по всей видимости, все-таки точнее речь надо вести о XII–XIII вв. Наличие трехпольной системы в крупных литовских зерновых хозяйствах подтверждается письменными источниками XIII века¹¹. Примерно тем же периодом – XII–XIII вв. – можно датировать период масштабного перехода от подсечно-огневого к пашенному земледелию

8. *Кирьянова Н.А.* Применение карпологии в изучении истории земледелия древней Руси // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985. С. 104–112.

9. *Лашин В.А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2009. С. 164.

10. *Финно-угры и балты в эпоху средневековья* / Под редакцией Б.А. Рыбакова. М.: «Наука», 1987. С. 396.

11. Там же.

у мордвы, хотя первые мордовские сельскохозяйственные орудия, характерные для пашенного земледелия, относятся еще к VI–VII вв.¹² Таким образом, в XII–XIII вв., мы видим, если не революцию в земледелии, то, во всяком случае, значительное ускорение в его развитии почти на всем восточноевропейском пространстве.

Теперь обратимся к проблеме масштабов сельскохозяйственного освоения территории Северо-Восточной Руси в монгольский период. Обращает на себя внимание тот факт, что освоение новых земель под пахоту шло очень слабыми темпами, в окружении русского крестьянина было много земли, однако территории под пашней практически не меняются с начала монгольского периода вплоть до конца XVII в., наглядным примером чему служит ситуация с Тверским княжеством¹³.

Сочетание слабой освоенности обширных территорий и наличия паровой системы земледелия – нередкая особенность средневековой Европы. Причина такого явления заключается в дефиците капитала в сельском хозяйстве. На зрелом этапе киевского периода и в монгольский период накопления инвестировались, если так можно выразиться, в сооружение церквей и в потребление знати, которое увеличивалось с каждым поколением.

В докапиталистические эпохи европейской истории основными инвесторами в сельское хозяйство выступали крупные землевладельцы (феодалы). На Руси класс феодалов складывался очень долго, длительное время крупными землевладельцами выступали князья и церковные владыки, исключение составляла Новгородская республика. Самое крупное, по своей денежной стоимости, земельное владение – примерно 500 руб. – за весь монгольский период имел новгородский боярин Остафий Онаньевич¹⁴. Например, Иван Калита, который в отечественной историографии счи-

12. Там же. С. 105.

13. Латишин В.А. Указ. соч. С. 32.

14. Андреев В.Ф. «Новгородский частный акт» 12–15 веков. М.: Наука, 1986.

тается одним из самых богатых князей монгольского периода, имел, согласно духовной грамоте, 100 руб. денежных сбережений, что в сотни раз меньше, чем у французских и английских королей. Обращает на себя внимание фраза из той же духовной: «А что ся останеть моих порт, а то роздаять по всим попьам и на Москве»¹⁵. Таким образом, «порты» для одного из самых влиятельных для своей эпохи русских князей являются вещью, достойной упоминания в завещании.

В эпической русской песне о разорении Твери в 1328 г. говорится, что хан взял с каждого князя по сто рублей, с боярина — по 50, с крестьянина — по 5. Вероятнее всего, в песне отразилась историческая реальность. Ордынцы в Тверском княжестве конфисковали большую часть имущества, у знати отнималось, по всей видимости, почти все. Таким образом, сто рублей были «средней величиной денежного капитал» русского князя первой половины XIV в.

Если проводить сравнения русских князей с землевладельцами в других странах, то мы увидим, что русские правители монгольского периода имели ограниченные экономические возможности. Средней нормой феодального владения в Италии XI в. было 500–600 крестьянских хозяйств. Но один итальянский аристократ владел в том же веке 90 тыс. га земли, когда владения римских пап достигали в одном только округе 78,5 тыс. га¹⁶.

Имея приведенные выше данные по экономическому состоянию феодалов Европы, можно теперь четче представить себе хозяйственное положение, например, московских князей и их государства. Иван Калита завещал своему главному наследнику, старшему сыну Симеону, следующие села и города (фактически тоже села): «Можайск со всеми волостями, Коломну со всеми Коломенскими волостями, Городенку, Мезыню, Песочную и Середокоротну, Похряне,

15. Хрестоматия по истории СССР. Т. I / Сост. В. Лебедев и др. М., 1940.

16. Буассонад П. От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе. М.: Центрполиграф, 2010. С. 149.

Устьмерску, Брошевую, Гвоздну, Ивани деревни, Маковец, Левичин, Скульнев, Канев, Гжель, Горетову, Горки, село Астафьевское, село на Северске в Похрянском уезде, село Константиновское, село Орининское, село Островское, село Копотенское, сельцо Микульское, село Малаховское, село Напрудское у города»¹⁷.

Очевидно, в духовной речи ведется о старых княжеских волостях, которые были всегда густо населены. Например, по данным середины XVII в., одна такая волость, Комарицкая, насчитывала около 19 тыс. мужчин, и это после демографических катастроф эпох Ивана Грозного и Великой Смуты. Хотя в соседней Крупецкой волости проживали всего лишь 781 чел.¹⁸ По духовной Дмитрия Донского, в 1389 г. к Можайску относились пять волостей¹⁹, вокруг Коломны волостей было больше — 16. В старой княжеской волости Воря в 1520 г. насчитывалось 144 поселения разного типа, в 1594 г. в той же волости их было почти в 3 раза меньше²⁰, вот, чем оборачивались политические потрясения для средневековой Руси, и это еще до Великой Смуты. Таким образом, мы не можем определенно сказать, сколько в среднем было поселений и дворов в одной волости. Все-таки, мы склонны полагать, что чуть больше, чем в Крупецкой волости в середине XVII в., или примерно тысяча человек, что согласуется и с данными по Ворьской волости конца XVI в., плотность населения на Руси монгольского периода не могла быть выше, чем во времена Бориса Годунова.

Теперь, определимся с масштабами русского села монгольского периода. Сделать это непросто, так как количество дворов в селе могло достаточно быстро меняться, да

17. Хрестоматия по истории СССР. Т. I.

18. Новосельский А.А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII в. \ Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 65–80.

19. Янишевский Б.Е. Можайск и его округа в XI-XV вв. : Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.: Ин-т археологии РАН, 2008.

20. Иванов А. Тысяча лет на Воре. Красноармейск: Б. тип., 2006.

и села были разные. По писцовым книгам мы знаем, что в самом крупном из принадлежавших новгородским боярам сел в постмонгольский период было 20–30 десятин пашни²¹, что дает нам максимум 4–6 крестьянских дворов, когда в одном только имении Троице-Сергиева монастыря в те же времена – 5 000 десятин пашни. Тому же монастырю в 1618 г. была подтверждена грамота на село Радонеж, со всеми угодиями, «по старине». Это село, принадлежавшее монастырю с XIV в., насчитывало 23 крестьянских и бобыльских двора при 150 четвертях (75 десятин) распашанной земли²². Но в то же время монастырь владел селом в Гореватом стане, имевшем около 800 десятин земли²³, в котором могло проживать минимум 80 крестьянских семей. В 1657 г. Никон отобрал у Троице-Сергиева монастыря это село, дав взамен село Лаврово под Переславлем, в котором было 135 четвертей (почти 68 десятин) земли. В селе Лаврово могло проживать максимум 27 семей. Вероятно, патриарх считал, что среднее монастырское село и должно иметь масштабы – 20–30 дворов, как и было «в старину». Как утверждает М. Черкасова, крупное монастырское село в начале XVI в. насчитывало 29–53 дворов, при этом 80% монастырских крестьян проживали именно в крупных селах²⁴. При этом село, насчитывавшее более ста дворов, было редкостью даже для начала XVI в.

Если монастырское землевладение было создано еще в конце киевского периода в Волго-Окском междуречье князьями и продолжало расширяться за счет их пожалований в монгольский период, то все монастырские села являлись когда-то княжескими. Отсюда мы можем с большой долей уверенности предположить, что Иван Калита завещал Симеону села, имевшие в среднем по 25 дворов каждое

21. Покровский М.Н. Русская история: В 3 т. Т. I. М.: АСТ, 2005. С. 30.

22. Черкасова М. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII в. (по архиву Троице-Сергиевой лавры): Дис. ... д-ра ист. наук. Вологда: Вологодский гос. пед. ун-т, 2001.

23. Там же.

24. Там же.

(29–53 двора — это все-таки норма уже для эпохи Ивана III), что дает в общей сложности, если учесть 23 пожалованных села, 575 дворов. Округлив число дворов в завещанных селах до 600 и прибавив к ним волостные дворы, где-то 4 000, мы видим, что Симеон получил от отца примерно 4 600 дворов, что максимум дает 46 тыс. га сельскохозяйственных земель. Разумеется, мы учли только землю в сельскохозяйственном обороте, нам надо еще принять во внимание пустоши, составлявшие до 40% от общего фонда находившейся в собственности феодала земли, и леса, которые в десятки раз по площади могли превосходить пахоту. Таким образом, будущий великий князь не был беднее итальянского аристократа, если только судить по площади земель, но продуктивность русского сельского хозяйства была ниже, чем в Италии. Но великим князьям надо было решать и более сложные политические задачи, нежели итальянским аристократам. Отсюда получается, что после освобождения от ордынской зависимости Московское государство могло решать военно-политические задачи, только проводя захваты новых земель.

Крупное княжеское землевладение, которое служило базисом для организации обороны, должно было сочетаться еще и с мелким землевладением, оно обеспечивало князя войском. Однако количество бояр в Северо-Восточной Руси (своего рода русских рыцарей) было заметно ниже, чем в странах католической Европы. Например, в Англии конца XII в. насчитывалось 5 000 рыцарей и 1 400 баронов первого разряда²⁵. На Руси в монгольский период, судя по спискам потерь в «Задонщине» и другим документам, было примерно 1 500–2 000 бояр²⁶.

Нельзя сказать, что на Руси не было достаточно земли для испомещения, вероятнее всего, не хватало рабочих рук для ее обработки. Исходя из этого, мы предполагаем, что одним из мотивов завоевания новых территорий в пост-

25. Буассонад П. Указ. соч. С. 148.

26. Потов Г.Г. Указ. соч.

монгольский период являлось увеличение населения государства, так Московское княжество стремилось преодолеть последствия демографического кризиса монгольского периода.

Что касается предположения о низкой продуктивности зернового хозяйства, по сравнению с католической Европой, то мы, как и выше, утверждаем, что она не была столь низкой, если провести аналогию с Англией или Скандинавией. К XVIII в. шведские крестьяне смогли добиться урожайности сам-6. Как утверждала Л.С. Прокофьева, в северных регионах России была достигнута такая же урожайность в первой половине того же века²⁷.

Другой пример, Венчестерское епископство, в его землях в XIV в. урожайность пшеницы составляла сам-3,8²⁸, почти как на Руси постмонгольского периода. Английские крестьяне, как и русские, были вынуждены увеличивать запашку, чтобы избежать голода. Кстати говоря, масштабы крестьянского надела на Руси и на Западе были неравномерны, западноевропейский пахарь обрабатывал в среднем примерно 20 га²⁹, для русского крестьянина максимальная норма надела составляла около 13 га, хотя обычно она редко достигала 10 га. Русский пахарь был оснащен орудиями труда и лошадьми хуже, чем его французский либо немецкий коллега. Таким образом, доходы русского феодала должны были быть в два раза ниже, чем английских королей и баронов только в силу в два раза сниженной, по сравнению с Западной Европой, нормы запашки, но это при условии одинакового количества задействованных рабочих рук. Отсюда переход крестьян в монастырские и великокняжеские села неминуемо, в условиях хронических демографических кризисов,

27. Прокофьева Л.С. Хлебный бюджет крестьянского хозяйства в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в 30-е годы XVIII в. // Вопросы аграрной истории (материалы научной конференции). Вологда, 1968. С. 352–353.

28. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: У-Фактория, 2005.

29. Буассонад П. Указ. соч. С. 163.

подрывал экономическую базу даже других крупных феодальных владетелей.

Помимо прочего, низкая норма запашки в русской аграрной экономике средних веков была результатом слабого развития городов – не было рынка сбыта. Получился замкнутый круг: слабое развитие города не давало селу дешевые инвентарь и одежду, что сдерживало рост прибавочного продукта, а последнее обстоятельство не давало возможности расти городам.

Рассмотрим топографию сельскохозяйственного освоения территорий Северо-Восточной Руси, чтобы приблизительно оценить демографические потери от монгольского завоевания (хотя есть и другие методы, но этот дает нам более детальные представления о проблеме). Мы будем опираться на данные по Тверскому и Московскому княжествам, а также Новгородской республике, которая не относится к интересующему нас географическому пространству, но по ней у нас много письменных данных, которые можно сопоставить с археологическими.

В район современной Твери славянские колонисты пришли еще в конце X в., осваивая почти только дерново-карбонатные почвы, в монгольский период и немногим ранее аграрное освоение выходит за пределы зон этого типа почв, но останавливается, вплоть до эпохи Романовых, на тех же территориях (разумеется, освоение земли шло и за их пределами, но в значительно меньших масштабах). Так или иначе, но памятники киевского и раннего этапа монгольского периодов строго совпадают с зонами раннего аграрного освоения тверской земли³⁰ и указывают нам на то, что крестьянское население оставалось стационарным в границах Тверского удельного княжества на протяжении пяти столетий, а может и более.

У нас мало летописных данных, касающихся экономики русских земель в средние века, история тогда писалась

30. Латишин В.А. Указ. соч. С. 32–34.

как поучение или хроника событий, в основном битв и деяний высших светских и духовных лиц. Упоминаемые в духовных грамотах села могли быть основаны за сотни лет до приведения сведений в завещаниях, поэтому данный источник для определения степени стационарности крестьянского населения и его хозяйственного быта в целом мало пригоден.

Писцовые книги также охватывают в основном постмонгольский период, однако мы считаем их наиболее достоверным типом документов, по которым можно реконструировать хозяйственный быт русских крестьян хотя бы второй половины монгольского периода и, самое главное, аргументировать наш вывод о давней традиции пашенного земледелия в средневековой Руси.

По Новгородской писцовой книге от 1500 г. мы четко видим, что русские крестьяне вели пашенное земледелие, причем практически повсеместно. Составитель писцовой книги четко разделяет оброки, которые стали платить после присоединения Новгорода к Москве, и те, что платили до того, т.е. «по старине». Выражение «по старине» применяется практически ко всем деревням, это означает, что их население находилось на своих местах еще задолго до покорения Новгорода войсками Ивана III.

В большинстве случаев крестьяне должны были платить денежный оброк и в дополнение к нему еще и натуральный, обычно треть урожая. Обращает на себя внимание детализация расположения деревень в писцовых книгах, из чего мы узнаем, что некоторые села находились в неблагоприятной для хозяйствования местности, например, при описании Кречневского погоста есть такие указания: «Д. Липки у Каменского болота» либо «Д. Замошье Большое над Болотом»³¹. Отсюда следует, что русские земледельцы освоили в Северо-Западной Руси уже прилегавшие к болотам территории. Но это не означает, что в XV в.

31. Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 года. Т. I. Археографическая комиссия. СПб, 1868. С. 8.

наблюдался сильный демографический рост. Расположение сел в аграрно неблагоприятной местности можно объяснить как истощением земли в силу длительного использования, так и высокими издержками освоения территорий, находившихся на удаленном расстоянии, тем более, если эти территории уже кому-то принадлежали. Кроме того, численность населения Новгородской республики максимум в 200 тыс. чел. вполне могла вызвать нагрузку на аграрный сектор экономики, учитывая сложные климатические условия. Тем не менее, размещение сел в заболоченной местности говорит в пользу низкой степени миграции аграрного населения для второй половины XV в., а может быть, и всего того столетия.

Обращает на себя внимание степень продуктивности новгородских сел рубежа XV–XVI вв., мы имеем все основания полагать, что она оставалась неизменной на протяжении всего монгольского периода. Пять крестьян в деревне Земтицы, относившейся к Кречневскому погосту, сеяли 12 коробей (почти 1,38 т, что при норме для региона сам-6,1³² должно было дать чуть более 8,4 т) ржи и заготавливали 120 копен сена. Но в то же время четыре крестьянина из деревни Липки того же погоста сеяли 5 коробей ржи и заготавливали 90 копен сена. Очевидная диспропорция между этими деревнями была однозначно вызвана различиями в качестве почв и площади наделов, что лишний раз подтверждает стационарность русского крестьянского хозяйства конца монгольского периода. Но, самое главное, обращает на себя внимание невысокая продуктивность крестьянского хозяйства Северо-Западной Руси – от 3,5 до 8,4 т ржи. Для сравнения скажем, что, по данным документов Кирилло-Белозерского монастыря первой трети XVIII в., русское крестьянское хозяйство в северных регионах страны получало в среднем урожай 54,9 пуда³³ (почти 0,9 т) ржи (если учитывать норму

32. Прокофьева А.С. Указ. соч. С. 352–353.

33. Там же.

сам-6,1). В конце XIX в. объем среднего на крестьянскую семью урожая составлял в Российской империи примерно 3 т.

Но как обстояло дело с урожаями в других странах? Приведем только общие сведения. Для Китая, Японии и еще ряда стран Азии средний урожай пшеницы составлял в средние века 16 центнеров на гектар³⁴. Русское крестьянское хозяйство составляло в постмонгольский период примерно 5–10 десятин (десятина почти равна гектару). Грубо говоря, китайский крестьянин мог получить максимум 16 т пшеницы с участка русских масштабов. Таким образом, русское сельское хозяйство в средние века не было столь неэффективным, как сейчас утверждают многие специалисты, оно только где-то в два раза уступало по продуктивности зерновых Китаю, Индии и другим развитым странам Востока. Однако и населения в Китае было несколько раз больше, чем на Руси.

Но вернемся к археологическим данным. По предположению В.А. Лапшина, в монгольский период аграрному освоению подверглась только западная часть Тверского удельного княжества, это — менее 40% всей его территории, соответственно, под пашню ушло меньше. Таким образом, на примере Тверского удела мы видим приблизительно такое же соотношение освоенных и неосвоенных земель, как и в Южной Руси киевского периода. Справедливо ли это для всей Северо-Восточной Руси монгольского периода? Специалист по аграрной истории средневековой России Н.А. Макаров считал, что освоение северных и центральных районов Руси носило однородный характер вплоть до середины XIII в.³⁵, славянское население распространялось вдоль пойм рек, в конце XIII в. идет также однородный для всей Северо-Восточной Руси процесс освоения между-

34. *Говоров Ю. А.* История стран Азии и Африки в средние века. Основы лекционного курса. Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 1998.

35. *Макаров Н.А.* Древнерусская археология: 10 лет между Киевским и Новгородским конгрессом // Российская археология. 1996. № 3.

речных пространств³⁶, когда на смену гнездовому характеру поселений приходят небольшие, слабо связанные между собой деревни.

Археологическое обследование бывшей территории Воряской волости Московского удела XIII–XV вв. показало, что села, как и в Тверском уделе, располагались преимущественно в пойме реки Воря, поселений на расстоянии более 3 км от реки практически нет. Уход сел в монгольский период на расстояние более чем 1 км от поймы рек рассматривается специалистами по аграрной истории Руси как настоящий переворот в развитии сельского хозяйства русских земель³⁷.

Таким образом, до рубежа XIII–XIV вв. мы имеем дело с гнездовым характером поселений в поймах рек, т.е. еще шла внутренняя колонизация Северо-Восточной Руси. Однако образование малых деревень далеко еще не означало исчезновение больших сел, а также не носило повсеместный характер даже в XIV столетии. Проведенное Н.А. Макаровым исследование в Суздальском Ополе показало, что возникшие там в киевский период большие села оставались неизменными вплоть до конца XIV в.³⁸ Напомним, Суздаль – это зона ранней славянской колонизации Волго-Окского междуречья. Таким образом, мы видим схожесть характера аграрного освоения Суздальского ополья и Тверского удела, в них имел место стационарный характер зон сельскохозяйственного освоения как для киевского, так и для большей части монгольского периода. Малодворные деревни, как и высокая динамика аграрно-

36. Чернов С.З. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // Советская археология. 1991. № 1. С. 112–133.

37. Чернов С.З. Структуры землевладения Великого Московского княжества в XIV–XV вв. по данным микрорегиональных комплексных исследований: Волок Ламский, Радонежский удел, Московские городские станы: Дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.06. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005.

38. Макаров Н.А., Захаров С.А., Бужипова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001.

го освоения пустошей, были более присущи Московскому удельному княжеству, собственно, и термин «деревня» появился в Москве в годы правления Ивана Калиты. В этом-то, возможно, и заключается причина возвышения Московского княжества, очевидно, на каком-то этапе его развития в аграрную сферу производства было вложено больше средств, чем в других русских землях.

Данные археологических исследований позднего этапа киевского и начальных этапов монгольского периода территории бывшего Московского удельного княжества показывают нам, что разоренные войском Батыя села восстанавливались на том же самом месте во второй половине XIII столетия. Например, в волости Пехорка (территория по реке Пехорка в 20 км от Москвы) в первой трети XIII в. существовали 13 поселений общей площадью 7,3 га, 3 из них так и не были восстановлены после Батыева погрома, но во второй половине XIII в. 10 поселений оставались на том же месте, что и до монгольского нашествия, и к ним прибавились еще 8 новых поселений. Общая площадь селений составила к концу XIII столетия 8,3 га, что всего лишь на 1 га больше, чем до 1238 г.³⁹

Меньше повезло волости Воря того же Московского удела, площадь поселений в этой волости к концу XIII в. составила 88% от домонгольского уровня. Но это — внутренние лесные территории, в полосе соприкосновения с лесостепью русским крестьянам сильно досталось от монгольских завоевателей. Как показали исследования Н.А. Макарова, в районе Куликова поля к XIV в. сохранилось только 16,5% поселений киевского периода, а общая численность селений в этом районе составила 45% от домонгольского уровня⁴⁰. Это и объясняет отчасти появление немалого числа новых сел в Московском уделе, их,

39. Чернов С.З. Структуры землевладения Великого Московского княжества в XIV–XV вв. ... С. 459–460.

40. Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужитова А.П. Указ. соч. С. 224.

по всей видимости, создавали беженцы из пограничных с Ордой районов.

Таким образом, мы видим, что большая часть поселений осталась на своем месте, но рядом с ними появляются и новые. Тем не менее, очевидно, что русскому крестьянству в монгольский период и непосредственно перед ним не был присущ «бродячий инстинкт», последний был свойственен обществам, практиковавшим подсечно-огневое земледелие. Образование немалого количества новых поселений во второй половине XIII в. говорит в пользу того, что внутренняя колонизация была еще далека от завершения даже в рамках Московского удела в монгольский период. С.З. Чернов определил, что экологическая ниша средневекового хозяйствования была заполнена в Мещере к началу XV в., но на Клинско-Дмитровской гряде — только в первой четверти XVI в.⁴¹, т.е. почти в эпоху Иоанна IV, и это в 70–100 километрах от столицы Русского царства!

Освоение земель к югу от Оки началось только в первой половине XVI в. Материалы по аграрной истории севера современной Тульской области этого и немного более позднего времени проливают нам свет на то, каково было хозяйство в Волго-Окском междуречье в монгольский период, когда там шли процессы внутренней колонизации. Согласно документам третьей четверти XVI в., в уделе И.Ф. Мстиславского Епифаньского уезда насчитывалось 16 тыс. четвертей пашни и еще 40 тыс. четвертей «дикого поля»⁴², т.е. неосвоенной земли. Таким образом, в указанном уделе более двух третей земли не находилось в сельскохозяйственном обороте.

41. Чернов С.З. Структуры землевадения Великого Московского княжества в XIV–XV вв. ... С. 461.

42. Широкоград А.Б. Дипломатия и войны русских князей. От Рюрика до Ивана Грозного. М.: Вече, 2006. С. 276.

Военно-технические факторы поражения Руси в борьбе с монголами

До сих пор в отечественной историографии нет однозначной оценки численности монгольских войск, вторгавшихся в Европу в 1223, 1237–1242 гг. Редко глубоко разбирались причины военного поражения русских войск, был сделан вывод о разобщенности русских княжеств и превосходстве монгольского лука над другими видами вооружения как факторов победы монгольских войск над русскими полками. К тому же нет однозначной оценки причин отказа монголов от продвижения вглубь Европы.

Наше мнение по вопросу причин успехов монгольских войск в Восточной Европе заключается в следующем: русская политическая элита вкладывала свои накопления не в расширение военного потенциала, а в строительство культовых сооружений, проще говоря, церквей, и наращивание потребления. На рубеже XII и XIII вв. Русь практически не имела серьезных противников, поэтому внешние вызовы, которые могли бы способствовать росту военного потенциала русских земель, заметно ослабли, низкая продуктивность сельского хозяйства из-за дефицита крестьянского населения не стимулировала желания русской знати к внешней и внутренней борьбе за землю как фактор производства. Междоусобицы и в монгольский период велись преимущественно за столы, т.е. за крупные торговые города, из которых можно было осуществлять контроль над транспортными узлами. Таким образом, капиталы вкладывались не в развитие земледелия, а в торговлю. Поэтому мы долгое время на Руси не наблюдаем признаков феодального землевладения, столь характерного для большей части Европы средних веков.

Ниже мы рассмотрим только важнейший технический аспект поражения Руси – монгольский лук, который

не сыграл в победах Монгольской империи, как мы считаем, столь значительной роли, какую ему долгое время приписывали. Авторская позиция по чисто тактическим и стратегическим аспектам поражения русских в борьбе с войсками Батыя представлена в других его работах.

Итак, опровергнем широко бытующее ныне представление, что именно монгольский лук стал причиной успехов, якобы, непобедимой армии Чингисхана.

Если народы Европы и Азии не имели никаких средств противодействия этому «супероружию», то почему тогда монголы не дошли вообще до Атлантики? Почему они все-таки терпели поражения (например, от египетских мамелюков)? Мог ли монгольский лук пробить любые доспехи?

Монголы имели на вооружении так называемые композитные луки. Сам тип такого лука не был в те времена уникальным — искусством изготовления этого оружия владели византийские, русские, турецкие и индийские мастера. Западноевропейские воины использовали преимущественно тисовые луки, более простые в конструкции, но с прицельной стрельбой только приблизительно в 30 метров, что в 1,5 меньше, чем у композитного лука. Предполагается, что сила натяжения английского лука могла достигать 70 кг, но редко кто из британцев был в состоянии так натянуть его, стандартная сила натяжения составляла лишь 35 кг.

Проведенные советскими археологами еще в середине прошлого века исследования находок монгольских оружия и доспехов почему-то не столь известны широкой науке. Но именно эти исследования показали, что монгольский лук не был столь грозным оружием. Обнаруженные в Забайкалье монгольские стрелы, произведенные в XIII в., по определению экспертов, не могли пробивать броню, к тому же, они обладали наконечниками, по форме характерными для охотничьих стрел, из чего был сделан вывод, что монгольские воины стреляли из луков по неброниро-

ванным лошадям противников⁴³. Примечательно, что тунгусы так и не приняли монгольский лук на вооружение⁴⁴, то же самое сделали и русские, отдав в итоге предпочтение западному арбалету.

Проведенные в 1918 г. испытания средневековых луков различных конструкций показали, что английский тисовый и татарский (монгольский) композитный луки могли иметь почти одинаковую дальность стрельбы, если из них стрелял один и тот же человек. Таким образом, не следует преувеличивать сравнительную эффективность монгольского лука и изображать его неким «супероружием». Вероятно, в победах монголов основную роль играл не столько лук как таковой, сколько оригинальная тактика использования конных воинов-лучников.

Мы не можем сейчас точно сказать, насколько мускульная сила рук кочевников превосходила европейскую мускульную силу. Однако мы можем определить пробивную силу монгольского лука на основе опытных испытаний его почти полного аналога – турецкого лука времен Османской империи.

Турецкий лук в состоянии пробить доску толщиной в 1,25 см с расстояния 100 м, при этом наконечник торчал примерно на 8 см. Выпустить стрелу с расстояния более 100 метров так, чтобы она имела пробивную силу, проблематично даже для очень сильного человека. Во времена Чингисхана только единицы из числа монгольских воинов во время соревнований могли прицельно послать стрелу на расстояние 270 м, причем, мишенью служила тонкая кожаная ткань. Соответственно, чтобы пробить доспех, восточному лучнику требовалось подойти к противнику на расстояние 50–80 м, однако тогда он оказывался в поле поражения даже простого европейского лука. При этом

43. Киселев С.В., Мертерт И.Я. Железные и чугунные изделия Кара-Корума / Древнемонгольские города. М.: Изд-во АН СССР, 1965.

44. Мэн-да бэй-лу (полное описание монголо-татар) / Памятники письменности Востока. Т. XXVI. М.: Наука, 1974.

надо учесть, что для поражения доспеха стрела должна была быть снабжена утяжеленным наконечником.

Вместе с тем, некоторые европейские спортсмены прошлого века достигали почти такого же результата, что и монголы времен Чингисхана, — дальности стрельбы легкими стрелами на 265 м⁴⁵. В то же время мы знаем из произведений Шекспира, что прицельный выстрел на 260 м считался нормой для английского дворянина XVI в.⁴⁶; правда, пробивная сила такого выстрела была, вероятнее всего, незначительной. Получается, что средневековый британец мог стрелять не хуже монгола эпохи Чингисхана, даже не тренируясь постоянно целыми днями (фехтование для английского дворянина считалось более важным делом). А ведь шекспировские дворяне были уже почти современными людьми, достаточно привыкшими к комфорту. Валлийцы либо венгры XIII в. могли стрелять, вероятнее всего, не хуже, если не лучше и, получается, были в состоянии выступать на равных с монгольскими лучниками. Судя по описанию осады Москвы 1382 г., монголы могли прицельно стрелять не более чем на 170 м, т.е. они в конце XIV в. уже уступали английским дворянам XVI в.

Возникает вопрос: как же привыкший к комфорту цивилизованного человека английский лорд мог превзойти по стрельбе из лука монгольского кочевника? Ответ прост — регулярное питание. Средневековый монгол не всегда имел доступ к такому благу, как регулярное потребление горячей пищи. Образ жизни кочевников предполагает нередкие голодовки. Любой спортсмен или врач скажет, что нерегулярное питание в сочетании с длительными периодами недоедания могут привести к ослаблению мышечных тканей у ребенка либо подростка.

Получается, что эффективными стрелками могло стать меньшинство монголов. Как правило, это были «люди

45. *Пейн-Голлуэй Р.* Книга арбалетов. История средневекового метательного оружия. М: Центрполиграф, 2008. С. 30.

46. Там же. С. 31.

длинной воли» — профессиональные воины или бандиты (разница между теми и другими в средние века была небольшой либо вообще отсутствовала). Разумеется, численность «людей длинной воли» не могла быть значительной — 1–2 тыс. чел. на все монгольские племена. Кроме этой 1–2 тыс. эффективных стрелков, правда, были еще и простые лучники, но они ничем не превосходили своих китайских и персидских противников.

Европейские воины стреляли, как мы выяснили выше, не хуже монголов. К тому же, венгерские и польские дворяне питались лучше кочевников, во всяком случае, регулярно. Плюс к этому, западные европейцы имели арбалет — оружие, наводившее ужас на византийцев и арабов еще во времена Крестовых походов. Правда, прицельную стрельбу из арбалета можно было вести на расстоянии лишь 60–65 м, но зато пробивная сила этого оружия была выше, чем у лука. Некоторые искусные мастера создавали арбалеты, стрелявшие даже на 350 м, но точность такой стрельбы была очень незначительной. Еще одним недостатком арбалета была медленность стрельбы — один выстрел в минуту, что в 5–6 раз меньше чем у обычного английского лука⁴⁷. По этим причинам арбалеты в основном применялись при штурмах и осадах крепостей, когда стрелок должен был максимально использовать укрытия. Другим тактическим приемом применения арбалета было скученное наступление больших масс стрелков, когда несколько тысяч арбалетчиков одновременно давали залп по противнику, поскольку в таком случае не требовалось тщательно целиться. Такой залп по скученному войску кавалеристов мог за считанные минуты решить исход сражения.

Другим аспектом проблемы противостояния военных инноваций Востока и Запада являются рыцарские доспехи. Здесь средневековый Запад продемонстрировал верх мастерства и заметно превзошел страны Востока.

47. *Пейн-Голлуэй Р.* Указ. соч.

Крестовые походы научили европейцев серьезно относиться к бронированию своих воинов. К XIII в. западноевропейский воин уже имел двойной доспех: поверх кольчуги или под нее одевался еще доспех, обычно кожаный или войлочный. Это надежно защищало пехотинцев во время Крестовых походов от арабских стрел. Сараѳинский писатель Баха ад-Дин ибн Шаддад, придворный знаменитого Саладина, исходя из собственных наблюдений, писал, что доспехи крестоносцев непробиваемы для арабских стрелков. Это был тот самый случай, когда «броня победила снаряд». Возможно, применение горючих смесей, «средневековый напалм», позволило арабам одержать тогда верх над западным рыцарством.

Таким образом, латинский Запад имел хороший ответ на монгольский лук — военную инновацию Востока. Точнее говоря, он имел даже два ответа: арбалет и двойной доспех. А вот о Руси этого сказать, увы, нельзя.

Арбалеты на Руси были, но попадали они к русским преимущественно из Ливонии и Польши. Археологические находки показывают, что арбалетные болты встречаются более чем в 100 раз реже, чем обычные стрелы. К середине XIII в. арбалет оставался оружием бояр — военной элиты русского общества того времени⁴⁸. Это означает, что при оборонительном бое в крепости русский воин мог полагаться только на стены, не имея возможности дать полноценный ответ нападающей стороне.

Как и западные европейцы конца XI в., простые русские воины были вооружены копьями и топорами, мечи принадлежали в основном знати⁴⁹. Основной защитой служила кольчуга, которая плохо оберегала от стрел и копий. Но даже она не была массово распространена среди русских воинов, основным видом защиты которых был так называемый «тягилай» — обычный толстый кафтан, заимство-

48. Шпаковский В., Николе Д. Русская армия 1250–1500 гг. М.: АСТ, 2006.

49. Потанов А. Русский ратный обычай. М.: Издательство «Ладога-100», 2006.

ванных у кочевников⁵⁰. Панцири начинают преобладать в русской кавалерии только при Иване Грозном. (В отличие от русских английские горожане и зажиточные крестьяне почти все имели в XII в. кольчуги⁵¹.) Пластинчатый доспех появился на Руси только в середине XIII в. Шлемы русских воинов не защищали лицо и шею, в отличие от шлемов западных рыцарей, исключение составляли только князья и очень знатные бояре. Русские также долгое время не знали бронирования лошади, оно отсутствовало и в монгольский период.

Тактика русского боя оставалась вплоть до монгольского завоевания достаточно примитивной⁵². Русские в период княжеских междоусобиц не вели затяжных войн — конфликты обычно ограничивались одним столкновением в поле. Судя по летописным рассказам, у русских до монгольского завоевания отсутствовала строгая тактика осады и обороны крепостей, последнее оказалось губительным для Северо-Восточной Руси во время нашествия войск Батыя. Русские не могли долго отсиживаться в крепости. Нередко они теряли терпение и выбегали за городской вал, чтобы сразиться с врагом в открытую. Такой метод соответствовал понятиям чести русской аристократии того времени, но в бою с высоко организованным войском монгол он приводил к фатальному результату.

В сочетании с дефицитом мужского населения обескровленной княжескими междоусобицами Руси такое состояние военного дела не могло обеспечить шансы на сохранение независимости от народов Великой степи. На Западе, как мы видели выше, дела обстояли совсем иначе. Мусульмане тоже не теряли времени даром во время Крестовых походов и совершенствовали свои вооружение и военное искусство. Монголы остановились именно там,

50. Шпаковский В., Николе Д. Указ. соч.

51. Норман А.В.Б. Средневековый воин. Вооружение времен Карла Великого и Крестовых походов. М: Центрполиграф, 2008. С. 234.

52. Шпаковский В., Николе Д. Указ. соч.

где им противостояли армии, принимавшие активное участие в войнах крестоносцев: в Палестине это были мамелюки, в Европе — рыцари.

Тяжесть даннических выплат для населения

Выводы о степени тяжести ордынской дани зависят от определения численности населения русских земель, эту дань платившего. Существует и другая проблема — дефицит источников, в которых есть информация о доходах русской крестьянской семьи в монгольский период. Нам также сложно делать выводы о материальном благосостоянии русских крестьян в интересующее нас время в силу тех же самых причин.

Согласно нашим подсчетам, к концу монгольского периода в Северо-Восточной Руси могло проживать максимум 2 млн чел., но мы склонны полагать, что там их было не более 1 млн, а для некоторых периодов — даже менее 0,5 млн⁵³.

Во второй половине XIV в. Русь была потрясена серией пандемий, которые не прекращались вплоть до XVI в. В 1507 г. в Новгороде был впервые проведен официальный учет умерших от эпидемии какой-то неизвестной болезни. Согласно ему, за одну осень умерли 15,4 тыс. чел., грубо говоря, 50–60% населения города и его окрестностей (очевидно, в новгородской глубинке никто подсчетов не проводил), но надо учесть, что эта эпидемия свирепствовала порядка 3-х лет.

К XVI в. русские уже имели богатый опыт, связанный с эпидемиями. Поэтому смертность от пандемий в постмонгольский период должна была стать ниже, чем в монгольский, что мы и наблюдаем уже относительно эпохи Ивана Грозного. Исходя из данных учета смертности в Новгороде

53. *Потов Г.Г.* Указ. соч.

1507 г., мы можем себе представить последствия эпидемий для Руси XIV–XV вв. Поэтому мы можем доверять словам летописца, что в результате чумы в Смоленске в 1387 г. в живых остались только 5 чел.

В конце XIV в. наступил Малый ледниковый период, который привел к снижению продуктивности сельского хозяйства в Европе в среднем на 20%. Это провоцировало снижение иммунитета у значительной части населения и, как следствие, распространение болезней. Эпидемии били также и по сельскому населению. Есть свидетельства о массовой гибели на Руси крестьян во время чумы.

Связь эпидемии чумы в 1350-е гг. на Руси с эпидемией в Западной Европе очевидна, как ни странно, чума пришла на Русь не из Орды, а с территории Ливонского ордена. Вероятно, Владимиро-Суздальская Русь в конце правления Симеона Гордого не поддерживала контактов с Золотой Ордой, не исключено, что не платилась и дань. Но уже поздние эпидемии чаще не связаны со вспышками болезней в Европе. Во всяком случае, в Ливонской хронике Германа Вартберга нет упоминаний о болезнях после 1351 г., когда чума поразила земли Ливонского ордена. При этом Герман Вартберг не дает подробных сведений о последствиях чумы в Прибалтике, в отличие от эпизодов военных действий, когда он часто упоминает имена даже знатных рыцарей, сражавшихся на стороне Ливонского ордена.

Из западноевропейских хроник мы знаем о масштабной эпидемии чумы в Польше в 1360 г., которая унесла жизни 20 тыс. жителей Кракова и уничтожила примерно половину сельского населения Польши⁵⁴. Вероятно, оттуда болезнь и могла проникнуть в Псков, почему-то пощадив Ливонию и Новгород – не исключено, что последние приняли защитные меры, просто перекрыли доступ псковичей в свои земли.

54. Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. Кн. I: Чума добактериологического периода. М.: Вузовская книга, 2006.

Мор в Северо-Восточной Руси в 1364 г., вероятнее всего, никак не связан ни с эпидемией в Польше и Пскове, ни со вспышкой болезни в ряде прибалтийских городов в 1363 г., так как русские хронисты указывали на Низовья Волги как на источник эпидемии.

В 1382 г. Европу поразила уже бубонная чума, сменившая свирепствовавшую ранее легочную, однако пандемия началась в некоторых русских землях раньше, в 1374 г., ее источником, вероятнее всего, опять была Золотая Орда, так как поражена оказалась только Северо-Восточная Русь, и, наверное, это была легочная форма.

Вытеснение в XV в. легочной чумы бубонной спасло, как считается в литературе⁵⁵, Европу от дальнейших опустошений, хотя масштабы смертности оставались очень серьезными (мы даже можем предположить, что пандемии новой формы чумы, напротив, были более ужасными). В Провансе в 1720–1722 гг. погибла примерно половина городского населения, Великая чума 1666 г. в Англии уносила в неделю в одном только центре Лондона около 6 000 жизней, некоторые британские деревни теряли более 70% своего населения⁵⁶. Но источником новой формы чумы выступала на этот раз Западная Европа. Если пандемию 1403–1408 гг. на Руси можно еще предположительно связать с проникновением болезни из католической Европы, то эпидемию 1417–1423 гг. — едва ли, так как ее источник появился во внутренних районах страны.

Эпидемия 1417–1423 гг. на Руси была очень опустошительной. Судя по летописным сведениям, в 1420 г. население ряда волостей погибло полностью. Таким образом, никакой иммунной защиты от чумы европейцы за почти сто лет не выработали, не было ее и в конце средневековья. Если и имели место случаи выработки иммунитета, то они охватывали предположительно максимум 10% от пораженных болезнью.

55. Там же.

56. *Макэведи К.* Бубонная чума // В мире науки. 1988. № 4.

Судя по летописным сведениям, эпидемии не были большой редкостью для Руси и до 1352 г., правда, часто под ними скрывался просто голод (табл. 1).

Таблица 1. Упоминания эпидемий на Руси

Год	Характер упоминания
1237	Эпидемия неизвестной болезни в Пскове и Изборске
1265	Эпидемия неизвестной болезни на Руси
1278	Эпидемии ряда неуточненных в летописях болезней на Руси
1308	Эпидемия неизвестной болезни на Руси
1321	Эпидемия неизвестной болезни на Руси
1341	«Мор» в Пскове и Изборске (масштабы смертности не уточняются, речь в летописях идет либо о голоде, либо об эпидемии, либо о том и другом вместе)
1352	Эпидемия чумы в Пскове
1353	Эпидемия чумы в Новгороде, Суздале, Смоленске, Чернигове и Киеве
1360	Эпидемия чумы в Пскове
1364	Чума в Северо-Восточной Руси
1374	Чума в Северо-Восточной Руси
1387	Чума в Смоленске
1389	Чума в Новгороде и Пскове
1390	Чума в Пскове
1402	Эпидемия неизвестной болезни в Смоленске
1403	Эпидемия чумы в Пскове
1406	Эпидемия чумы в Пскове
1407	Эпидемия чумы в Пскове
1408	Эпидемия чумы по всей Руси
1417	Эпидемия чумы в северных волостях Руси
1419	Эпидемия чумы в южных волостях Руси
1420	Эпидемия чумы тотально по всей Руси, наиболее пострадали Поволжье, Новгород и Псков
1423	Эпидемия чумы по всей Руси
1424	Эпидемия черной оспы по всей Руси
1427	Эпидемия черной оспы по всей Руси
1442	Эпидемия чумы в Пскове
1455	Эпидемия чумы в Пскове и Новгороде
1478	Эпидемия неизвестной болезни в Северо-Восточной Руси и Новгороде
1487	Эпидемия чумы в Пскове
1488	Эпидемия чумы в Пскове
1507	Эпидемия неизвестной болезни в Новгороде, продлившаяся 3 года (впервые в летописях встречается точная цифра умерших — 15 396 чел. только за одну осень)

Источник: Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М.: «Медгиз», 1960.

Таким образом, стремление Москвы к сопротивлению Орде было продиктовано в XV в. скорее всего социально-экологическим кризисом, вызвавшим снижение численности населения и, как следствие, неспособностью далее нести бремя даннических выплат.

Сама нагрузка выплаты дани для населения Северо-Восточной Руси была внушительной. Из-за дефицита источников по данному вопросу мы будем опираться на один документ, на который ссылался М.Н. Покровский при определении объема крестьянского оброка в Новгородской республике, это – акт Деревской пятины о норме выплаты оброка зажиточными крестьянами. Согласно этому акту, новгородский пахарь платил оброк в размере 4,5 деньги, или 3,65 г серебра. Этой сумме в Новгородской республике имелся натуральный эквивалент – 0,2 урожая, им мог быть заменен денежный оброк⁵⁷.

Оговоримся, по писцовым книгам 1500 г., что новгородские крестьяне платили «по старине» и большие суммы денежного оброка. Например, одно крестьянское хозяйство, состоявшее из двух крестьян (отец и сын), выплачивало оброк в две гривны и десять денег, кроме еще натурального оброка в треть урожая. Но в соседней деревне были четыре крестьянина (вероятно, каждый имел свой двор), которые не платили денежный оброк, но отдавали треть урожая. Упоминается также в том же погосте крестьянский двор «на льготе», который не платил ничего⁵⁸. Поэтому у нас нет оснований не доверять сведениям, что новгородский крестьянин мог платить оброк в 4,5 деньги, и эта сумма вполне могла выступать некоей нормой, во всяком случае, мы можем четко установить внутренние цены на зерно в русской деревне второй половины монгольского периода.

Размер даннической выплаты московских крестьян составлял один рубль с двух сох. Теперь нам остает-

57. Покровский М.Н. Указ. соч. С. 31.

58. Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 года. Т. I. С. 8.

ся сопоставить вес рубля и оброчной выплаты новгородского пахаря (напомним, она составляла 3,65 г серебра). С одной стороны, все просто, рубль в Низовских землях — это буквально половина новгородской гривны, которая к моменту монгольского завоевания весила 195 г. Но рубль в дальнейшем стал легче, порча монеты особенно широко практиковалась в XV в., что было вызвано экономическими кризисами во всех русских землях и войнами московских князей. Очевидно, рубль к XVI в. полегчал до примерно 80 г, так как рубль в эпоху Иоанна III равнялся ста серебряным деньгам.

Исходя из соотношения весов рубля и суммы новгородского оброка, мы можем сделать вывод, что 0,2 урожая русского крестьянского хозяйства были в 21,5 раза меньше требовавшейся ордой с двух сох даннической выплаты. Отсюда, очевидно, что двухсошная окладная единица представляла собой группу крестьянских хозяйств, своего рода минимальную административную единицу. Судя по данным первой половины XVI в., на каждую русскую деревню приходилось в среднем 4,5–5 дворов. Исходя из того, что 0,05 московского рубля эквивалентно 0,2 урожая, мы можем предположить, что к двухсошной единице обложения тяготело не менее полутора–двух десятков дворов.

По вечевой грамоте Иоанна III от 1461 г., мы узнаем интерпретацию «сохи» как податной единицы. Согласно этому документу, под «сохой» понималось в первую очередь крестьянское хозяйство с тремя лошадьми, но при этом плуг приравнивался к сохе; для ремесленников существовал похожий расклад, кузнец приравнивался к сохе (имелся в виду, разумеется, не просто один кузнец, а мастер, при котором находились еще помощники, как правило, его младшие родственники); рыболовный невод приравнивался к сохе; лавка торговца и лодка перевозчика — тоже шли каждая за одну соху⁵⁹.

59. Янин В.Л. Черный бор в Новгороде XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции). М.: Изд-во МГУ, 1983.

Сведения грамоты 1461 г. указывают нам, что к сохе как податной единице могло быть «привязано» менее десяти человек, но все-таки незначительно отдаваясь в сторону уменьшения от этой цифры.

Под единицей обложения в три лошади, которые приравнивались к сохе, несомненно, подразумевалась некая территориальная либо кровнородственная крестьянская община. Во второй половине XIX в. — время экономического расцвета русской деревни — семья среднего русского крестьянина включала двух-трех работников при одной-двух лошадях, три лошади уже были редкостью, а 4–5 лошадей насчитывалось в хозяйствах зажиточных крестьян⁶⁰, М.Н. Покровский полагал, что средняя русская крестьянская семья в XVI в. владела одной лошастью⁶¹, что сопоставимо с нормой — одна лошадь на одну семью — у ладожских и белозерских вепсов XIX в.⁶² Едва ли испытывавшая проблемы с лошадьми в киевский и монгольский периоды Северо-Западная Русь могла насчитывать много крестьянских хозяйств, обладавших более чем одной лошастью.

Таким образом, под тремя лошадьми в грамоте 1461 г. подразумевались три средние крестьянские семьи, в которых было 6–9 работников, но при этом надо учесть и безлошадные хозяйства, например, в России конца XIX в. таковыми были 29,2% от всех в стране крестьянских дворов⁶³, в монгольский период их было однозначно больше. О безлошадности немалой части русского крестьянства свидетельствует тот факт, что из всех остеологических материалов Твери конца XIII — начала XV в. обнаружены только две лошади (6,62% от всех найденных останков домашних

60. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М: Экономика, 1989. С. 90–95.

61. Покровский М.Н. Указ. соч. С. 40.

62. Винокурова И.Ю. Традиционные хозяйственные занятия вепсов — http://www.vepsia.ru/tr_culture/tc_hoz.php#zivot.

63. Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. М: Жизнь и знание, 1918. С. 64.

животных)⁶⁴, хотя Тверь являлась в течение большей части монгольского периода городом аграрного типа развития, т.е. ее окраины были густо заселены крестьянами. Даже если в монгольский период около трети русских крестьян были безлошадными, что вероятно для отдельных наиболее благоприятных этапов развития, то к минимальному количеству участников «односошной артели» надо прибавить еще двух безлошадных крестьян, выполнявших роль вспомогательной рабочей силы. Отсюда получается, что соха — это крестьянская артель из 8–12 мужчин. Соответственно, двухсошная окладная единица состояла из 16–24 крестьян.

Таким образом, 4 000 «двухсошных артелей», насчитывавших каждая в среднем от 16 до 24 крестьян, выводит нас на цифру в 64 000–96 000 взрослых мужчин для всей Владимиро-Московской Руси. Всего, получается, на ее территории проживало приблизительно 320–480 тыс. чел., т.е. приблизительно 2,5–4 чел. на кв. км (столько же примерно проживало в Остэльбских землях Германии при Меровингах), и это была самая густонаселенная часть Северо-Восточной Руси.

Но вернемся к проблеме тяжести ордынского выхода. Если рубль был эквивалентен приблизительно 4-м полным урожаям богатого крестьянского хозяйства, то получается, что максимальное количество семей (числом 8, исходя из того, что в среднем в каждой семье было трое мужчин) в окладной двухсошной единице отдавали до половины урожая на ордынский выход. Это очень много и соответствует натуральным выплатам новгородских крестьян-половников, т.е. крепостных в Новгородской республике, которые обязаны были отдавать половину своего урожая. Таким образом, ордынский выход экономически, а потом, не исключено, и юридически приравнял свободных русских крестьян к холопам. Крестьянин и стал рассматриваться с тех пор как раб государев.

64. Лапшин В.А. Указ. соч. С. 240–241.

Возможно, дань не выплачивалась русскими княжествами ежегодно, хотя факты по нашествиям Тохтамыша и Едигея указывают нам на обратное. Вероятнее всего, русские князья находили выход из сложившейся ситуации в сокращении истинного количества крестьянских дворов в своих землях, правда, это было очень рискованно, так как ордынцы часто посещали Русь. Либо был иной способ — просто не платить либо платить меньше, чем требовалось, рискуя вызвать открытый вооруженный конфликт с Золотой Ордой, на что решались в разное время Дмитрий Донской, Василий I и Иоанн III. Возможно, достаточно длительное время дань не платил Симеон Гордый, какие-то послабления от Орды имел, вероятнее всего, Иван Калита.

Мы предполагаем, что именно неспособностью русских земель платить дань и можно объяснить конфликты Московского княжества с Ордой, которые переросли в открытый разрыв между государствами, которые изначально являлись союзниками.

А.В. Бугров*

ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ В РОССИИ: ВЫБОР ПУТИ (1867–1897 гг.)

В 1895–1897 гг. в Российской империи была проведена известная денежная реформа, результатом которой стало введение золотого стандарта. Известная также как «денежная реформа Витте» – по имени проводившего ее министра финансов, – она определила развитие денежного хозяйства страны вплоть до Первой мировой войны. Известный государственный деятель Сергей Юльевич Витте олицетворял ее с «золотым мостом» между Россией и Европой, по которому в страну будут проникать (и проникали) иностранные инвестиции¹. Благодаря ей Россия окончательно закрепила себя в клубе мировых экономических тяжеловесов, а сам министр финансов заслужил уважение не только многих современников, но и потомков. И поныне в отечественной историографии господствует апологетический тон по отношению к деяниям этого известного государственного деятеля, одним из венцов которых признается денежная реформа.

Ход денежной реформы 1895–1897 гг. сравнительно неплохо освещен в трудах многочисленных отечественных исследователей², и поэтому переложение уже известных

* Бугров Александр Владимирович – к.и.н., главный эксперт Департамента внешних и общественных связей Банка России.

1. *Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал. 1897–1914. Л.: Наука, 1970. С. 257.

2. Библиографию по денежной реформе 1895–1897 гг. см.: Сергей Юльевич Витте: российская денежная реформа. М.: ИНИОН РАН, 1997. См. также: *Абалкин Л.И.* Экономические воззрения и государственная деятельность С.Ю. Витте. М., 1999; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей

фактов не представляет интереса. Гораздо существеннее вопросы о возникавших в России путях реформы, сравнения с денежным обращением ведущих стран мира того времени, о последствиях денежной реформы С.Ю. Витте.

Когда с 1860-х гг. составлялись проекты преобразования монетарного хозяйства страны, мало кто мог тогда подумать, что проведенная тремя десятилетиями позднее денежная реформа будет именно такой, какой ее сотворил Витте. При законодательно сохранявшемся серебряном монометаллизме, введенном еще в 1839 г.³, и при фактическом инфляционном бумажно-денежном обращении с конца Крымской войны (1853–1856)⁴ усилия правительства в начале 1860-х гг. сосредоточились на восстановлении свободного размена кредитных билетов на серебряную монету, а после этого времени — на постепенном осознании роли золота как главного монетного металла.

Уже в период восстановления размена с 1 мая 1862 г. и до 7 августа 1863 г. размен кредитных билетов в Государственном банке в С.-Петербурге проводился на золотые полумпериалы⁵, хотя и считавшиеся «субсидиарной» (т.е. вспомогательной) монетой, оцененные в 5 руб. 15 коп. «серебром». При этом автор одного из проектов размена (чи наработки частично были учтены министром финансов), известный экономист и государственный деятель Евгений Иванович Ламанский (1825–1902), опирался на труды двух парламентских комиссий Англии, которые воплотились в

Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999; Денежная реформа в России 1895–1897 гг. Аналитический обзор по документам и материалам реформы. М.: ИЭ РАН, 1992; Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М.: Терра, 1998; Сергей Юльевич Витте — государственный деятель, реформатор, экономист (к 150-летию со дня рождения). В 2-х частях. М.: ИЭ РАН, 1999.

3. См.: Манифест «Об устройстве денежной системы» от 1 июля 1839 г.: Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собрание второе. Т. 14. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отделения собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1840. С. 600–602.
4. В 1858 г. правительство приостановило во всех казначействах размен государственных кредитных билетов на звонкую монету.
5. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф 583. Оп. 4. Д. 271. Л. 323–323 об.; Бугров А.В. Государственный банк: 1860–1917 гг. М.: ИнтерКрим-пресс, 2012. С. 106.

акт Роберта Пия 1819 г. о восстановлении размена банкнот на звонкую монету.

Для организаторов возобновления свободного размена и, прежде всего, для министра финансов Михаила Христофоровича Рейтерна (1820–1890), был важен факт размена так таковой. В пору господствовавшего серебряного стандарта в Европе лишь Англия с 1819 г. восстановила у себя золотой стандарт, введенный еще в 1717 г., но приостановленный в период вражды с революционной Францией в 1797 г. Помимо нее золотой стандарт у себя поддерживал вольный город Бремен, а с 1854 г. – Португалия. Во всей остальной Европе серебро оставалось главным монетным металлом, и это во многом определило позицию Егора Францевича Канкрин (1774–1845) при закреплении серебряного стандарта в России в ходе денежной реформы 1839–1843 гг.

Рейтерн торопился с восстановлением размена и решил сформировать часть фонда за счет заграничного займа, заключенного в Лондоне в 1862 г.. В общей сложности, из его выручки в 1862–1863 гг. было перечислено в разменный фонд 36,4 млн руб., или около 30% всей суммы фонда. Насколько уязвимым оказалось это решение, было видно из дальнейших событий, неоднократно описанных и ставших довольно известными. В конечном итоге, в условиях той геополитической роли, которую играла Россия, поступления выручки по займу стали инструментом давления со стороны Англии и Франции, бывших противников по Крымской войне, добивавшихся от России уступок в польском вопросе⁶.

Крах свободного размена заставил Рейтерна все более прислушиваться к Ламанскому, обосновывавшему политику постепенного накопления звонкого металла в Государственном банке главным образом путем планомерных закупок. По Ламанскому, такое накопление авуаров в

6. Подробнее об этом см.: Бугров А.В. Указ. соч. С. 100–108.

совокупности с улучшением положения государственных финансов должно было неизбежно сказаться на рыночном поднятии курса кредитного рубля — «наш рубль постепенно «рос» бы сам собою»⁷.

В условиях создания Латинского монетного союза (1865) в мире стал стремительно расти интерес к золоту как к монетарному металлу. На монетарной конференции в Париже, созванной в 1867 г. одновременно с проведением Всемирной выставки (на ней присутствовали эксперты девятнадцати европейских стран и США), ее участники высказались за золотой стандарт, признав золото основной формой мировых денег⁸. В преддверии заключения Латинского монетного союза, в 1861 г., Банк Франции проводил линию на увеличение своих золотых авуаров и с этой целью по договору с российским Государственным банком произвел обмен золотой монеты (полуимпериалов) на 7,725 млн руб. на такую же сумму в 5-франковых серебряных монетах⁹.

Попытки Франции распространить нормы Латинского союза на новые страны имели лишь частичный успех. После парижской конференции 1867 г. были заключены соглашения с Австрией, Румынией и Италией, которые стали чеканить золотую монету по нормам союза. В то же время Англия отказалась «подравнять» соверен под стандарт 25-франковой золотой монеты, а после военного поражения в 1871 г. от Пруссии французская монетарная модель перестала восприниматься как единственно возможный европейский стандарт. В том же году провозглашенная Германская империя перешла к золотой марке

7. Денежная реформа. Свод мнений и отзывов. СПб., 1896. С. 11.

8. О парижской монетарной конференции см.: РГИА. Ф. 563. Оп. 1. Д. 17 (О созыве в Париже конференции для обсуждения вопроса о единообразии монетной единицы и о мерах, выработанных на ней, 1868 г.); *Хватов Ю.Ю.* Парижская денежная (валютная) конференция 1867 г.: мифы и реальность // Академічний огляд. Фінанси. 2011. № 2 (935). С. 65–72.

9. РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 270. Л. 82–83 об. См. также: *Татаринов С.В.* Злато на серебро — год 1861... История уникальной финансовой операции Государственного банка Российской империи // Деньги и кредит. 2011. № 8. С. 58–65.

(с отличного от французского франка золотым содержанием), а Скандинавские страны (Швеция, Норвегия и Дания) в 1872–1875 гг. оформили отдельный монетный союз на золотой базе.

Россия, хотя и была представлена на парижской конференции, слишком активного участия в ней не принимала. Ее представитель – известный физик Борис Семенович (Мориц Герман) Якоби (1801–1874) – слабо разбирался в монетарных вопросах и не был ключевой фигурой российских финансов¹⁰. Его роль сводилась, главным образом, к сбору информации и передаче ее в Санкт-Петербург. Тем не менее, общая мировая тенденция стала очевидна для российских монетарных властей, и с конца 1860-х гг. и до начала Русско-турецкой войны (1877–1878) покупка золота стала одним из основных направлений деятельности Государственного банка. С начала 1862 г. по начало 1876 г. разменный фонд вырос более чем в 4 раза (с 71,89 до 310,12 млн руб.) и в начале 1876 г. мог покрыть бумажно-денежную наличность на 41%¹¹. Примерно такое же покрытие, только оцененное в серебре, российская валюта сохраняла после завершения денежной реформы Е.Ф. Канкрин. Так, накануне Крымской войны, в начале 1853 г., серебряные и золотые авуары на 47% покрывали кредитные билеты¹². Этого, по справедливому мнению видного российского экономиста и историка Иллариона Игнатьевича Кауфмана (1845–1915), было вполне достаточно для «безостановочности размена»¹³. В Европе допускались и более низкие нормы. Аналогичная законодательно закрепленная величина в Германской империи по отношению к золотому покрытию по банковскому закону

10. Хватов Ю.Ю. Указ. соч. С. 68.

11. См.: Отчет Государственного банка за 1916 г. Пг., 1917. С.50 (Состояние счетов Государственного банка к 1 января 1861–1917 гг.).

12. Кауфман И.И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1910. С. 213–214.

13. Там же. С. 214.

1875 г. составляла 33%¹⁴, а Польский банк в обязательном порядке до 1870 г. должен был обеспечивать свои банкноты серебром лишь на 14%¹⁵.

Ламанский получил полномочия производить для закупки золота в разменный фонд «добавочные» выпуски кредитных билетов, «ибо золота ему привозили так много, что в 1867–1875 гг. его куплено Государственным банком на 186 479 304 руб., из которых на 164 880 617 руб. усилен разменный фонд (при одновременном увеличении обращения кредитных билетов лишь на 160 786 623 руб)»¹⁶. Сформированный Ламанским золотой запас для того времени был самым значительным из имевшихся в Европе у эмиссионных банков. Впоследствии эти действия были высоко оценены И.И. Кауфманом¹⁷, хотя современники сыпали упрёки в том, что такими действиями Государственный банк роняет курс кредитных билетов и искусственно завышает цену золота в стране¹⁸.

Для российской образованной публики не составляло секрета, что монетарные власти готовят восстановление свободного размена. К сожалению, архивные источники по этой проблеме либо не сохранились (из-за многочисленных утрат фондов по финансам), либо пока не найдены. Но совершенно очевидно, что роль золотой составляющей в размене была бы решающей. По сути дела речь шла о денежной реформе, по результатам которой золото должно было стать, по крайней мере, одним из базовых монетарных металлов для российского рубля. Это подтверждает, в частности, один из предворявших ее законов о взимании таможенных пошлин золотом (от 10 ноября 1876 г.)¹⁹.

14. Гамбаров П.С. Двадцать пять лет деятельности Германского имперского банка. Рига, 1902. С. 14.

15. РГИА. Ф. 583. Оп. 19. Д. 61.Л. 247.

16. Кауфман И.И. Бумажные деньги в Австрии: 1762–1911. СПб., 1913. С. 144.

17. Там же. С. 144–145.

18. См., например: Новое время. 1881. 7 авг. № 1954. С. 1.; Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2404.

19. По воспоминанию Ф.Г. Тернера, это решение было выработано в узком кругу четырех высо-

В марте 1877 г. Рейтерн внес в Комитет финансов предложение («представление») о разрешении сделок на звонкую монету в стране²⁰. Первого апреля 1877 г. императору Александру II доложили о положительном мнении Комитета финансов относительно проведения реформы, а 12 апреля 1877 г. началась русско-турецкая война, финансирование которой потребовало громадных расходов²¹. Печатный станок стал одним из ресурсов наполнения военного бюджета (всего за 1877–1878 гг. было выпущено необеспеченных кредитных билетов на 442 млн руб.), и по окончании войны Государственный банк мог покрыть кредитные билеты золотом лишь на 20%²².

Судьба оказалась более благосклонной к автономному Великому княжеству Финляндскому, в котором в это же время удалось утвердить золотую марку по паритету франка Латинского монетного союза (0,29 г чистого золота). Также как и Государственный банк, Финляндский банк с начала 1870-х гг. усиленно закупал золото «в виду преимуществ этого металла в качестве международного средства обмена»²³. В итоге к исходу 1874 г. банк мог покрыть марку золотом лишь на 21%, что было явно небольшим покрытием (несмотря на то, что в 1877 г. Финляндский банк купил золота еще почти на 1 млн марок, этот показатель увеличился незначительно).

В 1877 г., по заявлению руководства Финляндского банка, он располагал «достаточным для чеканки количе-

ких чиновников: М.Х. Рейтерна, Е.И. Ламанского, С.А. Грейга и Ф.Г. Тернера. По мнению М.Х. Рейтерна, эта мера должна была обеспечить Государственное казначейство золотом (Тернер Ф.Г. Воспоминания жизни. Ч. 2. СПб., 1911. С. 26–27). См. также: РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 232 (О взимании таможенных пошлин золотом, 1876 г.).

20. См.: РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 235 (По вопросу о дозволении совершать сделки на золото, 1877 г.).

21. По подсчетам И.И. Кауфмана Министерству финансов пришлось покрывать чрезвычайные военные расходы на сумму 1107 млн рублей (Кауфман И.И. Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909. С. 209).

22. См.: Отчет Государственного банка за 1916 г. С.50.

23. Финляндский банк: 1811–1911 гг. / Сост. Э. Шиббергсон. Гельсингфорс, 1914. С. 320.

ством металла»²⁴. По указу от 28 июля (9 августа) того же года финляндская валюта стала базироваться на золоте²⁵.

Скорее всего, обе реформы задумывались одновременно. И в России, и в Финляндии в одно и то же время была бы введена золотая валюта. Это подтверждается тем, что ранее акт о привязке финляндских банкнот к серебру (1840 г.) был принят одновременно с проводившейся в самой России денежной реформой 1839–1843 гг.²⁶ Тем более что чеканившиеся с 1878 г. на Гельсингфорсском монетном дворе золотые монеты в 20 марок соответствовали не только аналогичной 20-франковой монете, но и российскому золотому полумпериалу – монете из «желтого металла» номиналом в 5 руб.

Финляндия перевела свою валюту на золотой стандарт на 20 лет раньше, чем империя в целом. Эта искусственно произошедшая «несогласованность» со временем еще больше способствовала упрочению ее автономного положения. Впрочем, подобно Банку Франции, Финляндский банк в действительности обеспечивал марку не столько золотом, сколько золотом и серебром, что было дешевле и, следовательно, предпочтительнее.

Что касается России, то из-за финансовых последствий русско-турецкой войны ее вхождение в «золотой клуб» было отсрочено. Условно говоря, она вошла во «второй эшелон» стран, введших золотое обеспечение своих валют. Ими были прежде всего Австро-Венгрия (перешла к золотой кроне в 1892 г.), Япония (золотой стандарт установлен в 1897 г.) и США (законодательно закрепила золотой монометаллизм в 1900 г.). Кроме того, перевод на золотую базу своей денежной единицы – рупии – в 1899 г. осуществили монетарные власти Индии, колонии Британской империи.

24. Там же. С. 321.

25. См.: РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 234. (О введении в Финляндии золотой монетной единицы, 1877 г.).

26. *Tuukka Talvio*. The Coins and Banknotes of Finland. Helsinki, 2003. P.24–25.

Из всех вышеперечисленных стран по развитию экономики и денежного хозяйства к России была наиболее близка Австро-Венгрия. Также как и в России, в ней долгое время господствовало инфляционное бумажно-денежное обращение, вызванное главным образом необходимостью покрытия многочисленных военных расходов. Размен бумажных денег в империи Габсбургов то приостанавливался, то возобновлялся. В период наполеоновских войн в стране господствовала инфляция бумажных денег, и в конце концов правительство было вынуждено признать ее, официально девальвировав так называемую «венскую валюту» (*Wiener Währung*) в пять раз (в 1811 г.). Попытки ввести в обращение новые денежные суррогаты не имели успеха, и по-настоящему твердая валюта, основанная на серебре, появилась лишь с учреждением в 1817 г. Привилегированного Австрийского национального банка (*Privilegierte Österreichische Nationalbank*). Это были его банкноты, свободный обмен которых еще в 1830-е гг. происходил при очень низком покрытии (16–17%)²⁷. И лишь благодаря займам звонкой монеты из других частных банков серебряное покрытие банкнот к 1847 г. увеличилось до 33% (213 млн гульденов банковскими билетами покрывало 70,2 млн гульденов серебром)²⁸.

Этот обмен в банке продолжался до 1848 г., когда в период революционных потрясений публика стала в массовом количестве предъявлять банковские ноты к обмену. В 1849 г., когда ситуация в Венгрии накалилась до предела, курс банкнот упал на 50%.

Обесцененные деньги изымались постепенно. В 1857 г. под руководством деятельного министра финансов барона Карла Людвиг фон Брука (*Bruck*, 1798–1860) в стране была проведена денежная реформа. Новой денежной единицей стал гульден австрийской валюты (*österreichische*

27. Силин Н.Д. Кредитная политика эмиссионного банка и устойчивая валюта (Австро-Венгерский банк). М., 1928. С. 28.

28. Там же. С. 33.

Währung), приравненный к 2,5 французским франкам и заменивший прежний более тяжеловесный «конвенционный» гульден²⁹. Правительство обязалось к 1859 г. изъять из обращения неразменные на серебро бумажные деньги и больше не выпускать их. Тогда же Австрийский национальный банк возобновил размен своих банкнот на звонкую монету по номиналу. Покрытие банкнот серебром в то время (1857 г.) составляло 26 % и было гарантировано металлическим фондом, который с 1855 г. по 1857 гг. увеличился вдвое (до 102,8 млн гульденов в конце 1857 г.)³⁰.

Однако австро-итало-французская война 1859 г. уничтожила достигнутые результаты, и страна вновь погрузилась в бумажно-денежную инфляцию. Лаж на банкноты составлял не менее 5%. Вновь готовясь возобновить размен, австрийский министр финансов Игнац фон Пленер (von Plener) решил перестроить деятельность Австрийского национального банка по образцу успешно функционировавшего Банка Англии. В 1866 г. он добился реформирования банка по принципам банковского акта Роберта Пиля. Отныне банк должен был покрывать свои билеты звонкой монетой в соотношении 1:1, а непокрытые металлическим фондом бумажные деньги выпускать не более чем на 200 млн гульденов.

Но новая попытка размена так и не состоялась из-за Австро-прусской войны, разразившейся в 1866 г. Денежное обращение вновь наполнилось бумажными денежными знаками мелких номиналов; особенно большими стали выпуски 1 и 5-гульденовых банкнот (до 400 млн гульденов). Между тем в политическом устройстве страны наступили перемены, коснувшиеся и главного банка страны. В связи с преобразованием Австрийской империи в двуединую монархию (Австро-Венгрию) Привилегированный Австрийский национальный банк был преобразован в Австро-Венгерский (Österreichisch-ungarische Bank).

29. Очерк денежной реформы в Австро-Венгрии. СПб., 1896. С. 4.

30. Силин Н.Д. Указ. соч. С. 56.

Австро-Венгерский банк был открыт 1 июля 1878 г., получив привилегию на выпуск бумажных денег. Он должен был обеспечивать их не менее чем на 40% золотом и серебром³¹. Из-за обесценения серебра курс гульденовой монеты стал приближаться к банкноте того же номинала, и к началу 1879 г. они сравнялись в своей цене³². И даже несмотря на то, что денежное обращение было насыщено серебряной монетой, Австро-Венгерский банк не приступил к размену своих банкнот на серебро. Они ходили по курсу — как и кредитные билеты в Российской империи. Это объяснялось тем, что, с одной стороны, банк помимо собственных банкнот принимал в уплату неразменные казначейские билеты, а с другой — накоплением авуаров для предстоящей денежной реформы. Правительства Австрии и Венгрии решили построить денежную систему страны на золотой базе, и банк стал прилагать усилия к максимально возможному увеличению золотых резервов.

Подобное увеличение золотых авуаров одновременно шло и в России, главным образом, в управление Министерством финансов Ивана Алексеевича Вышнеградского (1831–1895) и первые годы — С.Ю. Витте. В 1888 г. золотой запас главного банка страны мог покрыть кредитные билеты золотом на 40%; он оценивался почти в 390 млн руб.³³ В связи с падением цены серебра на мировом рынке³⁴ Государственный банк уже в начале 1890-х гг. вполне мог свободно разменивать кредитные билеты на серебряные рубли³⁵. Однако монетарные власти предпочли поддерживать плавающий курс кредитного рубля на уровне 63–73 золотых копеек, при необходимости выпуская на рынок

31. Очерк денежной реформы в Австро-Венгрии. СПб., 1896. С. 5.

32. Там же. С. 5–8; *Силин Н.Д.* Указ. соч. С. 142.

33. См.: Отчет Государственного банка за 1916 г. С.50.

34. Если в 1860-е гг. ratio золота к серебру в Европе еще держалось на уровне 1:15,5, то к 1894 г. оно упало до 1:32,6 (См.: Соображения члена Высочайше учрежденной 6 октября 1895 г. Особой комиссии действительного статского советника А.Л. Боровиковского, высказанные в заседании означенной комиссии. [СПб., 1895.] С. 4, 7).

35. РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 308. Л. 259 об.

свежеотпечатанные кредитные билеты, и вновь формировать самый крупный централизованный золотой запас.

Переход к золотой валюте стал для России мучительным процессом, потребовавшим колоссальных затрат. На протяжении 1889–1896 гг. правительство было вынуждено заключать так называемые «золотые займы»: шесть 4%-ных (формально – «золотой заем» в шести выпусках: 1889 г., 1890 г. (три выпуска), 1893 г. и 1894 г.) на общую номинальную сумму 458,5 млн золотых руб., 3,5%-ный 1894 г. на номинальную сумму 10 млн руб. и два 3%-ных (1894 г. и 1896 г.) на общую номинальную сумму 166,6 млн руб.³⁶ Распространявшиеся на ведущих мировых биржах, они использовались для конверсии (отсрочки на 81 год) ранее заключенных государственных займов, выкупа в казну железных дорог и закладных листов Центрального банка русского поземельного кредита, покрытия расходов на железнодорожное строительство, а также для пополнения средств Государственного казначейства. Причем это пополнение шло в русле наращивания золотого резерва страны. Так, с займа 1889 г. Государственному банку были перечислены средства «для расчета ... по временно выпущенным по случаю войны 1877–1878 гг. кредитным билетам», а с займа 1896 г. погасили беспроцентный долг Казначейства банку «по выпуску государственных кредитных билетов»³⁷. В совокупности долг России только по этим двум займам к началу 1913 г. составлял 325,3 млн руб.³⁸

Занимать деньги на внешнем рынке для введения собственной твердой валюты – мера не совсем удачная, которой пользуются в крайних случаях. Применительно к Европе такая практика была известна в Австро-Венгрии³⁹, в то время как другие крупные страны пытались обходить-

36. Справочная книжка для держателей русских государственных и гарантированных правительством процентных бумаг. СПб., 1913. С.47–50, 61, 63, 88, 93, 95.

37. Там же. С. 47, 96.

38. Там же. С. 24, 26.

39. Очерк денежной реформы в Австро-Венгрии. С. 17–19.

ся без этих крайних мер. Занятые средства вновь, как и при Рейтерне, составили порядка трети от создаваемого «металлического фонда» (к началу 1897 г. оценивался в 1,09 млрд руб.⁴⁰). И здесь возник самый главный, принципиальный вопрос: каким быть будущему золотому стандарту в России? Предшественники Вышнеградского и Витте более всего были близки к его «мягкому» варианту, с приоритетностью разменности бумажных денег перед высоко поставленной планкой обязательного золотого обеспечения. Рейтерн нигде не пишет о норме покрытия бумажных денег, Ламанский накопил авуары до уровня 41%-го покрытия, с которого планировали начать размен. Ближе всего здесь опыт Банка Франции (*Banque de France*), где вообще не существовало обязательных нормативов покрытия бумажной валюты. Статут банка определял лимиты выпуска купюр в очень общих чертах: «в таких пропорциях, которые бы обеспечивались звонкой монетой из банковских касс и надежными бумагами в портфеле банка, без риска отсрочки оплаты по его обязательствам»⁴¹. Определенной защитой для Банка Франции были высокие первоначально введенные номиналы купюр — в 500 и 1000 франков, которые делали их недоступными для основной массы населения. Впрочем, с течением времени центральный банк Франции стал приближаться к народу: с 1810 г. появились его купюры в 250 франков, с 1847 г. — в 200 франков, с 1848 г. — в 100 франков, с 1864 г. — в 50 франков, с 1870 г. — в 20 и 25 франков, и с 1871 г. — в 5 франков⁴².

Единственное ограничение их массы заключалось в предельных нормах выпуска, которые устанавливались, как правило, в периоды политических кризисов и войн. Впервые такая норма была установлена в 1848 г. (до 350 млн франков) и расширена в конце следующего (1849) года (до 525

40. См.: Отчет Государственного банка за 1916 г. С.50.

41. *Gaston-Breton T. Banque de France. Two centuries of history. Paris, 1999. P. 21.*

42. Купюры в 10 французских франков были введены в обращение лишь в 1916 г.

млн франков). В 1870 г. предельная норма была установлена в 1,8 млрд франков, а в следующем году ее увеличили до 3,2 млрд франков⁴³. По существу, Банк Франции эмитировал бумажные деньги для потребностей экономики, отводя вопросы их покрытия на второй план. Похожим образом действовал и Национальный банк Бельгии⁴⁴.

Удобная модель базы денежного обращения стран Латинского союза, которая наряду с золотом предусматривала и активную роль серебра и не была завязана на законодательно регламентированную высокую норму покрытия, казалась, идеально подходила для России. Накануне политического сближения Французской республики и Российской империи, еще при министре финансов Николае Христиановиче Бунге (1823–1895), 17 декабря 1885 г. был принят закон (Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Правила о монетной системе»⁴⁵), который можно считать началом воплощения далеко идущих замыслов и первоначального видения денежной реформы.

Закон, в целом повторяя уже устаревшую формулировку о незыблкости «серебряного рубля», впервые признал золотую монету не вспомогательным денежным знаком, а равной серебряной монете платежным средством. Она стала обязательной к приему по всем платежам по неизменяемой нарицательной цене⁴⁶.

Одновременно была изменена проба российских золотых монет. Прежняя 916,66 проба золота, принятая также в чеканке золотых английских монет, сменяется на 900 пробу, узаконенную в Германии и странах Латинского союза. Новому империалу, чеканившемуся из золота 900-й

43. Обзор иностранных законодательств об эмиссионных банках. Б.м. и г. [СПб., 1908] С. 24; Смит В. Происхождение центральных банков. Б.м., 1996. С. 67–69.

44. *Buyst E., Maes I., Plum W., Danneel M.* The Bank, the Frank and the Euro. A History of the National Bank of Belgium. Ed. National Bank of Belgium. Tiel, 2005. P. 39.

45. ПСЗ. Собрание третье. Т. 5. СПб., 1887. С. 516–518.

46. Там же. С. 516.

пробы, была присвоена цена 10 руб. серебром⁴⁷ вместо прежних 10 руб. 30 коп. — паритету, установленному еще в период денежной реформы Канкринна. По золотому содержанию (11,6135 г чистого золота) новый империял совпадал с французской 40-франковой, а полуимпериял — с 20-франковой монетой. Кроме того, 900 проба была введена для чеканки крупной серебряной так называемой «банковой монеты» (25 коп., 50 коп., 1 руб.). «Четвертак» (как в народе называли 25-копеечную монету), таким образом, стал полностью (по весу и пробе серебра) соответствовать однофранковой монете, а «полтина» — двухфранковой.

Россия, казалось, вплотную подошла к введению биметаллической базы денежного обращения. За ее установление в России высказывались известные экономисты Михаил Иванович Туган-Барановский (1865–1919) и Андрей Алексеевич Исаев (1850–1919)⁴⁸. Вынуждено, из-за больших финансовых потерь, ее так и не смогли провести ни М.Х. Рейтерн, ни Н.Х. Бунге; И.А. Вышнеградский, напротив, имея необходимые ресурсы, не спешил с ее проведением (доходило до того, что укреплявшийся курс кредитного рубля он искусственно снижал выбросом на биржи российских бумажных денег⁴⁹). С одной стороны, министерство Вышнеградского оказалось чрезвычайно насыщенным финансовыми мероприятиями (уменьшение дефицита государственного бюджета, конверсия займов, выкуп в казну железных дорог). Но с другой стороны, похоже, сам министр финансов решил более тщательно подготовиться к предстоящей денежной реформе, чтобы избежать ее возможного провала.

В верхах Министерства финансов было отчетливое понимание того, что создание твердого рубля будет вен-

47. Там же. С. 516.

48. Мигулин П.П. Русский государственный кредит. Т.3. Вып. 2. Харьков, 1902. С. 241.

49. Мигулин П.П. Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис: 1893–1902 гг. Харьков, 1902. С. 19–20.

цом деятельности любого министра. Но каким должен быть этот рубль? Мировая практика давала, по крайней мере, три варианта развития событий.

Самым естественным, как уже говорилось, был вариант Латинского монетного союза (*l'Union Latine*), к которому примкнуло достаточно большое количество стран. Он был заключен 23 декабря 1865 г. между Францией, Бельгией, Италией и Швейцарией; в 1867 г. к нему присоединилась Греция, а в 1878 г. — Сербия. Соглашение преследовало цель создать между странами валютный союз и таким образом создать удобство во внешней торговле. Одновременно оно предусматривало закрепление за золотой и крупной серебряной (пятифранковой) монетой одинаковых прав как платежных средств и послужило основой создания в Европе биметаллической денежной системы. Союз поддерживал систему валютной базы, более традиционную для старой Европы, где на протяжении веков большую роль играла серебряная монета⁵⁰.

Биметаллическая система Латинского союза по сути стала продолжением французского биметаллизма, закрепленного еще законом от 23 марта 1803 г. В основе его лежал введенный в 1795 г. в качестве денежной единицы франк⁵¹ в 4,5 г чистого серебра, которому при Наполеоне I было также присвоено золотое содержание в 0,2903 г (так называемый *Franc Germinal*)⁵².

-
50. В странах Латинского монетного союза монеты, согласно условиям договора, должны были представлять собой полное тождество как по пробе, так и по весу, отличаясь лишь видом чеканки. В качестве образца была взята французская метрическая система: золотые монеты достоинством в 5, 10, 50 и 100 франков, серебряный экю в 5 франков (900-й пробы), а также разменные серебряные — 2, 1, 0,5 и 0,2 франка (835-й пробы). Однако в каждой стране были сохранены национальные наименования основной денежной единицы: во Франции, Швейцарии и Бельгии — франк, в Италии — лира, в Греции — драхма.
51. Франк в качестве денежной единицы Франции заменил ливр. Франк делился на 10 децимов, каждый из которых, в свою очередь, состоял из 10 сантимов.
52. Франк жерминаль получил свое название по седьмому месяцу французского революционного календаря (жерминаль длился с 21/22 марта по 19/20 апреля), когда и был принят закон о его золотом содержании.

Франция как лидер объединения развернула в Европе широкую кампанию по введению своей денежной системы в других государствах, желая, таким образом, расширить зону франка. К концу XIX в., кроме членов Латинского союза, похожие по весу и пробе денежные единицы имели еще 18 стран. К ним относились Финляндия, Болгария, Румыния, Испания, Венесуэла.

Организация денежного обращения по варианту Латинского монетного союза была гибкой. Она не требовала законодательно закрепленной нормы покрытия валюты, допускала временное приостановление размена во время кризисов и существенную роль в поддержании национальной денежной единицы не только золота, но и серебра.

Альтернативой ему был золотой монометаллизм в двух вариантах: английском и германском. Первый предусматривал бумажное денежное обращение как циркуляцию золотых сертификатов, на 100% обеспеченных золотом. Такая система окончательно сложилась в Англии к середине XIX в. и базировалась на «банковском акте» Роберта Пилья⁵³ (Bank Charter Akt), принятом 19 июля 1844 г. Этот закон, появившийся после горячих дискуссий, регулировал деятельность банка фактически до Первой мировой войны. Он в известном смысле стал результатом победы сторонников «денежной теории» (Currency theory), считавших себя последователями Давида Рикардо в его взглядах на банкноты как на золотые сертификаты. По их мнению, именно такая денежная политика способна предотвращать перепроизводство и неминуемо следовавшие за ним кризисы.

Напротив, уже упоминавшийся германский вариант покрытия банкнот золотом на $\frac{1}{3}$ (Dritteldeckung, «третье покрытие») во многом сформировался под влиянием «банковской школы», представители которой выступали против 100% привязки банкнот к золотому запасу. По их мнению, их выпуск должен был соотноситься прежде всего

53. Пиль Роберт (1788–1850), английский государственный деятель, член парламента (Палаты общин – с 1809 г.), премьер-министр Британской империи в 1834–1835 гг. и в 1841–1846 гг.

с потребностями торгово-промышленного мира в средствах обращения. Поэтому эмиссия бумажных денег не должна иметь прямой связи с золотом, банкноты нужно выпускать под вексельное обеспечение. Такой вариант монометаллизма также называли «системой минимального резерва».

По собственному признанию С.Ю. Витте, в начале своей деятельности как министра финансов (1892 г.) он слабо разбирался в тонкостях денежного обращения: «Так как я ранее этим вопросом глубоко не занимался, то поэтому у меня появлялись не то чтобы некоторые колебания, а непоследовательные шаги»⁵⁴. В качестве специалиста по этому вопросу министр вначале привлек ученика Н.Х. Бунге профессора Афиногена Яковлевича Антоновича (1848–1915), чья докторская диссертация была посвящена проблемам денежного обращения⁵⁵. По протекции Витте 28 мая 1893 г. Антонович был назначен товарищем (заместителем) министра финансов⁵⁶. Уже в комиссии по разработке нового устава Государственного банка Антонович указывал на необходимость избавления от избыточной массы кредитных билетов и передачи эмиссионного права от Министерства финансов Государственному банку: «Всякие излишние их выпуски, не находящие работы на внутреннем рынке, возвышают цену металла и предъявляются к обмену на монету до той поры, пока не восстановится нормальное соответствие между количеством орудий обращения и народно-экономическим спросом на них»⁵⁷. Государственный банк должен был выпускать кредитные билеты, свободно размениваемые на звонкую монету, в соразмерности с объемом вкладных операций, но значительно больше суммы основного капитала — «по требова-

54. *Vitte* С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2002. С. 164.

55. В 1883 г. А.Я. Антонович защитил докторскую диссертацию по теме «Теория бумажно-денежного обращения и государственные кредитные билеты», которая в том же году была издана в Киеве.

56. РГИА. Ф. 560. Оп. 16. Д. 793. Л. 17 об.-18.

57. РГИА. Ф. 583. Оп. 19. Д. 61. Л. 10 об.

ниям народной экономии»⁵⁸. Приводя в пример деятельность Польского банка, Антонович выступал с позиций «банковской школы», считая, что такие билеты могут выпускаться под низкое покрытие для потребностей торговли и промышленности⁵⁹.

Однако из-за вскоре назревшего между Витте и Антоновичем конфликта последний был устранен от решений важнейших вопросов монетарной сферы и стараниями всемогущего министра лишен прежней должности. Профессор был перемещен в кресло члена совета министра народного просвещения⁶⁰. Позднее в своих воспоминаниях Витте признал, что допустил ошибку, приблизив к себе Антоновича, и что «он по своей натуре гораздо больше думал о своей мелкой пользе, нежели о том, будет ли совершена денежная реформа»⁶¹.

Между тем место советника Витте по денежной реформе недолго оставалось вакантным. И здесь выдвинулась фигура Иллариона Игнатьевича Кауфмана, который был замечен Витте по деятельности в комиссии по реформированию государственных сберегательных касс (в 1893 г.)⁶². В 1895 г. он, как экстраординарный профессор Санкт-Петербургского университета, консультировал Витте по вопросам денежной реформы, а министр даже признавал себя его учеником в этой области⁶³. Будучи поклонником организации английского денежного обращения, которой он посвятил докторскую диссертацию, Кауфман раскрыл Витте ее основы, в том числе и требова-

58. Там же. Л. 11.

59. Там же. Л. 11-12 об. В таком ключе следует понимать фразу Витте об Антоновиче, который «в большей степени отразил ту основную мысль, что [Государственный] банк нужно преобразовать именно потому, что государство решило совершить денежную реформу» (Витте С.Ю. Указ. соч. С. 166). То есть банк расширяет кредитование вследствие получения эмиссионного права и возможности именно так использовать этот ресурс.

60. РГИА. Ф. 560. Оп. 16. Д. 793. Л. 38.

61. Витте С.Ю. Указ. соч.. С. 166.

62. Бугров А.В. И.И. Кауфман и его научное наследие // Вестник Банка России. 2011. 16 нояб. № 64 (1307). С. 40.

63. Боголепов М.И. И.И. Кауфман // Вестник Европы. 1916 г. Кн. 1 (январь). С. 438.

ние к банкнотам как к золотым сертификатам. И хотя сам Кауфман был, скорее, сторонником «банковской школы», пример самой могущественной империи мира показался Витте очень заманчивым.

Тем не менее, министр в 1895–1896 гг. еще колебался относительно основ предстоящей денежной реформы, видимо понимая, что 100%-е покрытие в условиях России очень дорого. В этих условиях одним из решающих факторов оказался срыв франко-англо-американской конференции о монетарной политике. В 1897 г. представители Соединенных Штатов пытались договориться с английским правительством о поддержке традиционного раццо золота к серебру как 1: 15,5. Однако Банк Англии отказался перевести одну пятую часть своих «металлических» резервов в серебро, как о том просили американцы и французы. Ссылаясь на сложившиеся биржевые реалии, клерки указывали на мнение «большинства негоциантов Сити», которые резко высказались против искусственной поддержки серебра⁶⁴.

В этих условиях Витте принял крайне жесткое решение об «английском варианте» – несмотря на противодействие премьер-министра Франции Жюля Мелина (Meline)⁶⁵, убеждавшего Николая II присоединиться к французской монетарной модели⁶⁶. Мелин лично встретился с императором во время его визита во Францию в 1896 г. и по его просьбе прислал свои письменные соображения в Петербург по этому вопросу. В этой записке обосновывалось удобство перехода на денежное обращение по варианту Латинского монетного союза. С учетом того, что Франция в это время имела в обращении наибольшее количество серебра (по мнению современника, «Франция при ее биметаллической системе ... решительно не знает,

64. РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 310. Л. 117–120.

65. Мелин (Meline) Феликс Жюль (1838–1925) – премьер-министр Франции с 29 апреля 1896 г. по 28 июня 1898 г.

66. *Vumte* С.Ю. Указ. соч. С. 168–171.

что делать с имеющимися у нее 3,5 млрд [франков] серебра; она была бы в выгоде, если бы отдала их за сумму около 1,5 млрд»⁶⁷), это был для нее, по меткому выражению Витте, «карманный» вопрос⁶⁸.

Николай II передал эту записку для изучения Витте; причем оба сочли шаг Мелина некорректным, как вмешательство во внутренние дела другой страны. Несмотря на в целом отрицательное мнение о реформе со стороны большинства образованного общества и противодействие ее ходу отдельных чиновников, в 1897 г. были приняты кардинальные решения по ней, закрепленные именованным указом от 29 августа 1897 г. Согласно ему, «уровень покрытия российской бумажной валюты определялся по следующей формуле: сумма золота, обеспечивающего билеты, должна быть не менее половины общей суммы выпущенных в обращение кредитных билетов, когда последние не превышают 600 млн руб. Кредитные билеты, свыше 600 млн руб., находящиеся в обращении, должны быть обеспечены золотом по крайней мере рубль за рубль...»⁶⁹. Иными словами, в России была введена 100%-я норма покрытия кредитных билетов золотом с дозволением Государственному банку, по тому же закону получившему монопольное право выпуска бумажных денег, в случае надобности воспользоваться выпуском непокрытой бумажной денежной массы («контингента») на сумму до 300 млн руб.

По нормам большинства стран, перешедших на золотое обращение, эта норма покрытия была колоссальной, если даже учитывать фактические резервы в центральных банках желтого металла. Так, в начале XX в. в Германии фактическое покрытие золотом банкнот Рейхсбанка составляло в среднем 50%, во Франции – 50–60%, примерно столько же – в Австро-Венгрии и примерно 50% –

67. Денежная реформа. Свод мнений и отзывов. СПб., 1896. С. 11.

68. Витте С.Ю. Указ. соч. С. 168–171.

69. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 17. № 14504. СПб., 1900. С. 575.

в Японии⁷⁰. Опытным путем была доказана оптимальность, достаточность такой нормы покрытия.

И лишь Англия поддерживала 100%-ную норму своей валюты⁷¹, в большой мере достигавшуюся за счет развития безналичных расчетов (это позволяло обходиться без излишней бумажной наличности). Но в России к моменту завершения денежной реформы клиринг отсутствовал и начал спешно создаваться Государственным банком с 1898 г., когда при его Санкт-Петербургской конторе был открыт первый расчетный отдел. К началу 1914 г. их действовало уже 45 – но их обороты, вместе взятые, были примерно на порядок (а в 1900-е гг. – и более) меньше, чем у одной Лондонской клиринговой палаты⁷².

Применительно к России введенное в 1897 г. золотое покрытие валюты естественным образом оборачивалось количественным накоплением желтого металла, что требовало его увеличения в кладовых в пропорции с ростом объемов бумажных денег. Это автоматически означало напряжение экономики для сбора большего объема налогов и пошлин, либо увеличение золотодобычи, либо экстраординарные меры (например, пополнение казны за счет крупной военной контрибуции – как было в случае с Германией и Японией⁷³), либо заем средств на поддержание такой высокой планки и, наконец (что выглядело более логичным), ее пересмотр в сторону понижения.

70. Подсчитано на основании статистических данных, приведенных в изданиях: Die Reichsbank: 1901–1925. Berlin, 1925. S. 16–19, 25; Ramon G. Histoire de la Banque de France. Paris, 1929. P. 418; Обзор иностранных законодательств об эмиссионных банках. СПб., 1908. С. 28; Силлин Н.Д. Указ. соч. С. 207–208; Dierschke K., Mueller F. Die Notenbanken der Welt. Berlin, 1926. Band 2. S. 214–215.

71. Conant Ch. A History of Modern Banks of Issue. London – New York, 1927. P. 141.

72. В 1900-е гг. оборот Лондонской клиринговой палаты в среднем ежегодно составлял 12 млрд фунтов стерлингов (113,4 млрд руб.), а всех расчетных отделов Государственного банка – от 2,95 до 13,4 млрд руб. (Бугров А.В. Государственный банк: 1860–1917 гг. С. 174–178.)

73. Германии удалось перейти на денежное обращение, во многом сформировав золотые резервы за счет громадной контрибуции с Франции в 5 млрд франков (по итогам франко-прусской войны 1870–1871 гг.). Аналогично и Япония сформировала значительную часть золотых резервов за счет китайской контрибуции, эквивалентной £38 млн (по итогам японо-китайской войны 1894–1895 гг.).

Но последнего не происходило, и в течение не менее полутора десятилетий эта норма соблюдалась, за небольшим исключением – в период революции и Русско-японской войны 1905 г. Согласно официальным данным Государственного банка, золотое покрытие бумажного рубля в начале XX в. варьировалось в следующей динамике (см. табл. 1).

Таблица 1. Покрытие российских бумажных денег золотом (1901–1914 гг.)

К началу года	Золотой фонд Государственного банка, млн руб.	Кредитные билеты в обращении, млн руб.	Покрытие бумажных денег золотом, %
1901	737,4	554,9	133
1902	709,4	542,4	131
1903	769,2	553,5	139
1904	909,1	578,4	157
1905	1031,6	853,7	121
1906	926,5	1 207,5	77
1907	1 190,6	1 194,6	100
1908	1 169,1	1 154,7	101
1909	1 220,1	1 087,1	112
1910	1 414,6	1 173,8	120
1911	1 450,3	1 234,5	117
1912	1 436,2	1 326,5	108
1913	1 555,5	1 494,7	104
1914	1 695,2	1 664,6	102

Источник: Государственный банк. Отчет за 1916 год. Пг., 1917. С. 50–51.

Резкое понижение покрытия бумажных денег в 1905 г. было вызвано, как известно, оттоком банковских вкладов, которые, как правило, выбирались в золотой монете⁷⁴. В российском правительстве это восприняли как грядущую катастрофу золотому стандарту и поспешили заключить в 1906 г. внешний заем. Он был заключен на громадную сумму в 843,75 млн руб. и составил одну пятую часть всей

74. См.: Коковцев В.Н. Из моего прошлого (1903–1919). Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. С. 99.; Положение Государственного банка и денежного обращения с октября 1905 г. по апрель 1906 г. СПб., 1906. С. 1.; Русский рубль: два века истории. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 147.

задолженности России по внешним займам, заключенным до начала Первой мировой войны (4,2 млрд руб.)⁷⁵.

И вместе с тем, несмотря на огромный золотой запас, Россия в начале XX в. не входила даже в тройку стран с развитым фактическим золотым обращением. «Желтый металл» в обращении в Российской империи составлял лишь около 23% от суммы золотого запаса, в то время как в США – 32%, а во Франции, занимавшей в это время третье место по величине золотого запаса, – около 52%⁷⁶ (см. табл. 2).

Таблица 2. **Централизованные золотые запасы и золото в обращении к концу 1913 г.**

	Золото в обращении, млн долл. США	Централизованное золото, млн долл. США
Франция	723,6	678,7
Германия	655,1	340,6
США	611,5	1 279,2
Англия	370,0	564,0
Россия	254,2	868,7
Австро-Венгрия	44,0	257,5

Источники: Михалевский Ф.И. Золото в период мировых войн. М.: Ин-т российской истории РАН, 1945. С. 15; Стадниченко А.И. Валютный кризис капитализма. М.: Международные отношения, 1970. С. 58.

И при таком большом золотом «навесе» – слитках желтого металла, наполнявших кладовые Государственного банка (по данным Государственного банка, на начало 1914 г. золотой запас Российской империи составлял 1 695 234 тыс. руб., или 1 312 т чистого золота⁷⁷; по другим оценкам – 1 684 т (на конец 1913 г.)⁷⁸), отовсюду

75. Твердохлебов В.Н. Государственный кредит. Л.: Финиздат НКФ СССР, 1928. С. 126; Таранков В.И. Ценные бумаги Государства Российского. Москва-Тольятти: АвтоВАЗбанк, 1992. С. 180. См. также: Дьяконова И.А. Русские долги и запад (по швейцарским архивам). М.: Ин-т российской истории РАН, 2008. С. 84. Официально назначением 5%-го займа 1906 г. было «покрытие чрезвычайных расходов государственного казначейства 1905 и 1906 гг., превышавших бюджетные ресурсы».

76. См.: Михалевский Ф.И. Золото в период мировых войн. М.: Госполитиздат, 1945. С. 15.

77. Государственный банк. Отчет за 1916 г. С. 50.

78. Марфунин А.С. История золота. М.: Наука, 1987. С. 151.

слышались стенания о недостатке денег и бедности страны. «Мы самые бедные из культурных стран, — печально осознавал известный статистик Н.А. Рубакин. — Болгарин и серб имеют дохода в полтора раза более, чем русский, немец — почти в 3 раза более, англичанин — в 4^{1/2} раза, австралиец — в 6 раз... Европейская Россия сравнительно с другими странами — страна полунищенская»⁷⁹.

На этом фоне «золотая пирамида» выглядела праздной роскошью, тем более, что Россия отставала от развитых стран по решению социальных программ. Печально сознавать, что всеобщее начальное образование в России было введено в 1908 г. — на несколько десятилетий позже, чем в Англии (1870 г.), Германии (1872 г.) и Франции (1881 г.). Между тем при оптимизации ресурсов в связи с выбором варианта денежной реформы правительство могло бы иметь в своем распоряжении гораздо большие средства.

Витте причислял к своим заслугам то, что народ на заметил девальвации рубля на 33%, проведенную во время реформы. Иными словами, империя с 1897 г. стала стоить 15 руб. вместо прежних десяти. «Весь простой класс населения, — писал Витте, — весь народ совсем не заметил и не подозревал, что я сделал реформу»⁸⁰. Но народ и не видел до этого золотых денег; преимущественно он жил на кредитные бумажки и медь. Новый полумимпериял в 7 руб. 50 коп. по мнению современника, составлял почти месячный доход многих крестьян на исходе XIX в.⁸¹ И даже серебряный рубль был очень крупной единицей для многих — неудобной хотя бы потому, что при существовавшей тенденции к округлению цен малоимущие классы постоянно переплачивали, даже не подозревая этого⁸².

79. Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб., 1912. С. 207.

80. Витте С.Ю. Указ. соч. С. 168–171, 178.

81. Денежная реформа. Свод мнений и отзывов. СПб., 1896. С. 10.

82. Именно по этой причине многие европейские страны на протяжении конца XVIII–XIX в. отказывались от прежних денежных единиц «талерного» типа.

Но то, чего невозможно было не заметить — это инфляции золотого рубля в начале XX в. Так, в 1905–1906 гг. цены выросли на 40% по сравнению с 1890 г.⁸³ Рост промышленных цен снижал покупательную способность золотого рубля, что сказывалось на замедлении уровня жизни в России.

Что касалось обещанного «золотого моста» для иностранных инвестиций, то он, конечно, не был связан напрямую с денежной реформой. Еще в 1870-е гг. российские государственные и железнодорожные бумаги в больших объемах покупались в Германии, а с конца 1880-х гг. — во Франции. Опыт стран, чье денежное обращение было основано на биметаллизме, доказывает, что иностранные инвестиции поступали туда ничуть не меньше, чем в страны «золотого клуба». Пример тому — Османская, или Оттоманская империя, где фактически в обращении находилось, в основном, серебро. Это, однако, не мешало долголетнему строительству Багдадской, или Анатолийской, железной дороги. «Немцы, — обобщил современник, — сумели выторговать у султана ряд весьма важных промышленных и железнодорожных концессий»⁸⁴. Германские экономические интересы доминировали в Анатолии, в то время как Италия имела свою зону влияния в турецкой Албании, а Австро-Венгрия — в европейских провинциях Турции. В 1900 г. Германией было ввезено в Турцию товаров и машин на 430 млн рейхсмарок, а в 1904 г. — уже на 570 млн рейхсмарок, что составило более половины всего европейского ввоза в Османскую империю⁸⁵. Огромные капиталы в развитие империи были вложены через посредство Deutsche Bank'a. Помимо него, в Османской империи работали Deutsche Orient Bank и Deutsche Palaestina Bank⁸⁶.

83. Бокарев Ю.П. Рубль в эпоху войн и революций (начало XX в.) // История денежного обращения России. Т. I. М.: ИнтерКрим-пресс, 2011. С. 238–239.

84. Голобородько И.И. (псевдоним — И. Южанин) Старая и новая Турция. М., 1908. С. 155.

85. Там же. С. 159.

86. Кеченджи-Шапалов М.В. Турция к концу первого десятилетия XX в. Пг., 1915. С. 26.

В империю также активно проникали французский и английский капиталы (достаточно сказать, что именно за счет них в 1863 г. был образован Имперский Оттоманский банк — Devlet-i Aliyye-i Osmaniyye Bankasi). К 1910 г. Англия занимала 26% всего торгового оборота империи с европейскими странами⁸⁷. В это же время в Турции открылись отделения французских банков Credit Lyonnais и Comptoir d'Escompte. К 1913 г. Франция лидировала по вложению капиталов (2,2 млрд франков) в Османскую империю, опередив Германию. Главным образом вложения французов осуществлялись за счет приобретения облигаций оттоманских госзаймов и железных дорог⁸⁸.

Представляется, что, как и в случае с Турцией, иностранный капитал проникал бы в Россию вне связи с денежной реформой 1895–1897 гг. Россия оставалась привлекательной страной благодаря высокой норме прибыли, достигшейся в том числе за счет низких оценок рабочего труда.

В итоге «виттевский» вариант денежной реформы не был по-настоящему адаптирован к России, вызвав неоправданно большие затраты и значительное увеличение внешнего долга. Как и в случае с реформой Канкрин, твердый рубль продержался примерно 15 лет. С началом Первой мировой войны, по закону от 27 июля (9 августа) 1914 г., размен бумажных денег на золото был отменен, а в 1915–1916 гг. значительная часть золотого запаса империи (498 т золота)⁸⁹ была депонирована в Британской империи за военные кредиты. По итогам Гражданской войны новой власти досталась лишь небольшая часть прежнего богатства (317 т золота)⁹⁰, а попытки возродить золотую валюту в 1920-е гг., по существу, не увенчались успехом. В новую эпоху в обескровленной стране это выглядело уже слишком дорогой затеей.

87. Там же. С. 20–21.

88. Там же. С. 28.

89. Марфуни А.С. Указ. соч. С. 151.

90. Там же. С. 152.

В.В. Холодков*

ТРАДИЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ И РЕФОРМА 1861 г.

Согласно древнерусскому праву купля-продажа права пользования государственной землей совершалась обычно с правом обратного выкупа и тем самым по существу не отличалась от залога. Более того, в 1558 г. Иоанн IV предоставил должникам рассрочку платежей на 5 лет с тем, чтобы кредиторы «тое вотчину за рост пахали», т. е. получали проценты путем использования земли по прямому назначению¹. Таким образом, для древнерусского землевладения с самого начала было характерно то, что оно обеспечивало каждому домохозяину право на земельный надел, а значит — на полноценную жизнь и свободный труд. Впоследствии общинное землевладение, так или иначе и в той или иной степени, выполняло это свое главное назначение как на государственных, так и на владельческих землях². Поэтому неслучайно то, что с началом так называемого «освобождения» крепостных крестьян в ходе реформы 1861 г. начались крестьянские волнения, бунты, а к 1879 —

* Холодков Вячеслав Васильевич — к.э.н., старший научный сотрудник сектора исследований корпоративных систем Института экономики РАН.

1. См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1995. С. 520–546.

2. См.: *Маньков А.Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб.: «Наука», 1998. С. 66, 91.

1881 г. сложилась предреволюционная ситуация³. Причиной волнений послужило осознание помещичьими крестьянами того, что они могут лишиться земли и превратиться в батраков и наемных рабочих. До издания «Положений 19 февраля 1861 г.» они надеялись, что им, как и казенным крестьянам, будет предоставлено право гарантированного владения государственной землей⁴. Однако этого не произошло. Напротив, в ходе реформы с помощью отрезков были уменьшены земельные наделы «освобожденных» крестьян. Кроме того, они оказались обременены отработками, выкупными и другими платежами государству и помещику. Малоземелье, отработки и непомерные платежи неизбежно вели к дифференциации и разорению крестьянства. Вместе с тем, согласно «Положениям 19 февраля 1861 г.», после выплаты выкупных платежей земля должна была стать собственностью (в зависимости от субъекта выкупа) либо общины в целом, либо отдельных крестьян⁵. В стратегическом плане реформа была направлена на то, чтобы сделать последних частными земельными собственниками. Этот прозападный характер выбранного правительством пути явился главным основанием для трагических катаклизмов в последующей истории России.

Земельное законодательство императорского периода стало все больше вступать в принципиальное противоре-

-
3. См.: Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории. М.: Издательство НТЦ «Форум», 2000. С. 255; Хрестоматия по истории СССР, 1861–1917: Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «История» / Сост. В.Ф. Антонов и др.; Под ред. В.Г. Тюкавкина. М.: Просвещение. 1990. С. 60.
 4. См.: Архимандрит Константин (Зайцев). Указ. соч. С. 359, 369, 384; Записки о России маркиза де Кюстина / Перев. с фр. М.: СП Интерпринт, 1990. С. 66.
 5. См.: *Ляценко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. I. Докapиталистические формации. 4-е изд. М.: Госполитиздат, 1956. С. 572–596; *Нечаев В.М.* Общинное землевладение. В кн.: Энциклопедический словарь. Томь XXI-A. 42-полутомь. Издатели: Ф.А. Брокгаузь (Лейпциг). И.А. Ефронъ (С.-Петербургъ). С.-Петербургъ. Типо-Литография И.А. Ефрона, Прачешный пер., № 6. 1897. С. 635; Хрестоматия по истории СССР, 1861–1917. С. 36–74; *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II / Предисловие Ю.К. Мейера. СПб.: «Петрополь», 1991. С. 25–27; *Мейер Д.И.* Русское гражданское право (в 2-х ч. Часть 2). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. М.: «Статут» (в серии «Классика российской цивилистики»), 1997. С. 40–42.

чие с обычным правом, в соответствии с которым жила и развивалась сельская община. Еще во второй половине XVII в. государство строго следило за тем, чтобы право крестьян на владение своим наделом и хозяйством соблюдалось не только на черносошных, но и на владельческих землях⁶. Несмотря на то, что немецкое, а следовательно, и римское право через литовско-русское право оказало определенное влияние уже на Соборное Уложение 1649 г., лишь с Петра I и Екатерины II, действовавших в русле западноевропейских философских учений, право частной собственности все более стало приобретать статус естественного права. В этой связи постепенно были сняты все ограничения на право собственности крупных землевладельцев⁷. Поэтому не случайно то, что при реализации полного права собственности помещиков на землю в 1861 г., право частной собственности крестьян на свои наделы было ущемлено еще до того момента, когда оно возникло. Ибо если государство не создает нормальных условий для функционирования мелкой трудовой частной собственности, то она неизбежно подвергается натиску и разорению со стороны крупного капитала, которому необходимы свободные рабочие руки. Частная собственность крестьян на движимое и недвижимое (кроме земли) имущество могла более или менее нормально воспроизводиться лишь на государственной земле или при ограниченном владении последней представителями привилегированного сословия⁸. Русское обычное право свидетельствует о том, что по существу право собственности, согласно представлениям крестьян, было лишь средством для реализации более фундаментальных прав (на жизнь, свободу, самоуправление), которая (реализация) в условиях развития товарного хозяйства предполагала трансформацию сельской общины

6. См.: Маньков А.Г. Указ. соч. С. 66, 91.

7. См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 550–556; Краковский К. Предисловие. В кн.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. С. 8–29.

8. См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 492–560.

в подлинный производственный кооператив. Придание праву частной собственности статуса естественного права стало непреодолимым препятствием на пути эволюционного превращения одного традиционного для России хозяйственного института в другой.

Реализация монопольного права дворянства на землю в пореформенной России ослабляла крестьянское хозяйство не только посредством отработок за отрезки, существенного (в 2–3 раза) завышения земельной ренты (сравнительно с ценами на землю) за аренду у помещика недостающего количества земли⁹. Дальнейшее развитие малоземелья, вызванное отрезками, сдерживало стремление крестьян выделять часть своих наделов под общественные запашки, которые были более удобным и легким способом взноса причитающейся с каждого домохозяина доли на покрытие «мирских» потребностей или на выполнение таких повинностей как образование и пополнение хлебных запасов, чем внесение натурой части собранного с собственного надела хлеба. Общественные запашки делали также ненужными переделы, ликвидируя тем самым чересполосицу и дальноземелье. Характерно, что в том случае, когда собранный урожай делился между крестьянами, не возникало никаких затруднений. Вместе с тем общественные запашки позволяли перейти от устаревшей трехпольной системы к многопольным севооборотам с травосеянием, приобретать машины для посева, уборки и переработки сельскохозяйственной продукции, использовать разделение труда и снижать затраты всех видов ресурсов на единицу этой продукции. Существенно, что довольно широкое распространение общественных запашек в пореформенный период было обусловлено энергичными действиями не только многих уездных и губернских земств, но и административной власти некоторых губерний. Принудительно введенные общественные запашки, как правило, были недолговечны.

9. См.: Хрестоматия по истории СССР, 1861–1917. С. 169.

Кроме того, добровольный характер кооперативных тенденций в крестьянском землевладении находил свое проявление в создании небольших объединений, артелей по совместной обработке земли, которые функционировали на тех же принципах, что и общественные запашки для всего села. Имманентный характер кооперативных тенденций для крестьянского землевладения подтверждается и тем фактом, что несмотря на правительственную политику, которая не давала им развиваться, они сохранились в своей зародышевой форме, в форме общинно-артельных традиций, которые так и не удалось уничтожить вплоть до начала коллективизации в 1927 г.¹⁰

Отчужденные у помещичьих крестьян с помощью отрезков в 1861 г. наделные земли еще до столыпинской аграрной реформы перераспределялись между переводившей на капиталистические рельсы свои хозяйства частью поместного дворянства и капиталистической кулацкой верхушкой деревни. Через учрежденный в 1882 г. при Бунге (министре финансов) Крестьянский поземельный банк земли у несостоявшихся дворян-капиталистов все в большей степени приобретались не сельскими обществами, а товариществами крестьян, состоящими из наиболее зажиточных хозяев. В результате происходило обезземливание основной массы крестьянства¹¹. В сущности, во многом за счет последних происходил и подъем промышленности. С отменой крепостного права власть имущие окончательно направили Россию по капиталистическому, а точнее западному пути развития. Далеким от российских национальных традиций правительства, в которые в

-
10. См.: Н.Р. Запашки общественныя. — В кн.: Энциклопедический словарь. Томъ XII. 23-полутомъ. Жилы — Земпахъ. Издатели: Ф.А. Брокгаузъ (Лейпцигъ). И.А. Ефронъ (С.-Петербургъ). С.-Петербургъ. Типо-Литография И.А. Ефрона, Прачешный пер., № 6. 1894, с. 266–268; Карышевъ Н. Земледельческія артели. Там же. С. 421; Данилова Л.В., Данилов В.П. Община. В кн.: Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. / Гл. ред. А.М. Румянцев. Т. 3. М.: «Советская Энциклопедия», 1979. С. 158; Тюкавкин В.Г., Скрабин В.И. Применение машин в сельском хозяйстве России в конце XIX — начале XX века. М.: Наука, 1991. С. 270–293.
11. См.: Алященко П.И. Указ. соч. Том II. Капитализм. С. 72–85; Хрестоматия по истории СССР, 1861–1917. С. 166, 188; Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 163–188.

разное время входили такие ориентированные на Запад министры финансов, как Рейтерн (1862–1878 гг.), Бунге (1881–1886 гг.), Вышнеградский (1887–1892 гг.), Витте (1892–1906 гг.), органически не могли создать национальную систему хозяйствования и по существу формировали либеральную модель западного образца¹². И это несмотря на то, что, к примеру, С.Ю. Витте весьма близко воспринял идею национальной экономики, выдвинутую предшественником исторической школы, сложившейся в Германии в 40–50-х гг. XIX в., Фридрихом Листом (1789–1846 гг.)¹³. В широко распространенных артелях, арендующих казенные заводы, правительство не увидело основополагающую для российской промышленности форму хозяйствования, в которой органично сочетались частная и государственная формы собственности¹⁴. Государственная собственность обеспечивала такому предприятию стабильный госзаказ, финансовую устойчивость, а следовательно, и постоянную занятость для членов артели. Частная собственность позволяла выходить на свободный рынок, что в свою очередь требовало от предприятия постоянного повышения эффективности производства для поддержания своей конкурентоспособности.

Однако правительство предпочитало стимулировать создание, с одной стороны, казенных, а с другой – частных предприятий. Казенные заводы в основном работали по заказ-нарядам министерств и ведомств. Лишь в 1911 г. доля частных заказов и свободных продаж достигла 55% – до и после она была существенно ниже или вообще сводилась к нулю. Низкие отпускные цены казенных предприятий, как правило, были обусловлены неполным учетом произведенных затрат, что, естественно, не стимулировало

12. См.: *Лященко П.И.* Указ. соч. С. 174–196.

13. См.: *Левита Р.Я.* История экономических учений. М.: Catallaxy, 1995. С. 58–60; *Абалкин Л.* Экономические воззрения и государственная деятельность С.Ю. Витте // Вопросы экономики. 1999. № 4. С. 4–26.

14. См.: *Платонов О.А.* Терновый венец России. История Русского народа в XX веке. Т. I. М.: «Родник», 1997. С. 74–78.

контроль за эффективностью использования ресурсов и приводило к убыткам, ложившимся на госбюджет. Правительственные заказы казенным предприятиям, руководство которых формировалось из отставных высокопоставленных военных и чиновников, защищали их от иностранной конкуренции. Казенные заказы служили защитой от последней и для частных заводов, цены на продукцию которых нередко вдвое превышали не только цены заказов казенным заводам, но и их собственную себестоимость. В этой связи часть сверхприбылей шла на взятки чиновникам, распределявшим казенные заказы. На рубеже XIX–XX вв. из-за переплат частным предприятиям госбюджет ежегодно терял по 15 млн руб. Государство стремилось поддержать частный сектор промышленности, не считаясь ни с какими затратами. Правда, покрывать эти расходы в конечном итоге приходилось налогоплательщикам, крайним среди которых всегда оказывалось крестьянство. Предпринятые, начиная с 1877 г., протекционистские меры по защите отечественного производителя в результате повышения пошлин на импорт промышленной продукции привели к росту внутренних цен, а следовательно, и прибылей крупного капитала. Возможности крестьян покупать промышленные товары, напротив, снизились. Таким образом, проводимая правительством в пореформенный период экономическая политика по существу сделала невозможной реализацию характерных для России традиций подлинной производственной кооперации, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Тем самым был перекрыт главный источник внутренних накоплений, основанный на раскрытии трудового и творческого потенциала народа и росте его благосостояния¹⁵.

15. См.: *Лященко П.И.* Указ. соч. Т. II. С. 172–196; *Лапина С.Н., Лелюхина Н.Д.* Государственное предпринимательство в России и его участие в регулировании экономики. (Опыт начала XX в.). В кн.: *Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд.* М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 15–36.

В экономической политике, проводимой С.Ю. Витте, ставка делалась исключительно на приток иностранного капитала, который, по его мнению, только и мог привести в надлежащее движение производительные силы России. Со всей откровенностью эта позиция изложена во всеподданнейшем докладе министра финансов С.Ю. Витте Николаю II (1899 г.)¹⁶. Однако на самом деле такая политика носила весьма противоречивый характер. Подъем промышленного производства сопровождался сильнейшим переобременением налоговым обложением самых широких масс населения, особенно крестьянских хозяйств. В результате промышленность суживала и подтачивала базу своего собственного существования. Наиболее остро это противоречие проявилось в связи с подготовкой и проведением денежной реформы. Для капитальных вложений и иностранных инвестиций требовалась твердая валюта. Реформа предполагала создание огромного золотого запаса, в первую очередь за счет активного торгового и платежного баланса. Поскольку, с одной стороны, правительство не смогло наладить достаточно эффективную работу отечественной золотодобывающей промышленности¹⁷, с другой — интеграция России в мировую экономику с ее диспаритетом цен на сырьевые ресурсы и промышленную продукцию неизбежно вела к оттоку золота за границу, а полученного по займам — еще и с процентами¹⁸. Из-за таможенного протекционизма, однако, не только сокращался ввоз иностранных товаров, но и поднимались внутренние цены. В то время как увеличение вывоза во многом происходило за счет экспорта сельскохозяйственных продуктов, в особенности хлеба, несмотря на повторяющиеся голодовки внутри страны. Усиление обложения населения осуществлялось также

16. См.: Хрестоматия по истории СССР, 1861–1917. С. 241–245.

17. См.: Сапоговская А.В. Российская золотопромышленность последней трети XIX — начала XX века в свете правительственной политики. В кн.: Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М.: РОССПЭН, 2000. С. 377–398.

18. См.: Платонов О.А. Указ. соч. С. 98–99; Туган-Барановский М.И. Бумажные деньги и металл. Пгд., 1917. С. 83.

путем повышения косвенных налогов и доходов от винной монополии¹⁹. В связи с этим продолжающемуся развитию в промышленности, хотя и протекавшему весьма неравномерно, сопутствовало нарастание кризиса в сельском хозяйстве, в котором было занято свыше четырех пятых населения страны²⁰.

Среди самих крестьян существовало мнение, что причина этого кризиса кроется в малоземелье и в переобременении налогами²¹. Влияние этих факторов препятствовало кооперированию с целью проведения общественных заповедов, перехода к многопольным севооборотам с травосеянием, приобретения в складчину машин для сева и уборки урожая, использования разделения труда для повышения эффективности сельскохозяйственного производства и тем самым мешало в борьбе с неурожаями, которые, как правило, сопровождались голодными годами. Характерно, что в наибольшей степени от неурожая страдали как раз те губернии, в которых наделы помещичьих крестьян посредством отрезков были уменьшены в большей мере и не компенсировались с помощью аренды. Так, например, в Казанской губернии наделы были уменьшены в среднем на 29,8%, а арендовалось у помещиков 3,6% на 100 десятин крестьянской наделной земли. В Самарской губернии это соотношение было, соответственно, 41,3% и 13,3%, в Уфимской – 14,4% и 4,3%, в Воронежской – 26,7% и 10,1%, в Пензенской – 25,4% и 16,5%, в Тамбовской – 13,1% и 12,8%, в Рязанской – 16,8% и 10,2%, в Вологодской – 40,9% и 1,6%, в Саратовской – 42,4% и 19,2%,

-
19. См.: *Платонов О.А.* Указ. соч. С. 99; *Калинин В.Д.* Из истории питейного дела в России (XV – начало XX вв.). М.: Институт экономики РАН, 1993. С. 1–47.
20. См.: *Лященко П.И.* Указ. соч. Т. II. С. 181–196; *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С. 163–188; *Борисов С.М.* Рубль: золотой, червонный, советский, российский. Проблемы конвертируемости. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 74–103; *Боханов А.Н.* Золотой рубль. Потребности времени. Личность С.Ю. Витте. Цели реформы и сложность ее реализации. Итоги. В кн.: *Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв.* М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 115–139; *Тарновский К.Н.* Капиталистический строй. В кн.: *Большая советская энциклопедия* / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Т. 24. Кн. II. СССР. М.: «Советская Энциклопедия», 1977. С. 110–111.
21. См.: *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С. 166.

в Симбирской — 32,6% и 19,0%²². Кроме того, по свидетельству Энгельгардта, эти отрезки, как правило, сдавались крестьянам не за арендную плату деньгами, а непременно под работу. При этом в самое дорогое, неоценимое по хозяйству страдное время крестьянину приходилось работать на помещика, что вело к ухудшению обработки собственного надела, неурожаем, голодовкам, недоимкам и разорению²³.

Это обстоятельство, однако, мало повлияло на выводы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, созданного в январе 1902 г. С лета 1902 г. под руководством этого Совещания начали свою работу более 600 губернских и уездных комитетов. В губернских комитетах крестьян было 2%, в уездных — 27%²⁴. Вопрос о главных причинах, приведших деревню к кризису, по существу был замят. К примеру, харьковский губернатор снял с обсуждения доклад Н.Н. Ковалевского, в котором говорилось, что «нельзя начинать бороться с комарами, не устранив предварительно вампиров ...». Жестко критикуя политику правительства, сын известного славянофила, крестник Гоголя Д.А. Хомяков назвал важнейшие причины упадка земледелия в России. По его мнению, это и железнодорожные тарифы, и казенная монополия, и покровительственные тарифы для промышленности. Порой члены губернских комитетов отказывались участвовать в дальнейшей работе, ссылаясь на стеснение со стороны председателя (роль которого выполнял губернатор), действовавшего по инструкциям министерства внутренних дел. За время работы комитетов вражда между властью и обществом, включая весьма умеренные круги, резко усилилась. Так, что Министерству внутренних дел в ряде случаев пришлось даже применять репрессивные меры по отношению к

22. См.: Хрестоматия по истории СССР, 1861–1917. С. 60. 168.

23. См.: Милов А.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. С. 430–433; Хрестоматия по истории СССР, 1861–1917. С. 182–186.

24. См.: Платонов О.А. Указ. соч. С. 99; Аяценок П.И. Указ. соч. Т. II. С. 259–260; Абалкин Л. Указ. соч. С. 20; Сидоров А. Граф С.Ю. Витте и его «Воспоминания». В кн.: Витте С.Ю. Воспоминания. Т. I. М., 1960. С. XXVII–XXVIII.

отдельным членам комитетов. Дворянство, которое составляло большинство в последних (66% в губернских и 52% в уездных комитетах европейской части России), отстаивало свои интересы²⁵. То, что комитет Сарапульского уезда Вятской губернии (в этом уезде находился известный Воткинский завод) высказался за дальнейшее развитие общины в коллективное хозяйство с артельной обработкой земли, не встретило особой поддержки. Артельное ведение хозяйства предполагало устранение малоземелья, а дворянство никак не хотело поступиться своей землей. Ему выгодно было наделение крестьян полным правом частной собственности, ибо это вело к купле-продаже наделной земли, сосредоточению ее в укрупняющихся и капитализирующихся крестьянских хозяйствах и оттоку части возникшего пролетариата в город. Тем самым дворянство сохраняло свои земли. Для него неприемлем был даже проект заведомого, по выражению Д.А. Хомякова, антиобщинника Витте (1906 г.), предполагавший распродажу крестьянам казенных, удельных и части помещичьих земель через Крестьянский банк²⁶.

Альтернативой позиции дворянства явились идеи народников, которые в русской общине видели основу для перехода к социализму в России. При этом, однако, они не учитывали того факта, что социалистическая идея, которая родилась на Западе, базировалась на совершенно ином понимании естественных прав человека, чем те представления о системе человеческих ценностей, на основе которых развивалась русская община. На Западе искажение естественных прав человека началось еще с нарушения принципов добра и справедливости в обычном праве древних римлян. В результате право частной собственности посте-

25. См.: *Абалкин Л.* Указ. соч. С. 20; *Сидоров А.* Указ. соч. С. XXVII–XXVIII.

26. См.: *Платонов О.А.* Указ. соч. С. 271; *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С. 163–188; *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 69–74; *Хомяков Д.А.* Православие, самодержавие и народность. Монреаль: Издание Братства преп. Юва Почаевского въ Монреале, 1982. С. 58.

ленно приобрело статус естественного права и стало подавлять другие основополагающие права человека: на жизнь и свободу. Тогда как славянское обычное право с самого начала формировалось, по существу, исходя из того, что право собственности является производным по отношению к более фундаментальным человеческим ценностям и потому носит служебный характер. Поэтому неслучайно то, что экономической основой русской общины стало органическое сочетание государственной собственности на землю и частной собственности крестьян на остальные средства производства. Характерно, что ни у теоретиков общинного социализма, ни у революционных, ни у либеральных народников не было четкого представления о необходимости объективно обусловленного сочетания государственной и частной собственности как на сельскохозяйственных, так и на промышленных предприятиях, развивающихся в русле российских традиций подлинной производственной кооперации. Стремление народников обеспечить работникам на новом этапе развития производительных сил статус хозяев производства не опиралось на понимание того, что решить эту задачу невозможно на основе западной трактовки естественных прав человека. Ибо выведение последних из самодовлеющих «естественных» потребностей человека выдвигало на первый план такие требования к экономике, как эффективность или социальная справедливость, причем, вызывая между ними определенное противоречие, что в свою очередь вело к абсолютизации, с одной стороны, частной собственности при капитализме, а с другой — государственной при социализме. Существенно и то, что в обоих случаях непосредственный производитель неизбежно превращался в наемного работника: либо у частного предпринимателя, либо у государства²⁷.

27. См.: *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. — СПб.: «Наука», 1998. С. 195–201; *Хрестоматия по истории СССР, 1861–1917.* С. 97–160; *Малинин В.А.* История русского утопического социализма: Вторая половина XIX — начало XX вв. М.: Наука, 1991. С. 223–231.

Целью русского обычного права в первую очередь было формирование нравственных отношений между членами общины²⁸. Славянское обычное право, основанное на нравственном характере мышления народа и в дохристианском периоде, трансформировалось в русское обычное право под влиянием принятого в X в. православия. Общинное землевладение обеспечивало возможность каждому крестьянину, который был способен достаточно эффективно трудиться для того, чтобы нести свою долю податного бремени, иметь надел, с которого он мог бы прокормить себя и свою семью. Строгий контроль общины за эффективностью труда своих членов и справедливой разверсткой земли во время частных и общих переделов диктовался не только и не столько стремлением крестьян реализовать свои индивидуальные интересы, сколько твердым убеждением в том, что каждый должен жить своим трудом. Ибо свободный труд, который требует от человека известных духовно-нравственных усилий для достижения определенного результата, является тем самым необходимым условием духовной жизни каждой личности. Неслучайно то, что в русской общине был выработан уникальный механизм оценки трудового вклада каждого домохозяина в общее дело по выплате податей при распределении земли по трудовой норме. Создание и функционирование такого механизма предполагает, что работники являются хозяевами производства. И государственная собственность на землю, обеспечивая неотчуждаемость общинных земель, гарантировала такой статус полномочным членам общины. Выработка русской общиной основных принципов функционирования подлинной производственной кооперации позволяла сделать более крупной первичную хозяйственную единицу, сохраняя при этом работнику статус хозяина производства как члена кооператива. Причем повышение экономичности сельскохозяйственного производства за

28. Хомяков Д.А. Указ. соч. С. 58–60.

счет укрупнения хозяйственных единиц не должно было уменьшаться в результате снижения эффективности труда непосредственных производителей, так как последние становились сособственниками, а не наемными работниками. Ибо по оценкам, сделанным Рейхеншпергером еще в XIX в., труд 3 собственников равноценен труду 5 наемных рабочих²⁹. Однако реализации этих возможностей не суждено было осуществиться³⁰.

Секуляризированное сознание народников не позволило им увидеть религиозно-этические корни хозяйственного уклада русской общины³¹, а следовательно, и сформировавшихся в ней основных принципов подлинной производственной кооперации. В связи с этим они не поняли, что создание самоуправляющихся предприятий требует не дополнения искаженных западным сознанием естественных прав человека, а защиты российским государством подлинных его прав, которые вытекают из нравственных обязанностей человека перед Богом и ближними. Неслучайно поэтому, подобно Прудону, народники не смогли адекватно определить роль государства в создании необходимых условий для нормального функционирования мелкой трудовой частной собственности³². В результате им не удалось сформировать такую концепцию социально-экономического развития России, которая создавала бы реальные возможности для реализации традиций подлинной производственной кооперации и, тем самым, отвечала бы насущным интересам большей части народа. Все это облегчило дворянству решение задачи по реализации

29. См.: *Карышев* Н. Указ. соч. С. 409.

30. См.: *Зайцева* Л. Аграрная реформа П.А. Столыпина в документах и публикациях конца XIX начала XX века. М.: Институт экономики РАН, 1995. С. 76–77; *Маслов* С. К вопросу об условиях существования общины. М., 1914. С. 14–15; *Ходский* А.В. Земля и земледелец. Т. 2. СПб., 1891. С. 308.

31. См.: *Хомяков* Д.А. Указ. соч. 1982. С. 58.

32. См.: *Застенкер* Н.Е. Прудон. В кн.: Экономическая энциклопедия. Политическая экономия / Гл. ред. А.М. Румянцев. Т. 3. М.: «Советская энциклопедия», 1979. С. 402–403; *Он же*. Прудонизм. Там же. С. 403–404.

своих корыстных интересов путем проведения Столыпинской аграрной реформы. В связи с выполнением социального заказа реформа не могла не базироваться на роковой ошибке, ибо гипертрофированный интерес зачастую помрачает разум человека. Стимулируя раздел общинных земель по западному образцу вдохновители реформы из первого сословия не учли того факта, что в марковой общине земля находилась в частной собственности крестьян с самого начала ее (общины) возникновения. В силу этого в общине-марке не вырабатывались основные принципы функционирования подлинной производственной кооперации. В этой связи характерно, что на Западе первые производственные кооперативы в сельском хозяйстве с использованием совместного труда стали возникать в конце XIX — начале XX вв. Однако они так и не получили сколько-нибудь значительного распространения³³. В силу тех же причин на Западе не получила развития собственно производственная кооперация, ибо она неизбежно перерастала в потребительскую с использованием наемного труда, который был характерен даже для простейших форм промысловой кооперации³⁴. Впоследствии эта закономерность нашла свое отражение и в том, что в Венгрии, Чехии, Словакии, бывшей ГДР формально-юридически частная собственность на землю не была отменена даже при социализме³⁵.

В России Столыпинская аграрная реформа явилась еще одной преградой на пути развития горизонтальной кооперации, т. е. кооперации по совместной обработке земли. Тем самым она препятствовала укрупнению хозяй-

33. См.: Шмелев Г.И. Кооператив производственный в сельском хозяйстве. В кн.: Экономическая энциклопедия. Политическая экономия / Гл. ред. А.М. Румянцев. Т. 3. М.: «Советская энциклопедия», 1979. С. 232.

34. См.: Козырь М.И. Кооперативная собственность. В кн.: Экономическая энциклопедия. Политическая экономия / Гл. ред. А.М. Румянцев. Т. 3. М.: «Советская энциклопедия», 1979. С. 235; Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. 2-е изд. Товарищество типография А.И. Мамонтова, Арбатская пл., Филипповский пер., № 11. Москва — 1918. С. 43—56.

35. См.: Земельный вопрос / Е.С. Строев, С.Н. Никольский, В.И. Кирюшин и др.; Под ред. Е.С. Строева. М.: Колос, 1999. С. 290, 332—335.

ственных единиц, что могло бы повысить эффективность сельскохозяйственного производства в целом. Бурный рост вертикальной кооперации (потребительские общества, кредитные товарищества, товарищества по переработке продуктов хозяйств своих членов, по совместной закупке и сбыту, транспорту, хранению и т. д.) не мог в нужной мере решить эту задачу³⁶. Без совместной обработки земли производственная кооперация в сельском хозяйстве не просто утрачивала свое главное превосходство над крупным капиталистически организованным предприятием, которое заключалось в том, что она объединяла труд более эффективных работников-сохозяев, а не труд наемного персонала, она теряла весьма важное преимущество любого крупного производства – экономию ресурсов за счет его масштабов³⁷. Переселенческая политика правительства не смогла разрешить проблему малоземелья большинства крестьянских хозяйств³⁸. Маломощность и разрозненность последних не позволяли перейти к широкому применению многопольных севооборотов с травосеянием, использованию машин, удобрений, преимуществ разделения труда, что неизбежно вело к существенным колебаниям урожайности в зависимости от погодных условий, а следовательно, к повторяющимся голодовкам³⁹. Голод свыше 30 млн крестьян зимой 1911–1912 гг. не остановил, однако, правительство от экспорта 20% зерна урожая 1911 г. в связи с необходимостью искусственного поддержания стабильности золотого рубля⁴⁰.

Рост товарности сельскохозяйственного производства главным образом происходил за счет капитализирующихся

36. См.: Артель. В кн.: Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Т. 2. М.: «Советская энциклопедия», 1970. С. 259; Хрестоматия по истории СССР, 1861–1917. С. 357–358.

37. См.: *Кара-Мурза С.Г.* Продажа земли. Кто найдет и кто потеряет? М.: Издательство «Былина», 1998. С. 31.

38. См.: *Зайцева А.* Указ. соч. С. 75.

39. См.: *Платонов О.А.* Указ. соч. С. 273.

40. См.: *Лященко П.И.* Указ. соч. Том II. С. 278, 412–413; *Тарновский К.Н.* Указ. соч. С. 121.

помещичьих и кулацких хозяйств, использующих отработку и наемный труд, что в свою очередь подрывало жизнеспособность основной массы сельхозпроизводителей⁴¹. В результате прирост сельскохозяйственной продукции с 1909 по 1913 г. составил в среднем до 1,4% в год, т. е. снизился по отношению к периоду с 1901 по 1905 гг., когда наблюдался прирост в размере 2,4% в год. В этой связи прирост продовольствия оказался ниже прироста населения⁴². Социально-экономическая дифференциация крестьянства подготовила серьезную основу для революционных событий 1917 г.⁴³. При этом существенным является тот факт, что, согласно новейшим исследованиям, в конце XIX в. удельный вес хозяйств, находящихся на различных стадиях обуржуазивания, не превышал 11,4%⁴⁴ и, таким образом, не составлял около 20%, как это предполагал в соответствии со своими данными В.И. Ленин. Более того, в начале XX в. численность многолошадных хозяйств сократилась с 5,4% до 1,8%. Исследователи объясняют это тем, что распавшиеся крестьянские хозяйства не были хозяйствами капиталистического типа, а базировались на семейной кооперации двух-трех не разделившихся семей. Семейный труд преобладал и в хозяйствах, использующих наемный труд. Иначе говоря, со стороны народных традиций в России были все предпосылки для развития производственной кооперации, которая могла бы обеспечить воспроизводство мелкой трудовой частной собственности и предотвратить социальный взрыв⁴⁵.

41. См.: *Лященко П.И.* Указ. соч. Том II. С. 273–283.

42. Там же. С. 276–277; *Кара-Мурза С.Г.* Указ. соч. С. 30–31.

43. См.: Земельный вопрос. С. 8–10; *Тарновский К.Н.* Указ. соч. С. 118–119, 121; *Конвалов В.С.* Крестьянство и реформы: (Российская деревня в начале XX в.): Аналит. обзор / РАН ИНИОН. Центр социал. науч. информ.-исслед. Отд. отеч. и зарубеж. истории; Отв. ред. В.М. Шевырин М., 2000.

44. *Островский А.В.* Динамика процесса раскрестьянивания в Европейской России конца XIX – начала XX в. // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы к Всероссийской научной конференции. Ч. I. Вологда, 1992. С. 73.

45. См.: *Иванова Н.А.* Проблема многоукладности на современном этапе развития науки. В кн.: *Экономическая история России XIX – XX вв.: современный взгляд.* – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000, с. 601–603.

Стремление Столыпина сделать труд на земле свободным, опираясь исключительно на частнособственнические интересы крестьян, вступило в противоречие с этими традициями. Это несоответствие явилось одной из главных причин трагических катаклизмов в истории России начала XX в.⁴⁶

Уникальность механизма оценки трудового вклада работника, который сложился в русской общине, состоит в том, что он действовал на чисто социально-экономической основе и в масштабе всей общины. В общинах других народов Российской империи такая оценка осуществлялась, как правило, лишь в рамках артелей, которые зачастую формировались по родственному принципу. Вместе с тем, наличие самой этой оценки является отличительной чертой общин многих народов дореволюционной России. В той или иной степени общинно-уравнительное землевладение было присуще всем восточным общинам⁴⁷. Однако, к примеру, в индийской общине механизм уравнительного распределения земли не требовал оценки результатов труда владельца участка⁴⁸. Тем более разительно в данном отношении отличие от Запада, на котором ассоциации, сходные с нашей артелью, начали распространяться лишь в конце XIX века. В то время как в России артели существовали, вероятно, ранее XIV столетия⁴⁹.

Оценка трудового вклада у крестьян всегда была связана с общим, совместным владением государственной землей. Наряду с подворным общинно-уравнительное землевладение сложилось у народов Закавказья⁵⁰. Однако свой отпечаток наложили, конечно, природные условия, а

46. См.: Коновалов В.С. Указ. соч. С. 10; П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: тезисы докладов и сообщений. Омск, 1997.

47. См.: Колганов М.В. Собственность. Докапиталистические формации. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. С. 249–274.

48. См.: Ковалевский М.М. Общинное землевладение в колониях и влияние поземельной политики на его разложение. Ч. I. М., 1879. С. 81, 83–85.

49. См.: Артель. С. 185.

50. См.: Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908. С. 7, 202.

следовательно, и специфика сельскохозяйственного производства, взаимовлияние христианства и мусульманства. Отсюда — в значительно большей степени сохранившиеся остатки родового строя. Так, например, ампа-чарековая (Эриванская и Бакинская губернии) и литра-чарековая (Тифлисская губерния) системы разверстки земли были тесно связаны с родовой формой общины и с большой патриархальной семьей. При этом одна из существенных особенностей общинных порядков в Закавказском крае заключалась в отсутствии той неразрывной связи между податной и земельной разверсткой, которая была характерна для русской общины. Тем не менее, распределение земли осуществлялось на основе оценки трудового и хозяйственного потенциала семьи. Урожай в вольных товариществах, арагашествах, ставших одной из характернейших черт закавказской общины, делился пропорционально затраченному труду, а также величине участка совладельца. При полном арагашестве его члены сообща обрабатывали всю принадлежащую им надельную землю, при неполном лишь отдельные ее участки. Причем артельный принцип использовался не только в земледелии, но и в скотоводстве⁵¹.

В общинах народов Средней Азии артели были своеобразной компенсацией весьма резкого социально-экономического неравенства, внутренне присущего в значительной степени сохранившемуся родовому строю. Так, если в русской общине равенство всех перед землей было основным принципом ее существования, то, допустим, в киргизской общине земельные угодья распределялись в основном в соответствии с количеством скота в хозяйстве. Однако с ослаблением родовых традиций общинно-уравнивательные тенденции, очевидно, должны были обладать и в среднеазиатской общине. Об этом говорит эволюция форм пользования приусадебными овечьими

51. Там же. С. 209–215.

пастбищами на зимовьях (койбүлюками) и, в особенности, сенокосными угодьями⁵². Тем не менее, и в этих условиях в артелях, состоящих из нескольких хозяйств, в совместном владении ее членов нередко находилась не только определенная часть сельхозинвентаря, но и сама пашня, в связи с чем результаты работ, осуществляемых с начала и до конца сообща, делились пропорционально трудовому вкладу каждого. Но даже и те артели, в которых каждый хозяин с помощью других членов объединения обрабатывал и засеивал себе отдельный участок, постепенно эволюционировали в сторону сельских товариществ типа арагашеств, характерных для закавказской общины⁵³.

У некоторых народов Сибири, например, у якутов, артельные союзы носили временный характер и были ближе к русским «помочам»⁵⁴. Вместе с тем по степени распространения уравнительных форм землевладения там, где это касалось покосов и орошаемых пашен, малые народы Сибири нередко даже опережали русских переселенцев. В связи с этим связь между общинно-уравнительным землевладением и православным вероисповеданием приобретала весьма наглядный характер. Так, например, в западном Забайкалье у крещеных инородцев переделу подвергалось 59,4% пашен, у казаков-бурят — 45,9%, у некрещеных инородцев — 26,5%. Другое влияние, кроме вероисповедания, со стороны русских крестьян трудно предположить. Хотя у них и было 79,8% переделываемых пашен. Однако казаки русского происхождения с их 25,6% отставали не только от крещеных инородцев и казаков-бурят, но даже и от кочевых инородцев. Тем более, что по отношению к покосам первое место в восточном Забайкалье было у кре-

52. См.: *Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I. Ташкент, 1889. С. 12; *Вопросы колонизации*. Вып. I. СПб, 1906. С. 60; *Швецов С.П.* Крестьянская община, схема ее возникновения и развития. СПб, 1906. С. 17–18; *Кауфман А.А.* Указ. соч. С. 63–81, 111–113, 127–141, 167–169, 176–177.

53. См.: *Кауфман А.А.* Указ. соч. С. 171–172, 179, 213–214.

54. См.: *Серошевский В.* Якуты. СПб, 1890. С. 427–428; *Кауфман А.А.* Указ. соч. С. 172–173.

щенных инородцев (98%), а в западном – у казаков-бурят (93,8%). Далее следовали крестьяне (92,5% и 91,2%) и уже потом казаки русского происхождения (94,6% и 86,0%). А последнее место в обеих половинах области занимали некрещенные кочевые инородцы (52,4% и 55,1%)⁵⁵.

Для западной части Российской империи характерной чертой была неравномерность распространения общинного землевладения. Кроме того, в различных местностях существовали разнообразные переходные формы от настоящего общинного к подворному владению⁵⁶. Совсем общин не было лишь в Прибалтике, Западной Белоруссии и на Западной Украине. В Восточной Белоруссии, на Левобережной Украине они были лишь частично⁵⁷ – сказывалось влияние католического Запада. Возможно, что кроме сябренного, долевого землевладения на Украине и в Белоруссии местами сложилось и общинно-урavnительное, поскольку, к примеру, на Украине в Киевской области и других старых русских районах в XVII в. еще сохранялось общинное неурегулированное, «вольное» землепользование⁵⁸. Вместе с тем, например, в искони сложившейся малороссийской толоке существовал обычай «спрягаться», т. е. осуществлять соединение скота и орудий труда нескольких хозяев для запашки поля⁵⁹. Таким образом, благодаря совместной обработке земли в рамках земельно-общинных артелей, к которым в известной мере можно причислить и толоку, по существу компенсировалось различие земельных участков. Подобный обычай существовал

55. См.: Крoль А.М. Формы землепользования в Забайкальской области / Материалы комиссии для исследования землевладения в Забайкальской области. СПб., 1898. Вып. 10. С. 9–29, 31–43, 46–49, 62, 248; Кауфман А.А. Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию 1897 г. / Сибирский сборник. Иркутск, 1900. Вып. 2. С. 108, 154–156; Он же. Русская община. С. 144–147, 175–178.

56. См.: Воронцов В.П. Судьба капиталистической России. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1907. С. 148.

57. См.: Хрестоматия по истории СССР, 1861–1917. С. 336.

58. См.: Лященко П.И. Указ. соч. Т. I. С. 337.

59. См.: Артель. С. 187.

также и у приднепровского казачества, чеченцев, ингушей, горских евреев⁶⁰.

Эти традиции народов России, однако, не нашли поддержки в экономической политике правительства, которое выражало интересы господствующего сословия, дворянства.

60. См.: *Сумцовъ Н.Ф.* Толока. В кн.: *Энциклопедическій словарь. Томъ XXXIII. 65-й полутомъ.* Издатели: Ф.А. Брокгаузъ (Лейпцигъ). И.А. Ефронъ (С.-Петербургъ). С.-Петербургъ: Типография Акционерного Общества «Издательское Дело», Брокгаузъ – Ефронъ, 1901. С. 439.

М.А. Давыдов*

О ПРОБЛЕМЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ПЛАТЕЖЕЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (К ПОСТАНОВКЕ ЗАДАЧИ)**

В последние годы появился ряд работ, посвященных истории податного дела в пореформенную эпоху и во многом свободных от идеологизированности предшествовавшего времени.

Однако многое еще предстоит прояснить. Среди наиболее важных проблем, остающихся пока на периферии внимания исследователей: сложная и малоизученная – платежи крестьянства и, соответственно, крестьянских недоимок. За последние сто лет ситуация, по сути, не изменилась – постоянно растущие недоимки по государственным окладным сборам и выкупным платежам считаются едва ли не важнейшим свидетельством бедственного положения российского крестьянства.

Мой тезис таков – данный постулат неверен, а обычная трактовка этой темы намеренно искажает суть вещей.

Традиционно считается, что российское крестьянство платило слишком большие прямые налоги и выкупные платежи, и это серьезно ухудшало его материальное положение. В доказательство этого обычно приводятся два аргумента: первый – постоянный рост крестьянских недо-

* Давыдов Михаил Абрамович – д.ист.н., проф., ведущий научный сотрудник сектора экономической истории Института экономики РАН.

** Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 12-06-00169-а).

имок; второй – так называемые вынужденные осенние продажи хлеба.

Как известно, после 1855 г. в налоговой стратегии правительства происходят важные изменения. Значительно упало значение прямых налогов в бюджете вообще, центр тяжести был перенесен на косвенное налогообложение, усилилось обложение имущих классов и др. Александр III в 1880-х гг. уменьшил выкупные платежи, а затем отменил подушную подать и соляной налог. Все это в совокупности резко уменьшило крестьянские платежи¹.

Однако недоимки продолжали расти, и оппозиция настаивала на том, что это происходит от чрезмерной налоговой тягости, лежащей на крестьянстве. Сетования на «непосильные платежи», как и на «постоянные голодовки», были неотъемлемым атрибутом картины народных страданий, созданной оппозиционной литературой. При этом всем известные тогда факты уменьшения правительством налогового бремени, лежащего на населении, получали предвзятую интерпретацию, сознательно преуменьшались или просто игнорировались.

Показательна в этом смысле известная статья о налогах, помещенная в словаре Брокгауза и Ефрона, – типичная для того времени вариация на тему вины правительства за народные страдания, а заодно и за его собственное существование. Приведя информацию о росте недоимок, взятую у Н.К. Бржеского, автор резюмирует: «Противоречие, существующее между платежной способностью крестьян и высотой обложения, выражается в постоянном росте недоимок... Итак, несмотря на понижение оклада, недоимки постоянно увеличиваются и абсолютно и относительно, особенно за последнее десятилетие, что служит ясным доказательством непосильности для населения лежащего

1. Петров Ю.А. Налоги и налогоплательщики в России начала XX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М.: «РОССПЭН», 2003; Шацлло М.К. Эволюция налоговой системы России в XIX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М.: «РОССПЭН», 2003; Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России. М.: «Новый Хронограф», 2010. С. 324–325 и др.

на нем податного бремени. Особенно сильное влияние на рост недоимок оказал голодный 1891-й г. в пострадавших губерниях... В 1897 г. сумма недоимок составила 105,2 милл.руб., т.е. достигла 108% оклада»².

Между тем причины парадоксальной ситуации, когда, несмотря на крупное уменьшение налогового бремени и невзирая на экономическую конъюнктуру, недоимки продолжали расти — причем, *чем меньше становился размер платежей, тем хуже шло их поступление* в казну —, лежали в совершенно иной плоскости.

Однако прежде, чем раскрыть их, обратимся к статистике.

В табл. 1 содержатся данные о величине всех окладных сборов, в том числе и выкупных платежей, составлявших свыше 80% данных сборов, а также недоимок по ним с распределением по категориям крестьян на 1 января 1898 г. в 18-ти наиболее задолженных губерниях Европейской России.

Таблица 1. Губернии с наибольшей величиной недоимок по окладным сборам и выкупным платежам на 1 января 1898 г.

Губернии	Окладные сборы					Недоимки				
	Всего окладных платежей (тыс. руб.)	Всего выкупных платежей (тыс. руб.)	Баланс выкупных платежей (%)			По всем окладным платежам (тыс. руб.)	По выкупным платежам (тыс. руб.)	Баланс по выкупным платежам (%)		
			Бывшие госуд. крест.	Бывшие помещ. крест.	Бывшие удел. крест.			Бывшие госуд. крест.	Бывшие помещ. крест.	Бывшие удел. крест.
Казанская	3765	3493	89,8	8,8	1,4	12911	12865	87,2	11,9	1
Самарская	3506	3197	77,3	8,4	14,2	10728	10662	77,9	10,2	11,8
Воронежская	4960	4587	82,2	17,8	0	9064	8987	81,2	18,8	0
Нижегородская	2438	2208	32,6	62,6	4,8	8214	8158	32,9	63,9	3,3
Орловская	3473	3149	45,7	50,1	4,2	6520	6345	56,2	43,3	0,5
Тамбовская	4774	4384	68,1	31,9	0	6249	6120	63,4	36,6	0
Пензенская	2715	2499	62,1	37,9	0	5540	5522	59,6	40,4	0
Тульская	2730	2480	23,3	76,7	0	5361	5307	28,3	71,7	0
Московская	4074	2123	39,2	55,5	5,3	4725	4637	29,3	67,1	3,6
Рязанская	3145	2897	44,7	55,3	0	4637	4595	47,1	52,9	0
Саратовская	3278	3283	67,6	28,4	4	4619	4547	66,9	28,5	4,6
Симбирская	1987	1770	11,6	43	45,4	4092	4081	16,5	48,2	35,3

2. Россия. Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. С. 201.

Окончание табл. 1

Губернии	Окладные сборы					Недоимки				
	Всего окладных платежей (тыс. руб.)	Всего выкупных платежей (тыс. руб.)	Баланс выкупных платежей (%)			По всем окладным платежам (тыс. руб.)	По выкупным платежам (тыс. руб.)	Баланс по выкупным платежам (%)		
			Бывшие госуд. крест.	Бывшие помещ. крест.	Бывшие удел. крест.			Бывшие госуд. крест.	Бывшие помещ. крест.	Бывшие удельн. крест.
Оренбургская	885	797	95,1	4,5	0,4	3904	3881	93,1	6,3	0,6
Пермская	3283	3118	81	17,4	1,5	3713	3691	97,9	2	0,1
Курская	4423	4106	68,6	31,4	0	3424	3382	82,2	17,8	0
Уфимская	932	797	69	22,7	8,3	2848	2831	65,5	32,7	1,8
Харьковская	4419	3666	79,4	20,6	0	1985	1942	93,9	6,1	0
Псковская	1143	1051	44,5	55,5	0	1111	1101	35,1	64,9	0
Всего 18 губ. (тыс.руб.)	55930	49605	31237	16462	1906	99645	98654	63053	32024	3577
Всего 18 губ. (%)		100	63	33,2	3,8		100	63,9	32,5	3,6
Доля 18 губ. (%)	49,3	51,3	59,2	40,2	64,3	93,9	95,1	96,2	92,8	98,2
Всего 50 губ. (тыс.руб.)	113448	96731	52774	40991	2966	106133	103707	65548	34517	3642
Всего 50 губ. (%)	100	100	54,6	42,4	3,1	100	100	63,2	33,3	3,5

Расчитано по: Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С.102–113, 117.

«Персонафикация» задолженности сразу делает изучаемую картину намного более ясной и убедительной, нежели абстрактные разговоры о 106 млнруб. крестьянских долгов. Недоимки, как показано в табл. 1, по территории страны распределяются отнюдь неравномерно.

Шесть губерний – Казанская, Самарская, Воронежская, Нижегородская, Орловская и Тамбовская, которые должны были платить 20,2% всех окладных сборов и 21,7% всех выкупных платежей 50-ти губерний Европейской России в 1897 г., сосредоточили соответственно 50,6% и 51,2% недоимок по ним (53,7 и 53,1 млн руб.).

Всего же 18 губерний с задолженностью свыше 1 млн руб., на которые падало 49,3% всех окладных платежей и 51,3% выкупных платежей, сконцентрировали 93,9% и 95,1% недоимок по ним – 99 645 тыс.руб. и 98 654 тыс. руб. соответственно.

Из этого следует, прежде всего, что к остальным 32-м губерниям сказанные слова о «непосильности» податного

бремени прямого отношения не имеют, что важно само по себе.

Данная картина верна не только для 1897 г. Аналогичные таблицы я построил и для каждого из 1897–1901 гг., но здесь нет смысла их приводить. Оклады выкупных платежей почти не меняются, меняется размер недоимок в тех же самых губерниях.

Данные табл. 1 более значительны, чем может показаться на первый взгляд, и демонстрируют актуальность проблем эпохи.

Чрезвычайно характерно, что 16 перечисленных в таблице губерний из 18-ти (исключая Московскую и Харьковскую), получили также львиную долю правительственных ассигнований на продовольственную помощь за 1891–1908 гг. – 430,3 млн руб., т.е. 88,1%,³ И, несмотря на частые и щедрые списания долгов, на эти же 16 губерний падало 80,3% (167,0 млн руб.) из задолженности населения в продовольственные капиталы на 1 января 1912 г., равной 208,1 млн руб.⁴ Характеризуя эти губернии, А.С. Ермолов писал, что общая сумма долгов и разнообразных пособий, получаемых от правительства, «тем больше, чем богаче и плодороднее почва, которую население возделывает, и обратно. Точно также на первом плане тут стоят **губернии с общинной формой землевладения** (выделено мной. – М.Д.)»⁵. Это, во-первых.

Во-вторых, данные табл. 1 демонстрируют эфемерность основания традиционного тезиса о малоземелье как решающем факторе развития крестьянского хозяйства. Положим, наличие в списке главных должников губерний ЦЧР и Средневожских можно трактовать как следствие малоземелья, но о каком же малоземелье можно говорить в Самарской, Уфимской или Оренбургской губерниях?

3. Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Т.2. СПб., 1909. С.7–28.

4. Отчет по продовольственной кампании 1910–1911 гг. Управления сельской продовольственной частью МВД. СПб., 1912. С.102–103.

5. Ермолов А.С. Указ. соч. С.32–33.

В-третьих, попутно девальвируется не менее популярный стереотип о прямой связи между размерами наделов и уровнем жизни отдельных категорий крестьянства, пропагандисты которого, как, например, С.А. Нефедов, и сегодня (с определенной долей невежества) считают, исходя из условий освобождения, государственных крестьян благополучными, а помещичьих — бедствующими⁶.

В табл. 1 показано, что в 11-ти из 18-ти губерний-должниц доля государственных крестьян и в окладе, и в недоимках превышает 60% (в Пензенской губернии — 59,6%). Государственные крестьяне накопили заметно большую долю недоимок в сравнении с окладом в Курской, Орловской, Пермской, Харьковской губерниях, а помещичьи — в Московской и Псковской. В остальных губерниях балансы оклада и недоимок в общем совпадают.

Что же мешало крестьянам, например, в Самарской губернии с гигантскими пореформенными наделами — иногда 15 дес., т.е. 1,5 кв. км на душу (!), вести нормальное хозяйство?

Впрочем, из того факта, что доля государственных крестьян в окладе составляет 54,6%, а в недоимках 63,2%, я не берусь утверждать, что они работали хуже помещичьих. Данная проблема пока изучена мало. А вот как они, всегда платившие меньше помещичьих крестьян, *восприняли* уравнившее их с ними в этом отношении введение обязательного выкупа — это любопытный вопрос, на который пока ясного ответа нет.

Полагаю, что своего рода положительным является тот факт, что девятой в списке должников в табл. 1 с немаленькой суммой в 4,6 млн руб. стоит Московская губерния.

Это своего рода сюрприз.

Ведь Московская губерния, в отличие от «голодающего Поволжья», *ни разу* не просила продовольственной помощи. И вообще мысль о том, что крестьяне Подмосковья,

6. Нефедов С.А. О причинах Русской революции // О причинах Русской революции / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Корогаев, С.Ю. Малков. М.: Изд-во URSS, 2010. С.44–45.

имевшие такие возможности для заработка в крупнейшем городе страны, о которых часто и не мечтали крестьяне других регионов, могут нуждаться – кажется чересчур оригинальной. Между тем неплатежей они, имея оклад в 2,1 млн руб., накопили больше не только, чем крестьяне Симбирской, Оренбургской, Уфимской и Псковской губерний с окладом в 0,8–1,8 млн руб., но и чем крестьяне Рязанской, Саратовской, Пермской, Курской и Харьковской губерний с окладом в 2,9–4,1 млн руб.

Ответ на этот вопрос, полагаю, отчасти дает П.П. Дюшен, чей анализ крестьянских хозяйств семи волостей Бронницкого уезда Московской губернии вполне можно считать своего рода лабораторной работой на тему «Община и крестьянское хозяйство»⁷. Дюшен использовал материалы неопубликованного земского обследования.

Четыре волости (Салтыковская, Троице-Лобановская, Рождественская и Жирошкинская) представляли западную и отчасти южную часть уезда, именуемую местными жителями «Пальщина», три волости (Быковская, Велинская и Вохринская) располагались широкой полосой по обе стороны Москвы-реки.

Хотя Бронницкий уезд считается малоземельным, на каждого рабочего в первых четырех волостях приходится 5–6 дес., причем в двух селениях – по 12,5 дес.

Этот факт объясняется появлением здесь сельского пролетариата. Число тягловых крестьян не совпадает с числом работников по семейным спискам – из 7 917 рабочих в возрасте 18–60 лет 1 866 чел., или 23,6%, являются безземельными. К ним следует добавить 604 бесхозяйных и 1 326 безлошадных, а всего 3 796 чел. (47,9%). При этом собственно земледелием занимается 1 308 человек, т.е. 16,6% (по волостям этот процент колеблется от 13 до 27).

Дюшен резюмирует: «Итак, общинное землевладение, эта мнимая панацея против пролетариата, не только не

7. П.Д. (Дюшен П.П.) Русский социализм и общинное землевладение. М., 1899.

помешало обезземелению крестьян, но создало его в таких размерах, что более 3/4 народонаселения частью совсем лишилось своих наделов, частью прекратило на них *всякое* хозяйство, или ведет его посредством баб и посторонних работников»⁸.

Оставшиеся наделы значительны, они увеличились в сравнении с Положением 19 февраля 1861 г. потому, что община, обезземелив одних, навалила их наделы на других. Однако площадь действительно культурной земли от этого не увеличилась.

По уставным грамотам в 4-х волостях значилось 24 149 дес. пашни, а в 1894 г. действительно обсеянной пашни оказалось лишь 15 741 дес., т.е. 65,2%. То есть крестьяне обрабатывают лишь две трети прежней пашни и приблизительно половину своего надела. «Другая половина состоит из одичавшей земли: запущенной пашни, кустарника, суходолов и проч. Ясно, что обезземеление крестьян произошло не за счет тех хозяев, которые сохранили свои наделы, так что владение землей для освобожденных крестьян продолжает быть повинностью и до сих пор не сделалось правом»⁹.

Хозяйство крестьян, сохранивших наделы, «представляет безотрадную картину: урожаи главного крестьянского хлеба — ржи — ничтожны, сам друг, сам третей, и своего хлеба хватает лишь на полгода, а у многих и того менее. Причину таких ничтожных урожаев следует приписать, прежде всего, недостатку удобрения»¹⁰. 1 947 лошадных хозяйства имеют в среднем 2,7 головы крупного рогатого скота, чего явно недостаточно для обсеваемой площади в 15 741 дес. в трех полях, или 5 247 дес. в одном поле.

Почему же крестьяне при тысячах десятин запущенной земли не увеличивают поголовье скота? Потому что большинство крестьян в деревне не живет, а хозяйство

8. Там же. С. 91.

9. Там же.

10. Там же. С. 93.

ведут женщины и старики при помощи наемных работников. Число последних составило 392 чел. на 1 308 хозяев, которые пашут сами. Часто в опросных листках встречаются такие ответы: «Бабы летом занимаются крестьянством, а зимой изготовлением пряжи. Мужики живут в разных местах и занимаются разными ремеслами»; «Земля наша неудобна, не стоит того, чтобы ее работать. Без навоза не стоит сеять, но и с навозом родит плохо. Одной землей не прокормишься, без промыслов пришлось бы помирать с голоду».

Три других волости занимают центр уезда. Они расположены по обеим сторонам Москвы-реки, и поэтому здесь есть богатые заливные луга, которые «представляют неисчерпаемое богатство для владельцев. Укосы с этих лугов громадные (свыше 200 пуд. с десятины) и по качеству произрастающих на них злаков дают ценное сено. Неудивительно, что эти луга ежегодно раскупаются нарасхват особыми скупщиками и послужили основанием для образования в этих местностях крупного сенного промысла»¹¹.

Наличие такого ценного фонда не могло не отразиться на отношении крестьян к земле. Если в волостях первой группы крестьяне обрабатывали лишь 45% всей земли и две трети пашни, то в центральной группе, несмотря на большую площадь заливных лугов и прочих покосов, обрабатывается 50% всей земли, а запущенной почти нет вовсе. Крестьяне здесь дорожат землей, о чем говорит факт почти полного отсутствия переделов. Несколько выше в этих волостях доля крестьян, которые пашут сами (24–29%).

Однако и в этом более благополучном районе доминируют те же явления, что и в «Пальщине». Хотя женщины здесь не пашут, но крестьянский пролетариат налицо, пусть и в меньшем размере (25–35% и 50%). Урожаи также ничтожны, заливные же луга многие крестьяне ути-

11. Там же.

лизировать не сами, а продают или сдают в аренду. «Сначала крестьяне сами эксплуатировали свои заливные луга, но полученное сено община немедленно продавала, а деньги пропивала, а так как за крестьянами числились неоплатные недоимки, то вмешалась администрация и заставила общину сдавать луга в аренду. Теперь крестьяне довольны таким порядком и находят его более выгодным для себя. В самом деле, кроме арендных денег, которые поступают в уплату податей, крестьяне много выручают во время покоса, так как скупщики их же нанимают для уборки сена»¹².

Дюшен, который сам был практикующим аграрием, считает, что эта картина типична для всей средней нечерноземной России: «везде более или менее существует то же самое. Не только не образуется прочных крестьянских хозяйств, но крестьяне бросают землю, которая дичает и обращается в неприглядные пустыри. А между тем земледелие в наших промышленных губерниях не только возможно, не только в состоянии прокормить своих пахарей, но может дать им прочное основание для относительного благосостояния»¹³. Нет сомнения в том, что и в крестьянском хозяйстве возможны такие урожаи, которые были получены в имении Дюшена в Звенигородском уезде — ржи сам-13, овса — сам-7, а клевера на старопахотных землях — 350 пуд/дес.

Однако для этого, пишет Дюшен, «необходимо освободить русский народ из той ямы, в которой мы искусственно его держим, закладывая все выходы из нее», т.е. из общины.¹⁴

Хронические недоимки в подобных условиях совершенно естественны.

Главные же выводы автора таковы:

«1) Общинное землевладение несколько не охраняет крестьян от обезземеления, но ускоряет этот процесс. Если

12. Там же. С.94–95.

13. Там же. С. 95.

14. Там же. С. 95–96.

душевой надел в 6 дес. может обеспечить домохозяина при подворном владении, то при общинном и более значительный надел не обеспечивает крестьянина, который рано или поздно бросает землю и, оставаясь номинально владельцем надела, никакого хозяйства на нем не ведет, фактически переходя в класс безземельных и бесхозяйных. Мы видели, что даже при 6 дес. на душу Бронницкие крестьяне имеют хлеба только на полгода;

2) Обезземеление крестьян при общинном землевладении получает крайне уродливую форму. При подворном владении обезземеление некоторой части крестьян влечет за собой укрепление хозяйственной силы остальных домохозяев, к которым переходят наделы обедневших крестьян. При общинном землевладении происходит иной процесс. Обезземеление одних не увеличивает хозяйственной силы других, а возлагает на их плечи лишь новую тягость. Наваленный на него надел домохозяин запускает, так как культура его (т.е. обработка этого надела. — М.Д.) может только увеличить дефицит его собственного хозяйства;

3) Явление свалки и навалки наделов служит прямым доказательством, что общинное землевладение — продукт крепостного права (а не уникальное свидетельство самобытности русской истории. — М.Д.). Сущность крепостного права в том и заключалась, что владение землей было для крестьян повинностью, а не правом. Эту характерную черту отжившего строя наша деревня, благодаря общинному землевладению, сохранила до сих пор. Там, где крестьянин начинает дорожить своей землей, отношения крестьян к земле получают черты подворного, а не общинного владения: переделы совершаются редко или совсем прекращаются, свалка и навалка душ отсутствуют, число обезземеленных уменьшается, и крестьянин явно тяготеет к общинным порядкам;

4) Общинное землевладение является единственным тормозом для образования прочных крестьянских хозяйств. Никакие улучшения, никакой прогресс в крестьянском

хозяйстве в настоящее время невозможны. Это очевидно всякому, кто близко знаком с бытом нашей деревни и лично работал на своей ниве. Хозяин не может работать успешно, если ему свяжут руки, а мирская регламентация распространяется на все его действия... даже на право трудиться в неурочные, по закону мира, дни. Труд общинного домохозяина, в сущности, тот же крепостной труд, только лишенный разумного контроля со стороны заинтересованного в этом труде помещика;

5) Крестьяне говорят: «мир — плохой хозяин; у мира — нет души». Последнее так же справедливо, как и первое. **Всюду замечаемое нравственное одичание крестьян несомненно происходит от разлагающего влияния мирских порядков. Подчиняясь роковой власти, крестьянин внутри своей души не может не признать безобразный мирской приговор правильным и, сознавая свою беспомощность, начинает верить в господство зла** (выделено мной. — М.Д.). Безнравственное влияние мира отражается и на семейных отношениях крестьян: случаи самого недостойного поведения детей по отношению к своим родителям составляют обычное явление в деревне»¹⁵.

Однако мой статистический анализ не закончен.

К интересным результатам приводит поездное исследование величин оклада всех прямых налогов, выкупных платежей и недоимок в 1897 г. и в также неурожайном 1901 г. в указанных 18-ти губерниях. И оклады, и недоимки по уездам одной и той же губернии распределялись неравномерно. В ряде случаев доля уезда в окладе губернии и в недоимках примерно соответствуют друг другу, а иногда — напротив, и размеры этого несоответствия довольно значительны.

Например, Казанская губерния дает несчастный пример относительно равномерного распределения и оклада, и

15. Там же. С. 98–100.

недоимок по уездам. В Орловской губернии, в отличие от Казанской, на Елецкий, Ливенский и Малоархангельский уезды приходилось в сумме 45,6% оклада и 71,7% недоимок в 1897 г. и 71,2% в 1901 г. В остальных уездах, кроме Мценского, доля недоимок ниже доли оклада. Совершенно иная ситуация наблюдается в Харьковской губернии, где из 11-ти уездов 9 практически безнедоимочны. При этом Старобельский уезд, самый большой по территории и самый населенный в Харьковской губернии, на который падало 19,0% оклада – сконцентрировал свыше 80% недоимок и т.д.

Поскольку поуездная концентрация недоимок в отдельных губерниях не была одинаковой, я выделил те уезды, доля которых в недоимках в 1897 г. или 1901 г. составила не менее 10% (с рядом исключений).

Всего в 18-ти губерниях насчитывалось 187 уездов (при анализе данных по Московской губернии я исключил столичный уезд, на который приходился оклад в 2 млн руб.). Для анализа был отобран 71 уезд. Объем статьи не позволяет привести соответствующую таблицу.

Оказалось, что на 71 уезд с суммарным окладом в 25 075 тыс.руб., что составляло 22,1% оклада 50-ти губерний, пришлось 73 940 тыс.руб., т.е. 69,7% всех недоимок по окладным сборам 1897 г., и 84 554 тыс.руб., или 67,6% суммы недоимок 1901 г.

71 уезд – это 14,1% общего их числа в 50-ти губерниях. И, полагаю, намного ближе к истине утверждение, что задолженность была велика в каждом седьмом уезде Европейской России, нежели «почти» в каждой третьей ее губернии.

Это, разумеется, не означает, что в остальных 430 уездах текли молочные реки с соответствующими берегами. Но это означает, что при оценке положения крестьянства пора перестать заниматься демагогией и порочить всю правительственную политику только потому, что она правительственная. Пора перестать при изучении процессов

такого масштаба вводить круговую поруку и делать крестьян остальной России ответственными за долги своих compatriots, уверяя, что неплатежи части крестьян говорят о бедственном положении *всего* крестьянства, как представлялось в бесчисленных оппозиционных текстах и до сих пор делается в работах традиционной историографии.

Главный вопрос, тем не менее, заключается в том, почему в 71 уезде, на которые падает чуть больше пятой части оклада 50-ти губерний по выкупным платежам, сосредоточено более двух третей недоимок по ним?

За ответом, полагаю, следует обратиться к Н.К. Брже-скому, автору самых серьезных работ по данной тематике, на статистические данные которого ссылаются в цитируемой статье в Брокгаузе и Ефроне.

Этот ответ, замечу сразу, с привычной народнической трактовкой проблемы недоимок общего имеет не больше, чем дьяк Крякутный с историей российского воздухопла-вания.

Уже на *первой* странице Введения своей монографии Брже-ский дает совершенно иную интерпретацию явному парадоксу, когда, несмотря на уменьшение суммы взимаемых правительством налогов, недоимки продолжают расти. Если проследить динамику государственных окладных сборов по пятилетиям с 1861 по 1896 гг., отмечает он, то окажется, что задолженность крестьянства росла безостановочно, невзирая на экономическую конъюнктуру. Удивительно при этом, что *чем меньший* размер платежей устанавливало государство, *тем хуже шло их поступление* в казну, тем больше становились недоимки.

Брже-ский пишет: «Если бы в росте податной задолженности сельских обществ видеть доказательство идущего соответственно такому росту упадка народного благосостояния, то следует придти к довольно неожиданному заключению, будто понижение выкупных платежей, отмена подушной подати и соляного налога, а равно сложение

с крестьян многомиллионных недоимок по манифестам 1880 и 1883 гг. (47 млн руб. — М.Д.), — все благотворительные меры первой половины 80-х годов не привели ни к чему другому, как к ослаблению платежных сил сельского населения, так как оно во второй половине 80-х годов стало еще менее исправным в отбывании повинностей, чем было в эпоху обременительных платежей¹⁶. К этому нужно добавить, что нигде в мире, считает Бржеский, податные льготы в административном порядке не предоставлялись населению так широко, как в России.¹⁷

Если что и является «вполне доказанным», продолжает автор, то это факт накопления крестьянских недоимок «безотносительно и к хозяйственным условиям отдельных платежных единиц, и к податной тяготе, которая теперь отнюдь не сильнее, чем это было в эпоху крепостного права, когда недоимки составляли лишь несколько более 2% оклада»¹⁸.

Из этого следует совершенно логичный вывод о том, что «существует некая общая причина, обуславливающая у нас непрерывный рост податной задолженности сельских обществ и явившаяся вместе с крестьянской реформой»¹⁹.

Эта общая причина — принципиальное несовершенство созданной в 1861 г. податной системы. Подробный ее анализ в рамках этого текста невозможен. Сейчас важно указать на следующие аспекты проблемы.

Бржеский «оживляет» данные табл. 1 и результаты поуездного анализа: «Рассматривая данные о податной задолженности крестьянского населения в любом из уездов Европейской России, невольно поражаешься значительны-

16. Бржеский Н.К. Недоимочность и круговая порука сельских обществ. Историко-критический обзор действующего законодательства в связи с практикою крестьянского податного дела. СПб., 1897. С.1—II.

17. Там же. С. 397.

18. Там же. С. II.

19. Там же.

ми колебаниями размера недоимочности по волостям и отдельным сельским обществам в пределах одной и той же волости, находящимся в заведомо одинаковых хозяйственных условиях. Сплошь и рядом встречаются селения, не только не обремененные недоимками, но даже совершенно от них свободные, наряду с такими, задолженность которых достигает 5,6 и даже более годовых окладов, причем напрасно было бы на почве экономических условий искать разгадку этого явления.

Нередки случаи, когда в одном сельском обществе крестьяне пользуются значительным достатком, имеют хорошие наделы или прибыльные заработки на стороне, и тем не менее недоимка в этом обществе достигает значительных размеров, а крестьяне другого общества с трудом перебиваются на неурожайной земле, имеют малые наделы, не ходят в отхожие заработки и, однако, исправно выполняют свои податные обязанности перед правительством. Указанные явления настолько заурядны и общеизвестны, что нет даже надобности иллюстрировать их подходящими примерами.

Действительно, при существующей постановке податного дела в сельских обществах недоимочность отнюдь не служит доказательством хозяйственного слабосилия плательщиков, а исправное пополнение оклада и отсутствие податной задолженности вовсе не свидетельствует о хозяйственном достатке крестьян и соразмерности платежей с доходностью надела»²⁰.

Это мнение, разительно противоречащее выводам всей оппозиционной литературы, делает вопрос о причинах недоимок еще более интригующим.

Несомненно, что нормальному ходу податного дела препятствовали некоторые объективные трудности, связанные с спецификой расселения крестьян в разных регионах и размерами волостей — чем многочисленнее селения и боль-

20. Там же. С. 218–219.

ше территория волости, тем труднее было собирать в них подати.

Однако коренная причина неблагоприятной ситуации в податном деле заключалась, повторю, в созданной Положениями 19 февраля 1861 г. системе, призванной обеспечивать исправное поступление крестьянских платежей, которая «представляла собою совершенный тип круговой поруки».

Деятельность Редакционных комиссий в этой сфере Бржеский оценивает как «весьма несовершенную», поскольку она не слишком органично соединила «разнообразные, нередко противоположные течения, которые были в среде деятелей крестьянской реформы»²¹.

С одной стороны, у них «сильна была заботливость об ограждении денежных интересов как поместного сословия, которое с освобождением крестьян становилось в совершенно новые условия хозяйственного быта, так и казны; отсюда — круговое ручательство крестьян в исправном отбывании повинностей даже при отсутствии общинного землепользования, и целая система понудительных мер взыскания, проникнутых духом крепостничества с преобладанием личной ответственности недоимщика перед имущественной, с полным подчинением его благоусмотрению мира, перед действиями которого в земельно-податном деле он оставался беззащитным.

С другой стороны, среди реформаторов были люди, идеализировавшие крестьянскую общину, полагавшие, что достаточно отменить крепостное право, чтобы крестьянин сумел воспользоваться благами широкого самоуправления, чтобы «мир» разумно и справедливо управлял хозяйственными общественными делами, чтобы крестьянские должностные лица заботливо относились к выполнению своих обязанностей как вообще, так, в частности, по наблюдению податного дела.

21. Там же. С. 376.

Отсюда те широкие основы самоуправления, которые намечены Положениями 19 февраля; основы, нисколько не согласованные с развитием народной массы, только что вышедшей из векового рабства, отвыкнувшей от понимания прав личности и частной собственности, невежественной настолько, что (и) теперь, спустя 35 лет после реформы, большинство даже должностных лиц крестьянского управления безграмотны»²².

Из этого общинного романтизма вытекало нежелание Редакционных комиссий регламентировать быт пореформенного крестьянства, в том числе и предоставление сходам полной самостоятельности в податном деле, закончившееся полным провалом.

Русская деревня середины XIX в. была достаточно замкнутым и в большой мере патриархальным образованием, в котором «старики» были авторитетны как носители житейского опыта и народных обычаев. Сходы блюли обычай в области имущественно-правовых отношений крестьян, и круг дел, которым они ведали, был связан с общественным хозяйством и невелик по объему. Поскольку не было круговой поруки, сходы не могли наносить ущерб ничьим материальным интересам, да и близкая власть помещика охраняла отдельных крестьян от произвола большинства.

Редакционные комиссии пришли к выводу, что после 19 февраля 1861 г. сходы должны стать центральными органами крестьянского самоуправления, собранием, где будет обсуждаться и разрешаться *весь* комплекс проблем данного конкретного общества. Все хозяйственные дела сход отныне решал по своему усмотрению, и правительственные органы в его распоряжения по существу вмешиваться не могли, они были вправе лишь отменять приговоры схода, составленные с формальными нарушениями.

В итоге сходы получили объем компетенции, который не имел прецедентов не только в дореформенной России.

22. Там же. С. 376–377.

По мнению Бржеского, даже «в странах с весьма развитым самоуправлением местных союзов нет органа самоуправления, которому предоставлены были бы столь обширные права и столь широкий круг ведомства, как это сделано в Положениях 19 февраля 1861 г. относительно сельского схода»²³.

Помимо прочего, сход стал полным распорядителем общинной земли, который проводил и первоначальную разверстку земли между членами общества, и все последующие ее переделы, причем не только в смысле периодического ее переверстания между членами общества, но и в плане оперативной скидки и накидки тягол. Круговая порука сделала сельское общество полностью самостоятельным в податном деле. Оно разверстывало подати и собирало их, взыскивало недоимку или раскладывало ее на остальных членов общества, вносило деньги в казначейство, определяло порядок счетоводства и отчетности. Все это, в сочетании со своеобразным дистанцированием правительства от постоянного контроля за податным делом, привело к негативным результатам.

Романтическим надеждам Редакционных комиссий на то, что сходы останутся справедливыми хранителями заветного обычая, о котором реформаторы, а часто и сами крестьяне, имели, надо сказать, весьма смутное представление, не было дано осуществиться. Члены Комиссий не до конца понимали, что создаваемое ими крестьянское самоуправление и те способы, какими они думали гарантировать исправное поступление в казну платежей, мало соответствовали интеллектуальному и правовому развитию миллионов вчерашних крепостных. И уж тем более, реформаторы не задумывались о том, как эта система управления будет функционировать в дальнейшем.

Жизнь очень быстро внесла коррективы в ту патриархальную картину, из которой исходили Комиссии.

23. Там же. С. 228.

В десятках тысяч обществ она быстро деформировалась, прежде всего, потому, что крестьяне весьма активно включились в начавшуюся модернизацию страны. Большинство сходов постепенно перестало быть носителями народно-правовых обычаев. «Случайно образовавшееся большинство», которое господствовало на них, руководствовалось при разрешении подведомственных сходу дел вовсе не обычаями.

Основные требования любой разумно организованной податной системы состоят в том, что законом точно определяются – сумма налога, основания раскладки налога и способы ее обжалования, время взимания и ответственность за несвоевременный платеж.

Крестьянское податное дело этим критериям не соответствовало.

Изъяны созданной в 1861 г. податной системы особенно ясно выступают при сопоставлении ее с теми порядками, которые были установлены для государственных крестьян законом 28 ноября 1833 г., который И.Х. Озеров называет «кульминационным пунктом» в истории круговой поруки в России²⁴.

У государственных крестьян **буквально все** аспекты податного дела были подробно регламентированы законом, причем права и обязанности сельского схода и должностных лиц сельского и волостного управления были строго разграничены.

У помещичьих крестьян закон не устанавливал никаких правил по раскладке и сбору повинностей – и то, и другое было попросту отнесено к обязанностям сельского схода, который должен был также принимать «меры к предупреждению и взысканию недоимок», а права и обязанности сельского старосты и волостного старшины по податной части были совершенно идентичны, что часто порождало безответственность у обоих.

24. Озеров И.Х. Основы финансовой науки. М.: ЮрИнформ-Пресс, 2008. С. 151–152.

Равным образом закон тщательно и подробно устанавливал порядок ведения податного счетоводства и отчетности у государственных крестьян, который неукоснительно контролировался палатой государственных имуществ.

У помещичьих же крестьян порядок счетоводства и хранения собранных сумм определялся самим обществом, равно как и порядок контроля за действиями старосты и/или сборщика податей в отношении собранных ими денег; никакому постороннему «вышестоящему» контролю эта сфера деятельности общества не подвергалась.

Все платежи государственных крестьян — казенные, земские и мирские — производились по одним и тем же правилам, причем порядок распределения поступающих от плательщиков взносов между отдельными видами повинностей был установлен в законе.

У помещичьих крестьян картина была ровно обратной. Выкупные платежи, регулируемые особыми правилами, находились под наблюдением мировых посредников, а за взыскание казенных податей и недоимок отвечала полиция. Земскими сборами ведали земские учреждения, а взыскание также производилось полицией. Мирские сборы находились в исключительном ведении органов крестьянского самоуправления. При этом точных правил для распределения поступающих от плательщиков денег между разными видами повинностей не было, что естественным образом провоцировало произвол со стороны причастных к податному делу должностных лиц — как крестьянских, так и правительственных. Замена мировых посредников в 1874 г. присутствиями по крестьянским делам, введение института земских начальников реально ситуацию не изменили.

У государственных крестьян правительственный надзор за податным делом был полностью в руках окружного начальника, подчинявшегося палате государственных имуществ, который и отвечал за успешное поступление крестьянских платежей.

У бывших помещичьих крестьян надзорные функции, а равно и ответственность за поступление податей, были раздроблены между должностными лицами крестьянского управления, мировыми посредниками и полицией, позже земскими начальниками и податными инспекторами. При этом несогласованность прав и обязанностей полиции и мировых посредников, как и всегда в таких случаях, нередко приводила к конфликтам между ними. Это в свою очередь давало крестьянам свободу маневра между двумя «начальствами», т.е. возможность не платить вовремя.

За платежами бывших помещичьих крестьян формально наблюдала казенная палата, которая, однако, не имела права самостоятельного распоряжения, в силу чего она сосредоточивалась исключительно на переписке с органами, ей не подведомственными и не подчиненными.

Строгий правительственный контроль за податным делом у государственных крестьян был нацелен на своевременную выборку текущего оклада платежей, что успешно препятствовало образованию и накоплению недоимок.

У бывших помещичьих крестьян деятельность мировых посредников и полиции концентрировалась почти полностью на взыскании недоимок²⁵.

Столь серьезные различия были следствием **принципиально** разных подходов правительства к постановке податного дела у государственных и помещичьих крестьян.

В обоих случаях круговая порука должна была обеспечить исправное поступление платежей. Однако по отношению к государственным крестьянам эта задача рассматривалась как сугубо фискальная. При этом правительство, понимая ситуацию в комплексе, чувствуя, так сказать, «аудиторию», приняло все меры для максимального облегчения тяжести применения круговой поруки и даже для устранения самой возможности этой акции. Сделано это было путем «правильной постановки всех сторон крестьян-

25. Бржеский Н.К. Указ. соч. С. 377–379.

ского податного дела на почву законодательной регламентации, обеспечивавшей интересы как сельских обществ, так и отдельных плательщиков»²⁶.

А в отношении бывших помещичьих крестьян **«круговая порука рассматривалась как право сельских обществ, вытекающее будто бы из самой сущности общинного землепользования** (выделено мной. — М.Д.); во имя этого права правительство воздерживалось от всякого вмешательства во внутренние земельно-податные распорядки сельских обществ»²⁷.

Такова была степень воздействия общинного романтизма на реформаторов, из идейных соображений проигнорировавших позитивный опыт реформы Киселева.

На практике, пишет Бржеский, совершенно обычной была ситуация, когда сумма сборов, которую должны были платить домохозяева, зависела «исключительно от благоусмотрения сельских властей и полиции, от большей или меньшей напряженности взыскания», и «в сущности никто из домохозяев не знал заранее, сколько с него потребуют в уплату повинностей»²⁸.

Многочисленные случаи нарушения интересов отдельных плательщиков при раскладке обычно оставались без обжалования, поскольку тягаться с миром крестьянам было «себе дороже» в виду слишком сильной зависимости от него. К тому же закон обходил молчанием способы такого обжалования. Земский начальник с 1889 г. мог отменять общественные приговоры, составленные с нарушением интересов отдельных лиц, но лишь по жалобе потерпевших, а жаловаться осмеливались немногие.

К тому же приговоры о раскладке податей далеко не всегда и не везде составлялись в письменном виде, что способствовало злоупотреблениям должностных лиц, равно как и запутанность и беспорядочность податного счетоводства,

26. Там же. С. 379.

27. Там же, С. 379

28. Там же. С. 411.

вытекавшая из разновременности раскладок по казенным, земским и мирским сборам.

Закон устанавливал срок, начиная с которого полиция обязана была приступить ко взысканию. Однако срок для сбора податей внутри самих обществ определен не был, а там где имелись специально установленные сроки, за точным их выполнением никто не следил и они, соответственно, не соблюдались. Сельские власти, склонные, как правило, давать поблажки плательщикам, не выбирали податей, пока этого не требовала полиция. А как только полиция начинала действовать, в ход шли самые крутые меры взыскания.

Крестьяне отвечали за подати и недоимки не только имуществом и землей, но и своей личностью — недоимщика можно было отдать в заработки и подвергнуть телесному наказанию. Предел взыскания недоимок в законе указан не был, а установленная в нем градация применения принудительных мер не соблюдалась. Полиция могла продать за недоимку имущество крестьян по тем описям, которые утверждали крестьянские учреждения. Однако продажи, производимые самими сельскими обществами, ничем не лимитировались, и, таким образом, общество само, не отвечая по круговой поруке перед казной, могло безнаказанно разорить любого из своих сочленов-недоимщиков²⁹.

Уже это показывает, насколько далеко разошлась действительность с планами Редакционных Комиссий, и причиной тому была не только круговая порука.

Ведь она, строго говоря, имеет исторически обусловленный характер. Круговая порука «есть признак и следствие малого развития финансовой техники, когда у центральной власти, так сказать, руки коротки, и эта власть останавливается перед стенами средневекового города в Германии и перед общиной у нас»³⁰. Она соответствует самой первой фазе взимания налогов, когда «финансовая

29. Там же. С. 411–412.

30. Озеров И.Х. Указ. соч. С. 140.

техника государства мало развита, и государство поручает весь сбор естественному или искусственному, образованному им союзу — городу или общине под круговой порукой, а само определяет только общую сумму, которую требует от союза. Круговая порука тогда нужна как государству, так и общине: государству, чтобы обеспечить себе доходы; общине, чтобы защитить себя от произвола государственных чиновников»³¹.

Ее минусы были очевидны всегда: «Уже в 1767 году граф Воронцов говорил по поводу круговой поруки: «Обыкновенно у нас ныне прямые хлебопашцы многим отягощаются перед ленивцами, что весьма несправедливо и со вредом великим, как то: когда бедные или, справедливо назвать, ленивые, не заплатят государственную подать или владельческую, то оную собирают с исправных и тем самым добрые поселяне огорчаются, а ленивым дают повод больше лениться»³².

В своих худших вариантах круговая порука **лишает людей уверенности в том, что они могут сохранить результаты своего труда**, а это в свою очередь негативно влияет на инициативу и предприимчивость работников, на элементарное желание трудиться, свойственное весьма многим людям, и, в конечном счете, тормозит рост благосостояния населения.

Вместе с тем ее нельзя рассматривать как «абсолютное зло». Изложенный выше пример государственных крестьян наглядно демонстрирует, что при должной постановке податного дела ее отрицательное воздействие может минимизироваться.

Однако возникшее после 1861 г. явление круговой поруки в тех конкретных условиях организации социального общежития десятков миллионов крестьян оказалась для них постоянным дестабилизирующим и деструктивным фактором жизнедеятельности.

31. Там же. С. 144.

32. Там же. С. 156.

С усилением имущественной дифференциации после 1861 г. общие недостатки круговой поруки увеличились и, соответственно, возросло число злоупотреблений: «Круговая порука в самом обществе является отличным средством для всякого рода прижимок со стороны исправных и достаточных домохозяев — беднейшей части однообщественников. Под предлогом круговой поруки менее исправные домохозяева получают нередко менее того количества земли, на которое они имеют право; вдовы, с малолетками или юношами сыновьями, почти всегда обижены при разделе земли; земля лучших качеств тоже достается более зажиточным крестьянам. При возражении со стороны обиженных слышится всегда один и тот же ответ: «ты недоимщик слабосильный, а мы за тебя плати подати и отбывай повинности», после чего обиженный молчит, хотя на самом деле его же, обиженного, в первую голову нарядают для исполнения какой-либо натуральной повинности, а недоимки и текущие платежи взыщут, если возможно, с него же, не уплатив ни одного гроша за обиженного землей при разделе ее по домохозяевам»³³. Примерами такого рода полны труды Совецания С.Ю. Витте.

Закон не регламентировал точно, кто имеет право участвовать в деятельности схода, в силу чего во множестве селений перевес получили «наиболее вредные элементы» общества», которые стали использовать сход в своих целях и захватили в свои руки все мирское хозяйство. Именно этим объяснялись многие «беспорядки в сельском управлении, выбор на общественные должности людей слабых и неспособных, санкционирование неправильных мирских расходов (на вино), нарушение прав отдельных членов общества, преимущественно беднейших»³⁴.

В течение всего пореформенного времени в десятках источников самого разного происхождения говорилось о капитальном ухудшении качественного состава сходов, во

33. Бржеский Н.К. Указ. соч. С. 412.

34. Там же. С. 229.

многом связанном с начавшейся имущественной дифференциацией крестьянства.

Уже в 1873 г. Комиссия Валуева фиксирует значительные недостатки в работе органов крестьянского самоуправления. В частности, в докладе Комиссии указывается на частые неправильные и несправедливые приговоры сельских сходов, «которые не ограничены никаким законом и которыми часто руководит один произвол. Дела на сходах решают не лучшие и добропорядочные хозяева, а те, которые чаще принадлежат к худшим людям в селениях. Хозяева, которые ведут дурно и распущенно свое хозяйство, которые не платят государственных и общественных повинностей, заставляя за себя платить других, являются главными деятелями и решителями на сельских сходах, направляя эти решения в ущерб домовитых и заботливых хозяев. Сельские и волостные сходы редко обходятся без попоек и даже отправление правосудия в волостных судах сопровождается вином»³⁵.

В дальнейшем ситуация только ухудшалась. В начале 1880-х гг. сенатор Мордвинов после ревизии Воронежской и Тамбовской губерний отмечал: «Крестьянское самоуправление находится в полном распадении повсеместно... Сельские и волостные сходы, составляющие по Положению 19 февраля 1861 г. краеугольный камень крестьянского самоуправления, потеряли всякое значение; собираемые из людей, соединяющихся под условием угощения водкой, эти сходы служат только орудием писаря или другого влиятельного лица в обществе для достижения противозаконных целей... Во многих селениях дошло до того, что сход без угощения определенным количеством водки не составляет приговор, например, о приеме крестьянина, отбывшего наказание, и, напротив того, за несколько ведер водки отбирает у недоимщика землю и отдает ее в аренду за ничтожную плату...

35. Там же. С. 230.

Таким образом, встречая в сельском и волостном своем начальстве или совершенное бездействие и бессилие, или — в лице волостного старшины и писаря — произвол и притеснения; на сельских и волостных сходах односельцев, равнодушных к общему благу... или, напротив того, шумную толпу людей, закупленных угощением; в волостном суде лицепрятание по тем же побуждениям, а в уездном присутствии чисто формальное и поверхностное отношение к его правам и нуждам, крестьянин не находит защиты против притеснения сильного, как своего односельца, так и начальства в разных его видах, **и должен окончательно потерять веру в правосудие** (выделено мной. — М.Д.), в правительство и в представленное ему Положением 19 февраля 1861 г. самоуправление, к которому он при этом может сделаться неспособным»³⁶.

Эти мысли в разных вариациях повторяются затем в различных правительственных документах и во множестве мемуаров современников. Так, МВД, обосновывая в Госсовете необходимость введения института земских начальников в 1887 г., указывает: «Волостные и сельские сходы, которым обычай и закон вверяют охрану интересов самоуправляющихся крестьянских обществ и контроль над выборными должностными лицами, обратились почти везде в послушные орудия мироедов, кулаков и кабатчиков. Лучшие элементы крестьянства утратили в борьбе с означенными выше лицами всякое влияние на крестьянскую среду. Мироеды и кулаки, опираясь на многочисленную категорию обедневших и задолжавших им крестьян, которых они держат в тяжелой экономической зависимости, являются, хотя и не всегда открыто, действительными руководителями всех решений общественных сходов, назначают и сменяют по своему усмотрению выборных должностных лиц, покрывают злоупотребления сих последних и, при их содействии, устраива-

36. Там же. С. 230–231.

ют свои личные дела, нередко в ущерб интересам целого общества... »³⁷

«На сходах, — резюмирует эти отзывы Б.Н. Чичерин, — господствуют горланы и мироеды, в должности выбираются люди, совершенно к ним непригодные, права не обеспечены, твердых правил нет, многое совершается вопреки закону. Решения случайны и произвольны, нередко они происходят под влиянием попойки и т.д.»³⁸.

Бржеский считает, что деятельность сходов целесообразна (с оговорками) только в плане раскладки сборов, поскольку она базировалась на разверстке земли. В остальных же аспектах податного дела сходы в массе оказались совершенно несостоятельными.

Так, «предупреждать накопление недоимок возможно одним лишь путем внимательного и постоянного наблюдения за состоянием платежных средств каждого отдельного плательщика и улавливанием для податного платежа тех мелких денежных получек, из которых составляется доходный бюджет каждого домохозяйства»³⁹, но подобного рода деятельность в принципе была не по силам сходу.

Равным образом невыполнимой для такого «местами многолюдного, но всюду неорганизованного собрания людей» как сход, оказалась задача эффективной организации счетоводства, хранения и расходования податных сумм, а также контроля за деятельностью должностных лиц: «Деньги всюду хранятся у сборщика или у старосты и расходуются последними без всякой определенной отчетности; производство же учетов затруднено не только многолюдством и беспорядочностью сходов, но и слабым распространением грамотности не только среди участников схода, но даже среди должностных лиц крестьянского управления»⁴⁰. В 1890-х гг. крестьяне стали чаще обращаться «к податным

37. Там же. С. 231.

38. Озеров И.Х. Указ. соч. С. 158–159.

39. Там же. С. 239.

40. Там же.

инспекторам и земским начальникам за участием и руководством на учетных сходах, но практика показывает, что и эти должностные лица встречают немаловажные затруднения при производстве учетов, крайне беспорядочного состояния податного счетоводства в сельских обществах»⁴¹.

Что касается взыскания недоимок, то здесь ситуация была просто удручающей. Если сумма долгов была значительной, то сходам, состоящим из недоимщиков, «оставалось или поочередно разорять друг друга во имя круговой ответственности, или относиться совершенно безразлично к дальнейшему накоплению недоимок со стороны членов общества. Практика свидетельствует о том, что принимая в отношении недоимщиков ту или другую меру взыскания, сход по общему правилу действует не собственному почину, а лишь под давлением властей, грозящих в противном случае прибегнуть к применению круговой поруки.

Безответственность мира в данном случае оказывается выгодной и для полиции, и для сельских властей; неохотно прибегая к принудительным продажам движимости, хлопотливым и ответственным, полиция всегда предпочитает воздействовать на должностных лиц крестьянского управления, те в свою очередь воздействуют на мир, который, не стесняясь никакими правилами, не производя никаких описей, продает последнюю движимость недоимщика и безнаказанно вконец разоряет своих беднейших односельчан»⁴². Непременный член Рязанского губернского присутствия Протасьев констатировал: **«Если бы представитель полиции при принудительном взыскании допустил десятую долю того произвола и того разорения, которое у всех на глазах допускается самодеятельным миром, то для такого полицейского чина не нашли бы подходящей скамьи подсудимого, а мужицкий «мир» творит все это безнаказанно (выделено мной. — М.Д.)»**⁴³.

41. Бржеский Н.К. Указ. соч. С.239–240.

42. Там же.

43. Там же. С. 240.

Сходы непосредственно участвовали в применении крайней меры взыскания недоимок — отобрании надела. Этот процесс заметно усилился после отмены подушной подати и понижения выкупных платежей. В начале 1890-х гг. губернаторы сообщали МВД о многочисленных фактах отобрания надела у «отдельных преимущественно беднейших членов обществ по проискам богатых домохозяев, нередко за водку».

После введения закона 8 июня 1893 г. о переделах сходы стали реже отбирать наделы за недоимки, однако чаще стала встречаться сдача наделов в аренду самими должниками под давлением сходов, крестьянских должностных лиц, а нередко земских начальников и полиции. Так, в 1894 г. в Рязанской губернии зафиксирован 12 281 (!) случай отдачи отдельными домохозяевами своих наделов в аренду. Это значит, что лишь за один год и только в одной губернии свыше 12 тыс. домохозяев оказались неспособны к отбыванию повинностей и превратились в безземельных пролетариев. Аналогичные явления наблюдались и в других местностях Европейской России⁴⁴.

Недоимок, как показывал опыт государственных крестьян, могло не быть, но в пореформенной общине при существующих порядках они были неизбежны: «Податное дело требует постоянного заботливого наблюдения, доступного отдельным лицам, но не толпе; податные дела слишком близко касаются материальных интересов каждого отдельного плательщика, чтобы можно было предоставить последнего на усмотрение сходов, склонных нередко руководствоваться своекорыстными побуждениями мирских воротил; здесь место не безответной толпе, но ответственным должностным лицам»⁴⁵.

Неэффективность закона усугублялась тем, что он позволял крестьянским должностным лицам, прикрыва-

44. Там же. С. 242–243.

45. Там же. С. 243–244.

ясь безответственностью сходов, принимать разорительные меры взыскания в своих корыстных целях.

По закону должности сельского старосты и волостного старшины были видными и влиятельными. Обширному кругу их обязанностей соответствовал значительный объем предоставленных прав. Однако их реальный статус после 19 февраля 1861 г. заметно отличался от задуманного реформаторами.

В результате Великих реформ должность волостного старшины некоторым образом приобрела общегосударственный характер, что отодвинуло на периферию его сословные обязанности, которые считались главными в 1861 г. Волостной старшина, который задумывался как хозяин волости и защитник мирских интересов, превратился в исполнителя распоряжений и предписаний всех министерств и ведомств, находящегося в постоянном временном цейтноте, особенно если волость была велика. К тому же он попал в «тяжкую зависимость от полиции», в силу чего куда важнее забот о благосостоянии волости, о надлежащем ходе дел в сельских обществах стали заботы о принятии мер ко взысканию недоимок. То же относилось, разумеется, и к сельским старостам, на которых в свою очередь давили уже волостные старшины.

Подобная ситуация не только затрудняла служебную деятельность этих должностных лиц, но и умаляла их авторитет в глазах населения, которым они управляли, поскольку они были вынуждены прибегать к самым жестким мерам для взыскания податей и недоимок со своих избирателей. В противном случае полиция могла их оштрафовать, арестовать и даже отстранить от должности. Это плохо коррелировало с престижем и почетом.

Полиция, надо сказать, пользовалась своими правами отнюдь не точно. Так, в одной только Симбирской губернии, где числились 151 волостной старшина и 2 239 сельских старост, за время с 1 сентября 1890 г. по 1 января 1895 г. были устранены от должности 96 старшин (63,6%)

и 672 старосты (30,0%), а награждены 25 старшин (16,6%) и 2 старосты (0,09%). За 1894 г. административным взысканиям подверглись 281 старшина и 970 старост⁴⁶.

Стоит заметить, что арест (от трех до семи дней) старшины и старосты отбывали в арестантских помещениях при квартирах станowych приставов в изысканном обществе воров, конокрадов и других преступников, и ясно, что уже одно это отвращало наиболее уважаемых и уважающих себя крестьян от избрания на общественные должности.

Во многом отсюда — «крайнее» качественное ухудшение состава крестьянских должностных лиц, отмеченное уже Комиссией Валуева, а затем сенаторскими ревизиями начала 1880-х гг., земскими собраниями, Министерством финансов и т.д.

МВД в 1887 г. так охарактеризовало сельское самоуправление: «Растраты общественных сумм, превышение и бездействие власти, явные насилия и произвол, неисполнение закона, лихоимство и другие преступления и проступки по должности сделались в течение последнего десятилетия (1875–1885) обычным явлением в среде как волостных старшин и сельских старост, так и других должностных лиц крестьянского общественного управления». Так, например, «в одной из Юго-Восточных губерний с 1875 по 1880 г. привлечено было к ответственности 720 сельских должностных лиц за растрату в общем итоге 227 тыс. руб.»⁴⁷. Неудовлетворительность состава крестьянских должностных лиц, как отмечает Бржеский, наблюдается почти повсеместно и в 1890-е гг. Сельские власти из органов, «поставленных на страже интересов крестьянского самоуправления... превратились в зависимых от полиции взыскателей подати, энергия которых находится в прямой зависимости от воздействия полицейского начальства, так как других побуждений к надлежащему ведению дела не имеется... Деятельность сельских властей по сбору податей к тому же

46. Там же. С. 248.

47. Там же. С. 149.

оценивается полицией весьма своеобразно: штрафы, аресты и другие взыскания налагаются в большинстве случаев даже без проверки на месте..на основании лишь общей цифры поступлений, признаваемой недостаточной»⁴⁸.

Сходам нужны были не достойные, а относительно нетребовательные должностные лица. Однако чем слабее шло поступление сборов и пополнение недоимок, тем чаще полиция подвергала сельское и волостное начальство взысканиям.

И тут возникала большая житейская проблема, потому что хотя крестьянские должностные лица находились в прямой и малоприятной зависимости от полиции, но их зависимость от сходов была еще сильнее.

Бржеский отмечает: «Сельский староста и волостной старшина, который настоятельно и строго требует выполнения крестьянами их податных обязанностей, нередко считается обществом за врага, сход уменьшает ему содержание, выживает из должности и даже впоследствии продолжает мстить ему, обделяя землей и лесом, притесняя пастбищем, нанося всякие обиды и оскорбления. Понятно, что ввиду такого возмездия со стороны однообщественников должностные лица предпочитают нести всякие наказания за свои служебные упущения и нарушения закона со стороны общих властей, лишь бы не восстанавливать против себя крестьян, тем более, что известны случаи даже назначения обществами особого денежного вознаграждения старшинам, которые были подвергнуты взысканиям за нерадение по службе»⁴⁹.

Исходя из вышеизложенного, понятно, почему источники фиксируют в разных регионах явное нежелание должностных лиц проявлять настойчивость при взыскании недоимок.

Крестьяне считали вполне возможным уплачивать подати частями в течение года, но следить и

48. Там же. С. 249.

49. Там же. С. 250.

заботиться об этом могли только сельские власти. Однако эти власти не торопились с требованиями, пока данным вопросом не начинала интересоваться полиция, а это происходило, как правило, после уборки хлебов. Таким образом, вследствие бездействия старост и старшин в течение первых двух третей года постепенно, как бы сам собой, «установился обычай откладывать уплату податей до осени, играющий немаловажную роль в накоплении недоимок»⁵⁰.

В Пермской губернии волостные старшины стараются избегать применения крайних мер взыскания, в особенности по отношению к состоятельным домохозяевам. Волостные старшины в башкирских волостях Орского уезда Оренбургской губернии, которые тратили иногда до 1,5–2 тыс. руб. на свое избрание, «в расчете с лихвою вернуть все поборами, преимущественно с переселенцев, проживающих в волостях, заняты прежде всего устройством своих частных дел и не заботятся о казенных интересах»⁵¹.

Большое накопление недоимок по Николаевскому и Новоузенскому уездам, а также по богатым торговым селам Бугурусланского уезда Самарской губернии еще в 1880-х гг. объясняется бездействием волостного и сельского начальства. В Новоузенском уезде исправные домохозяева во многих селениях просят мир не выбирать их в старосты, и поэтому иногда мир **обязывает** идти в старосты тех домохозяев, дети которых не служили в армии, в других случаях должность делают привлекательной довольно высоким жалованьем, в третьих — соблазняют идти в старосты обильным угощением и т.п.

В Оренбургской губернии в большинстве сельских обществ сельскими старостами становятся по очереди, причем почти все старосты и многие старшины относятся к самым крупным недоимщикам. Во многих местностях Московской губернии по нескольку раз выбирают только

50. Там же. С. 184.

51. Там же. С. 251.

нетребовательных старост, а «если бы староста вздумал принимать меры против неплательщиков, то его «не только не выберут, но, пожалуй, сожгут»⁵².

Нужно ли после этого говорить о том, что крестьянские должностные лица использовали служебное положение в личных целях? Растраты ими общественных средств стали банальностью. В Рязанской губернии «хорошие люди, строгие по жизни, в старосты нейдут, уклоняются от этой должности», поэтому сходы часто избирают «людей самых сомнительных качеств, которые, чтобы быть избранными, подпаивают мир, имея в виду в будущем попользоваться мирскою копейкою»⁵³. Согласно различным земским обследованиям, одной из причин податной задолженности крестьян «являются частые растраты должностных лиц»⁵⁴.

Лучшим доказательством приниженного и зависимого положения крестьянских должностных лиц является тот «общеизвестный факт», что при взыскании податей в отношении богатых и влиятельных домохозяев они проявляли минимум настойчивости.

Бржеский вообще пишет, что «задолженность достаточных хозяев есть явление повсеместное и притом весьма распространенное»⁵⁵ и приводит ряд фактов, с которыми полезно будет ознакомиться современным певцам народных страданий.

Так, большие недоимки, которые Нижегородский уезд накопил в 1891–1893 гг., тамошняя администрация, по обыкновению, объясняла «хозяйственными невзгодами плательщиков, сокращением заработков, пожарами» и т.п. Однако местный податной инспектор Ушаков провел подворное обследование 90 селений 11 волостей Нижегородской уезда и выяснил, что свыше 50% всех недоимщиков составляют «вполне зажиточные и достаточ-

52. Там же. С. 251–252.

53. Там же. С. 252.

54. Там же. С. 252–253.

55. Там же. С. 254.

ные домохозяева; многие из них владеют, кроме наделной, еще собственной землею, в количестве до 40 и более десятин; занимаются различными промыслами и торговлей, владеют лавками, мельницами и т.п. Сумма задолженности этих зажиточных и достаточных крестьян составляет от 30,5 до 50,6% всего количества недоимок, числящихся за всеми селениями. Так, из общей суммы недоимок по 60 селениям в 190 600 руб., на долю означенных лиц приходится 75 900 руб., т.е. 40%, а по 6 селениям из общего количества недоимок — 12 700 руб. за зажиточными числится 6 500 руб., что составляет 50,6%»⁵⁶.

Во многих местностях губерний Восточного района зажиточные домохозяева накопили крупные недоимки, однако их не только не привлекают к круговой поруче за других недоимщиков, «но даже не понуждают к уплате причитающихся с них сборов».

В 1893 г. до половины всей недоимки Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии состояло за состоятельными домохозяевами и должностными лицами, в числе которых встречались «лица, ведущие торговлю на десятки тысяч рублей, содержатели почтовых трактов, арендаторы базарных площадей и весов, владельцы промышленных заведений».

В Ардатовском уезде Симбирской губернии числилось к 1893 г. около 2 000 состоятельных недоимщиков с недоимкой в 80 тыс. руб. Число зажиточных домохозяев определяется по Петровскому уезду в 59%, а по Кузнецкому — в 44%; за ними состоит около половины всех недоимок, числящихся за тем и другим уездом.

По сведениям податного инспектора (октябрь 1894 г.), в Симбирском уезде за 116 состоятельными недоимщиками числится свыше 4 000 руб. казенной недоимки. Некоторые недоимщики весьма зажиточны: состоят председателями и членами волостных судов, сельскими старостами и т.п.;

56. Там же. С. 254–255.

все они имеют достаточные средства для исправного отбывания повинностей. Один из них, например, за коим числится 22 руб. 45 коп. казенной недоимки, имеет 9 дес. наделной земли, 26 голов мелкого скота и кроме того, ветряную мельницу и бакалейную лавку; другой, имеющий 8 дес. наделной земли и содержащий почтовую станцию, за которую получает от 736 руб., состоит в недоимке на 18 руб. 40 коп.

В Курском и Корочанском уездах в числе недоимщиков состоит много зажиточных домохозяев. В Павловском уезде Воронежской губернии недоимки числятся за крестьянами, которые раздают в займы более 2 000 руб. Недоимочность зажиточных хозяев встречается редко в Богодуховском и Купянском уездах Харьковской губернии и часто — в Старобельском и Валковском...

В районе средне-черноземных губерний недоимочность должностных лиц крестьянского управления, выбираемых зачастую из среды неисправных плательщиков, бывает сравнительно реже, но встречается почти повсеместно. К ноябрю 1895 г. в Алатырском уезде Симбирской губернии по 7 селениям находилось 43 зажиточных недоимщика, в том числе несколько должностных лиц...накопивших 1 653 руб. недоимки.

По 42 селениям Ардатовского уезда недоимок состоятельными домохозяевами числилось 16 600 руб.; в числе недоимщиков находились старшины, старосты, сборщики, председатели и члены волостных судов. В Симбирском уезде к тому же времени за состоятельными домохозяевами 33 обществ числилось в недоимке с лишком 32 тыс. руб.; в числе недоимщиков были должностные лица. В Рязанской губернии сельские старосты нередко запускают причитающиеся с них платежи в расчете на снисхождение волостного старшины. В Воронежской губернии в списках недоимщиков значился председатель волостного суда и ссудо-сберегательной кассы, получающий 250 руб. жалованья.

Податной инспектор Н.Н. Бушев, в конце 1880-х гг. ревизовавший от Курской казенной палаты Курасовскую волость Обоянского уезда, в числе прочего сообщал: «Проверяя платежную способность недоимщиков, я был поражен значительностью недоимки за некоторыми лицами, а именно: за сельским писарем числилась недоимка в 72 руб. 86 коп., за крестьянином Шеховцовым, содержателем волостного пункта, 42 руб.; я насчитал таких недоимщиков человек 15; одним словом, *самые состоятельные крестьяне оказались самыми крупными недоимщиками*, по отношению к ним не применялась ни одна из мер, указанных в ст.188 Общего Положения, тогда как к мелким недоимщикам применялись самые строгие меры и стогнали даже скот для продажи... Крестьяне горько жаловались на произвол волостного старшины; многие... не были даже предупреждены о продаже, которая совершена была заочно, в их отсутствие скупщиками, которые все время жили у старшины в доме, и он их развозил на своих лошадях из деревни в деревню. В числе покупателей был помощник волостного старшины, за которым и сейчас числилось недоимки 9 руб. 40 коп., но по отношению к нему никаких мер взыскания не принято»⁵⁷.

Подобных примеров можно привести много, однако и этой информации вполне достаточно, чтобы понять, насколько были далеки от действительности фарисейские причитания дореволюционной оппозиции о задавленном налогами крестьянстве. Это, разумеется, не означает, что не было крестьян, для которых платежи были действительно тяжелыми, но это вовсе не касалось всех или большинства крестьян.

Вообще вся эта информация — прекрасная иллюстрация мысли П.А. Столыпина, высказанной им в 1907 г. в известном письме А.Н. Толстому: «Теперь единственная карьера для умного мужика быть мироедом, т.е. парази-

57. Там же. С. 255–256.

том. Надо дать ему возможность свободно развиваться и не пить чужой крови»⁵⁸.

Резюмируем вышесказанное.

Неэффективность созданной в 1861 г. податной системы привела к тому, что «население отвыкло от правильного отбывания лежащих на нем податных обязанностей; подати перестали уплачиваться своевременно; даже наиболее состоятельные домохозяева приучились оттягивать платежи до последней возможности и из опасения, что всякая предварительная и своевременная очистка оклада может навлечь на них последующее взыскание в силу круговой ответственности, вносили подать не иначе, как по настоящему требованию властей.

Недоимка при таких условиях стала явлением обычным, сделалась как бы неотъемлемою принадлежностью крестьянского податного дела; в большинстве случаев она вовсе не знаменует собою расстройства платежных сил населения и... не находится в строгом и правильном соответствии ни с размерами обеспечения крестьян надельною землею, ни со степенью обременения их платежами.

Очевидно, что первичное появление недоимки обусловливается совершенно равнодушным отношением сельских обществ к выполнению обязанностей, которые на них возложены законом по наблюдению за исправным отбыванием повинностей каждым из членов общества. Причина такого равнодушия коренится главным образом в недостатках крестьянского самоуправления, в неудовлетворительности состава сельских сходов, в приниженности положения должностных лиц крестьянского управления и, в особенности, сельских старост.

Очевидно, что пока заведывание мирскими делами будет находиться в руках сельского схода, не только неспособного при нынешней организации оказать серьезный отпор худшим элементам сельского общества, но и явля-

58. Столыпин П.А. Переписка. М.:РОССПЭН, 2004. С. 168–169.

ющего нередко слепым орудием в руках этих элементов при достижении ими своекорыстных целей на почве прав, предоставленных сельскому обществу во имя круговой поруки; пока эти сходы своею безответственностью будут прикрывать бездействие в податном деле, а подчас и злоупотребления должностных лиц сельского управления, до тех пор невозможно действительное упорядочение крестьянского податного дела, хотя такое упорядочение составляет существеннейшее условие к возвышению благосостояния народа»⁵⁹.

Не менее серьезным, по мнению Бржеского, изъяном податного дела было сосредоточение в руках полиции контроля за ходом крестьянских платежей и обязанностей по взысканию накопившейся задолженности. «Обремененная другими многосложными и ответственными обязанностями, не имея достаточных экономических знаний и слишком чуждая жизни крестьянства, полиция неспособна ни руководить должностными лицами крестьянского управления в деле взимания окладных сборов»⁶⁰, ни проводить меры принуждения и взыскания в соответствии с уровнем платежеспособности крестьян.

Полиция была исполнительным органом всех учреждений и ведомств, и только при взыскании крестьянских окладных сборов имела право инициативы и дисциплинарной власти в отношении должностных лиц крестьянского управления. Однако это право и эту огромную власть полиция использовала только для достижения более высоких показателей поступления сборов, из чего вытекали несвоевременность и нередко «крайняя неразборчивость приемов и способов взыскания»⁶¹.

Наконец, для нормальной работы податной системы был необходим эффективно организованный правительственный надзор за ходом крестьянского податного дела

59. Бржеский Н.К. Указ. соч. С. 398–399.

60. Там же. С. 399.

61. Там же.

на всех его стадиях, который после 1861 г. правительство так и не смогло наладить.

Почему же оно держалось за эту систему, которая сделала произвол обыденностью в повседневной жизни российской деревни, ослабила и уничтожила в крестьянах чувство законности, десятилетиями уродовала нравственную основу крестьянской жизни?

Простого ответа на этот вопрос нет.

С одной стороны, в 1861 г. едва ли был другой способ быстро обеспечить реальное поступление платежей в казну. Напомню, что круговая порука исторически обусловленное явление, вызванное низким уровнем финансовой техники.

С другой стороны, с этим сопрягалась определенная социальная инерция и порожденное ею ощущение мнимого комфорта, тождественного недалёковидности. С.Ю. Витте писал: «С административно-полицейской точки зрения она (община. — М.Д.) также представляла более удобства — легче пасти стадо, нежели каждого члена сего стада в отдельности»⁶². Н. Новосельский по этому поводу справедливо заметил: «Русская сельская община, утратившая нравственный авторитет, а, следовательно, и влияние на быт своих членов со времени преобразования мирских сходок из собрания одних глав семей в собрание всех взрослых мужчин на правах равного голоса, интересовала правительство только как наиболее удобный и даровой орган сбора податей, отбывания повинностей и низшей полицейской службы»⁶³. О том, что сходы превратились в «управляемую охлократию» пишут С.Ю. Витте, К.Ф. Головин, А.С. Ермолов, Б.Н. Чичерин и другие объективные современники.

Когда же стало ясно, что пореформенная Россия во многом переросла рамки круговой поруки, выяснилось, что ее ликвидация потребовала бы создания сложного законо-

62. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. Рукописные заметки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 38.

63. Новосельский Н. Согласно ли с интересами государства и самого народа обращать государственную землю в полную собственность крестьян. СПб., 1896. С. 11–12.

дательства, целой сети финансовых агентов и примерно 13 млн руб., к чему правительство готово не было.⁶⁴

Завершая тему недоимок, отмечу, что степень аккуратности, пунктуальности и т.д. в ситуациях, связанных с уплатой задолженности, — сюжет сугубо индивидуальный. Неправильно представлять наших предков людьми, которые, просыпаясь каждое утро, только и мечтали немедленно платить по счетам. Здесь они не слишком сильно отличались от многих из нас, по разным причинам нередко склонных оттягивать платежи. И это касалось не только крестьян.

Возможно, оценить отношение жителей страны в конце XIX — начале XX в. к проблеме недоимок помогут данные табл. 2.

Таблица 2. Динамика недоимок по окладным сборам и выкупным платежам в конце XIX — начале XX в. (тыс. руб.)

Вид налога	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1905	1906	1911	1913
Налог с недвиж. в городах, посадах, мест.	640	628	718	870	2089	1101	1017	4945	1892	8111
Государственный поземельный налог:										
с земель сельских сословий	336	569	193	171	164	202	1167	3892	5285	1752
с земель частных владельцев	533	617	719	772	765	742	1205	2277	1841	1895
с земель, принадлежащих городам	7	8	11	11	12	13	18	43	39	40
с земель Гл. упр. уделов	9	11	15	14	4	9	2	69	27	5
Гос.квартирный налог	243	265	346	455	543	651	1097	1301	1722	1619
Выкуп. платежи б. гос. крестьян	65739	73179	75069	74933	76508	77620	26319	32193	12219	0
Выкуп. платежи б. помещ. крест.	34525	38124	39101	39305	39829	40509	20154	22705	6767	0
Выкуп. платежи б. удел. крестьян	3641	4726	4604	4516	4688	4801	1630	2326	1168	0

Источник: Ежегодники Министерства финансов (далее — МФ).

Из табл. 2 видно, что величина недоимок сокращается только по выкупным платежам (благодаря заботам правительства), а по большинству окладных сборов увели-

64. Озеров И.Х. Указ. соч. С.160.

чивается, в том числе по поземельному налогу с частных владельцев и по квартирному налогу, разумеется, по абсолютной величине не сопоставимых с выкупными платежами. Между тем ни помещики, ни домовладельцы в нашем представлении не относятся к категории нуждающихся граждан Империи. Кстати, общее число домовладений в 1913 г. в 50-ти губерниях составляло 953,5 тыс., и из 2 288 тыс. квартир налогом на общую сумму 7,6 млн руб. облагались 782,7 тыс., примерно третья часть⁶⁵.

А теперь попытаемся представить себя на месте крестьян. О политике, проводимой правительством в отношении задолженности по продовольственным ссудам, мы уже имеем представление. После голода 1891–1892 гг. за два года правительство прощает 102 млн руб. продовольственных долгов. И в последующие годы оно продолжает активно помогать крестьянам во время неурожая и продолжает списывать долги. При этом законом от 7 февраля 1894 г. сельским обществам разрешено производить отсрочку и рассрочку недоимок без ограничения суммы и длительности этой льготы. Закон от 16 мая 1896 г. разрешает делать «пересрочку на новые сроки всего оставшегося непогашенным выкупного долга, а в случае недостаточности — и отсрочку части долга без начисления на нее процентов до окончания сроков пересрочки». К тому, что недоимки по прямым налогам периодически слагаются, они привыкли еще до появления продовольственных долгов.

У крестьян, как и у любых нормальных людей, подобная последовательность действий власти не могла не создать вполне определенного отношения к проблеме платежей.

Долги по продовольственной помощи были больше долгов по выкупным платежам, но правительство, тем не менее, их списывало, как не раз делало это и предыдущие полтора столетия.

65. Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 года. Пг., 1915. С. 124.

Почему же крестьянам нельзя было думать, что оно когда-нибудь в будущем не спишет и недоимки по выкупу? Надежда на это была вполне естественной и, как известно, в 1905 г. оправдалась! Поэтому неудивительно, что многие крестьяне не торопились платить окладные сборы.

А теперь обратимся к вопросу о так называемых вынужденных осенних продажах крестьянами хлеба собранного урожая. Вынужденными они считаются потому, что позже, весной, крестьяне нередко должны были покупать хлеб по более высокой цене. Это явление, которое фиксируется в самых разных губерниях, в том числе и нечерноземных, служит якобы убедительным доказательством тяжелого материального положения крестьянства, одним из сильнейших аргументов «парадигмы обнищания» крестьянства после 1861 г.

У традиционной историографии есть один вариант объяснения этого феномена – крестьянам были нужны деньги для уплаты «непосильных» налогов и выкупных платежей.

Так ли это?

В принципе, нельзя сомневаться, что иногда имели место именно вынужденные продажи и именно для уплаты окладных сборов.

Однако это касалось не всех и даже не большинства крестьян, палитра осенней жизни которых отнюдь не исчерпывалась платежом податей.

Прежде всего, октябрь-ноябрь и январь-февраль – это месяцы, когда заключалось наибольшее количество браков⁶⁶. Трудно поверить в то, что сто лет назад оппозиции это было неизвестно, однако, рассуждая об осенних продажах крестьянами хлеба, она почему-то забывала упомянуть об этом факте.

Помесячная статистика потребления водки (табл. 3) показывает, однако, что крестьяне много пили и в сентя-

66. Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII–начало XX в.). СПб., 2003. Т.1 С.169–170.

бре, и в декабре, но кто может упрекнуть их за то, что таким образом они фиксировали окончание годового цикла сельскохозяйственных работ? По стране в целом в 1912 г. среднемесячное потребление водки в феврале–августе составляло 7 121,3 тыс. ведер, а в сентябре–январе – 9 335 тыс. ведер, т.е. на 31,1% больше. «Праздник урожая» – это вовсе не выдумка историков и этнологов. Так устроены люди.

В силу этого сентябрь–январь были временем наибольшего потребления спиртного в России, о чем можно судить по данным табл. 3, и региональные различия устанавливаются именно в зависимости от размеров потребления водки в эти месяцы.

Таблица 3. Продажа казенных питей по месяцам и районам акцизных управлений в 1912 г.

Месяцы	Всего по России		Средне-черноземный		Восточный		Петербургское		Московское	
	тыс. ведер в 40°	%	тыс. ведер в 40°	%	тыс. ведер в 40°	%	тыс. ведер в 40°	%	тыс. ведер в 40°	%
Январь	8815,9	9,1	1308,1	8,5	882,9	8,6	362,0	7,4	418,2	7,5
Февраль	6011,6	6,2	954,7	6,2	581,7	5,7	331,8	6,8	374,8	6,7
Март	7058,2	7,3	984,8	6,4	638,8	6,2	405,2	8,3	458,9	8,2
Апрель	7033,3	7,3	1027,1	6,7	618	6,0	371,5	7,6	420,7	7,5
Май	7931,9	8,2	1131,1	7,4	788,4	7,7	406,5	8,3	457,4	8,2
Июнь	7187,4	7,4	1073,2	7,0	745,9	7,3	390,8	8,0	453	8,1
Июль	6960,9	7,2	1046,8	6,8	698	6,8	380,7	7,8	450,8	8,1
Август	7665,7	7,9	1171,2	7,7	765,3	7,5	439,6	9,0	508,6	9,1
Сентябрь	9314,4	9,6	1607,6	10,5	1118	10,9	455,3	9,3	546	9,8
Октябрь	9817,4	10,2	1807,7	11,8	1252,9	12,2	466,0	9,5	498,9	8,9
Ноябрь	9051,6	9,4	1667,6	10,9	1101,9	10,8	419,0	8,5	462,1	8,3
Декабрь	9674,2	10,0	1523,3	10,0	1046,1	10,2	482,2	9,8	541,7	9,7
Всего	96522,4	100,0	15303,2	100	10238	100	4910,6	100	5591,1	100
IX-I месяцы	46673,5	48,4	7914,3	51,7	5401,8	52,8	2184,5	44,5	2466,9	44,1

Рассчитано по: Финансовый отчет по казенной винной операции за 1912 год. СПб., 1913. Ведомость XIX.

В 1912 г. Великий пост начался с первых чисел февраля, и поэтому февраль дал наименьшую величину потре-

бления водки. Если же Великий пост приходился на март, то статистика несколько менялась.

Региональные различия легко устанавливаются по доле водки, выпитой в эти 5 месяцев, которая при равномерном потреблении должна была бы равняться 41,7%.

Из табл. 3 следует, что по России в целом в 1912 г. она составляла 48,4%, причем в Среднечерноземном районе – 51,7%, в Восточном – 52,8% (в оба эти района входили 14 из 18-ти губерний с наибольшими долгами), в то же время для Петербургского акцизного управления – 44,5%, а для Московского – 44,1%. То есть сезонность потребления алкоголя у столичных жителей была несколько иной, чем у крестьян. Горожане пили более равномерно, несколько иной была и сезонность браков в городах.

Аналогичный показатель для Прибалтийского района равен 43,7%, для Привислинского – 45,3%, для Северо-Западного – 46,3%, для Северного района без Петербургского управления – 47,8% (а вместе с ним – 45,8%), для Средне-промышленного района без Московского управления – 48,3% (а вместе с ним – 46,7%), для Малороссийского – 48,9%, для Юго-Западного – 46,7%, для Южного района – 47,5%, для Западно-Сибирского – 50,7% и для Восточно-Сибирского – 47,1%.

Как можно видеть, сезонность потребления спиртного в столичных губерниях была ближе к сезонности жителей Западных губерний, Прибалтики и Польши. В большинстве районов доля потребления в сентябре-январе близка к среднероссийской, а в Среднечерноземном, Восточном и Западносибирском она колеблется от 50,7 до 52,8%.

Однако у крестьян обоего пола, как и у любых людей, были и другие материальные потребности, помимо веселья. И поскольку они были земледельцами, то довольно естественно, что, желая получить деньги для новых покупок, они продавали полученную в своем хозяйстве продукцию на рынке, даже если им потом приходилось переплачивать несколько копеек за хлеб. Ведь хлеб, как показано в табл. 3,

в рассматриваемый период явно не был главной расходной частью их бюджета. Полагаю, интуитивно они понимали одно из «золотых правил бизнеса», теорию «временной ценности денег», понимали, что нынешние 10 руб. ценней 10-ти руб. через три месяца.

Таким образом, идея «вынужденных осенних продаж» как индекса крестьянской нужды применительно к подавляющему большинству крестьян также не выдерживает критики. Это слишком примитивная попытка понять и объяснить жизнь крестьян, исходя из собственных абстрактных («городских») представлений о степени рациональности жизни. У миллионов земледельцев эти представления во многом были другими. К тому же мы видели, что крестьяне отнюдь не всегда торопились платить вовремя.

Итак, взгляды традиционной историографии на весь комплекс проблем крестьянских платежей, на проблему недоимок и др. представляются несостоятельными.

Мы отчетливо видим стремление правительства к снижению налогового бремени, которое лежало на крестьянстве, желание найти оптимальное вариант выплаты населением окладных сборов. Напомню, что по Манифестам 1880 и 1883 г. власть сняла с населения 47 млн руб. недоимок, затем уменьшила выкупные платежи, отменила подушную подать и соляной налог. С 1890-х гг. началось сложение и продовольственных долгов на сотни миллионов рублей.

В 1892–1893 гг. Александр III списал с населения до 52 млн руб. лежавших на нем долгов⁶⁷.

В ноябре 1894 г., по случаю свадьбы Николая II, с населения было сложено еще около 50 млн руб. продовольственных долгов⁶⁸.

Кроме сложения долгов принимались и другие меры, облегчавшие положение нуждающихся.⁶⁹

67. Ермолов А.С. Указ. соч. С. 134–136.

68. Там же. С. 142–143.

69. Там же. С. 142–174.

Всего за 1891–1900 гг. правительство отпустило на поддержку населения в годы неурожая 232 млн руб., из которых 211 млн руб. (90,9%) подлежали возврату. На деле же население вернуло лишь около 19 млн руб., а большую часть долгов власть аннулировала⁷⁰.

При этом бюджет страны в эти годы составлял порядка 1 440 млн руб.⁷¹ Понятно, каким тяжелым бременем ложились на Казначейство продовольственные расходы. Тем не менее государство продолжало эту политику.

Крещение цесаревича Алексея стало поводом для новых и воистину царских милостей подданным. В частности, **со всех вообще крестьян Манифест слагал недоимки по выкупным, земским и другим сборам, накопившимся на день его издания (!)**. Очень серьезное облегчение — даже в сравнении с предыдущими актами — вновь получили крестьяне, пострадавшие в прежние годы от неурожая.⁷² В наиболее задолженных губерниях слагалось две трети, а в остальных — половина продовольственных долгов, причем со всех должников, без различия их состоятельности. Кроме того, полностью освобождались от них те семьи, члены которых были призваны из запаса в действующую армию и во флот во время войны с Японией. В сумме речь шла, как минимум, о 73 млн руб., на деле же — о еще большей сумме.

Кроме того, правительство предоставляло возможность продаять платежи по всем видам задолженности, проводя, если так можно выразиться, «конверсию недоимок». Этот своего рода патерналистский «социализм», безусловно, воспитывал у крестьян (и не только) социальное иждивенчество.

Тем самым податную политику правительства невозможно трактовать как враждебную народу. Лично у меня

70. Там же. С. 176–177.

71. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 538.

72. Ермолов А.С. Указ. соч. С. 267–268.

создается впечатление, что власть уже как бы и не знает, как и чем она еще может угодить подданным.

Разве что вообще отменить все налоги...

Теперь мы можем оценить степень даже не предвзятости, а элементарной непорядочности подходов дореволюционной оппозиции к проблеме крестьянских платежей.

Трудно поверить, что авторы статьи в Брокгаузе и Ефроне из монографии Бржеского взяли только таблицу с размерами недоимок, находящуюся в приложении, и не ознакомились с его точкой зрения, с точкой зрения профессионала, досконально изучившего эту тему, тем более, что в общем виде она изложена всего на 2,5 стр. введения.

Однако его мнение их не интересовало, поскольку было диаметрально противоположным их собственному. Конкуренции со стороны Бржеского они не боялись — многие ли будут читать специальную работу, к тому же написанную отнюдь не с легкостью Власа Дорошевича? А словарь Брокгауза и Ефрона был бестселлером эпохи (и авторитетен до сих пор), освещавшим социально-экономические и общественно-политические проблемы с «народолюбивых» позиций. Упустить такую возможность влияния на формирование общественного мнения авторы не могли.

Я рассматриваю данную статью как своего рода постановочную, поскольку за ее рамками остается целый пласт проблем, связанных с данной сферой, — прежде всего с соотношением правительственных, земских и мирских платежей крестьян как в масштабах страны, так и в региональном аспекте. Их изучение — дело будущего.

В.А. Степанов*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ РАБОЧИХ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

После отмены крепостного права в 1861 г., изменившей юридический и социальный статус миллионов людей, российское самодержавие приступило к законодательному урегулированию взаимоотношений рабочих и предпринимателей. И хотя в первые пореформенные десятилетия рабочее движение не угрожало сколько-нибудь серьезно государственным устоям, правительство учитывало пример Европы, пережившей революционные потрясения 1848–1849 гг. Поэтому трудовое законодательство в известной степени имело «превентивную» направленность¹. Как правило, каждый этап в разработке фабричных законов следовал за очередной вспышкой волнений на промышленных предприятиях, которые напоминали «верховой власти» о потенциальной опасности.

В 1860–1870-х гг. рабочий вопрос неоднократно обсуждался в межведомственных комиссиях: при петербургском градоначальнике (1859 г.), под председательством члена Совета министра внутренних дел А.Ф. Штакельберга (1859–1862 гг.), члена Государственного совета П.Н. Иг-

* Степанов Валерий Леонидович – д.ист.н., проф., ведущий научный сотрудник сектора экономической истории Института экономики РАН.

1. Heller K. Die Anfänge fabrikgesetzlicher Regelungen im kaiserlichen Rußland // Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1980. Bd. 67. H. 2. S. 177.

натьева (1870–1872 гг.) и министра государственных имуществ П.А. Валуева (1874–1875 гг.). При подготовке проектов широко использовался западный опыт. Вплоть до начала 1880-х гг. преимущественное внимание уделялось законодательству Великобритании как самой передовой страны в области охраны труда.

Однако со временем взоры российских реформаторов стали все чаще обращаться в сторону Германии. Для этого имелись веские основания. Империя Гогенцоллернов, как и Россия, поздно вступила на путь индустриализации. К концу столетия в этих странах прочно утвердилась протекционистская модель экономического развития, которая в социальной сфере выражалась во вмешательстве государства в отношении между общественными группами. В Германии монархический принцип воплощался в государственном строе гораздо более полно, чем в Англии и других европейских монархиях. В обеих империях дворянство выполняло функцию политически доминирующего социального слоя. Даже стремительный экономический подъем в Германии после франко-прусской войны 1870–1871 гг. не привел к заметной либерализации режима².

Обострение конфликта между предпринимателями и рабочими, активизация деятельности влиятельной социал-демократической партии подталкивали правительство канцлера О. фон Бисмарка к смягчению отрицательных социальных последствий бурного промышленного роста и привлечению неимущих слоев населения на сторону правящей элиты. Идеологическим обоснованием этого курса стала теория «государственного социализма», выдвинутая представителями «молодой» исторической школы в немецкой политэкономии – А. Вагнером, А. Шеффле, Г. Шмоллером и Г. Шенбергом. Они проповедовали укрепление союза между монархией и народом с помощью социальных преобразований, направленных на повышение

2. *Fischer W. Wirtschaft und Gesellschaft im Zeitalter der Industrialisierung.* Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1972. S. 64.

жизненного уровня и создание правовой защиты низших классов³.

На подобную политику пытались делать ставку и другие европейские лидеры консервативных реформистских движений (Наполеон III во Франции и Б. Дизраэли в Англии), но в Германии она осуществлялась наиболее последовательно. Бисмарк признавал только такие социальные мероприятия, которые имели целью прежде всего безопасность государственного строя, проводились государством при прямом бюрократическом контроле за рабочими, исключали вмешательство каких-либо партий и сочетались с применением репрессий (закон против социалистов 1878 г.)⁴. «Государственный социализм» Бисмарка носил «христианско-патриархальный», «государственно-авторитарный» и «социально-дисциплинирующий» характер⁵. Такой подход к решению рабочего вопроса был вполне приемлем для российского правительства, которое традиционно придерживалось политики «попечительства», жесткой административной опеки над «фабричным людом».

История российского рабочего законодательства достаточно подробно освещалась в научной литературе⁶.

3. *Vögel W.* Bismarcks Arbeiterversicherung. Ihre Entstehung im Kräftespiel der Zeit. Braunschweig: Georg Westermann, 1951. S. 71–80; *Mussiggang A.* Die soziale Frage in der historischen Schule der deutschen Nationalökonomie. Tübingen: Mohr Siebeck, 1968. S. 118–222.
4. *Schieder W.* Bismarck und Sozialismus // *Kunisch Jo.* (Hrsg.) Bismarck und seine Zeit. Berlin: Duncker&Humboldt, 1992. S. 179–181.
5. *Аннерс Э.* История европейского права. М.: Наука, 1994. С. 335; *Lampert H.* Sozialpolitik. Berlin; Heidelberg; New York: Springer, 1980. S. 130; *Schieder W.* Op. cit. S. 180.
6. *Литвинов-Фалинский В.П.* Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900; *Быков А.Н.* Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб.: Тип. «Правда», 1909; *Чистяков И.* Страхование рабочих в России. Опыт истории страхования рабочих в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1912; *Балабанов М.* Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. II. М.: Экономическая жизнь, 1924; Ч. III. М.: Экономическая жизнь, 1926; *Шельмагин И.И.* Фабрично-трудовое законодательство в России (2-я половина XIX века). М.: Юридическое издательство, 1947; *Он же.* Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917. М.: Госюриздат, 1952; *Вовчик А.Ф.* Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895–1904). Львов: Изд-во Львовского ун-та, 1964; *Лавберычев В.Я.* Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.). М.: Мысль, 1972; *Puttkamer Jo.v.* Fabrikgesetzgebung in Russland

Однако тема влияния на него европейских образцов до сих пор не была предметом специального исследования. Дореволюционная российская литература и публицистика лишь попутно касались проблемы заимствования европейских правовых норм, советская же историография обходила этот вопрос. Попытка сопоставить разработку фабричных законов в Германии и России предпринята в статье К. Хеллера⁷. Но она содержит лишь общую постановку вопроса и не касается конкретных историко-правовых сюжетов. Между тем проблема восприятия европейского опыта является одним из важных компонентов общего процесса влияния западных образцов на политику преобразований в России. Изучение темы открывает новые возможности для анализа глобальной проблемы трансформации теорий и правовых актов передовых индустриальных стран в специфических условиях самодержавной монархии. В предлагаемой статье рассматривается только один из аспектов – восприятие в России социального законодательства Бисмарка и его конкретное воплощение в законах о государственном страховании рабочих.

* * *

Подъем стачечного движения в 1878–1879 гг. заставил правительство предпринять практические шаги в области трудового законодательства. Проекты комиссий А.Ф. Штакельберга, П.Н. Игнатьева и П.А. Валуева послужили исходным материалом для Министерства финансов, которое в 1881 г. возглавил видный либеральный экономист Н.Х. Бунге. По его инициативе были утверждены первые в России фабричные законы – об ограничении рабо-

vor 1905: Regierung und Unternehmerschaft beim Ausgleich ihrer Interessen in einer vorkonstitutionellen Ordnung, Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1996; *Кутрянова Л.М.* «Рабочий вопрос в России» во второй половине XIX – начале XX в. // История предпринимательства в России: в 2 кн. Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX века. М.: РОССПЭН, 1999. С. 343–437; *Богдан В.И.* Трудовое законодательство России: историко-правовой анализ. М.: Ось-89, 2003; *Володин А.Ю.* История фабричной инспекции в России 1882–1914 гг. М.: РОССПЭН, 2009.

7. *Heller K.* Op. cit. S. 177–199.

чего дня малолетних и учреждении фабричной инспекции (1882 г.) и о запрещении ночной работы для женщин и подростков (1885 г.), регламентации порядка найма и увольнения рабочих, выдачи заработной платы, наложения штрафов (1886 г.)⁸.

В финансовом ведомстве развернулась и разработка закона о страховании. Проекты комиссий 1860–1870-х гг. предусматривали выплату владельцами фабрик и заводов денежной компенсации рабочим вследствие несчастных случаев, которые произошли по вине самих предпринимателей⁹. Но в реально действовавшем законодательстве это так и не получило отражения. Между тем в обстановке роста производственного травматизма и недовольства рабочих условиями труда и быта правительство уже не могло до бесконечности откладывать решение вопроса о компенсации пострадавшим.

В мае 1881 г. при Министерстве финансов была образована межведомственная комиссия под председательством директора Департамента торговли и мануфактур Н.А. Ермакова. Образцом для проекта стал немецкий закон от 7 июня 1871 г. об индивидуальной ответственности предпринимателей за увечья и смерть рабочих (покрытие расходов на лечение и погребение, возмещение имущественного ущерба и др.)¹⁰. Комиссия признала его наиболее эффективным по сравнению с аналогичными законами Англии (от 7 сентября 1880 г.) и Швейцарии (от 25 июля 1881 г.), поскольку он категорически запрещал какие-либо частные договоры о вознаграждении между владельцами промышленных заведений и рабочими, которые давали хозяевам широкие возможности для обхода установленных правил¹¹. Проект, завершённый к 1883 г., во многом сле-

8. См. подробнее: *Степанов В.А.* Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М.: РОССПЭН, 1999. С. 210–227.

9. Труды Комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Ч. 1. СПб., 1863. С. 487–544; РГИА.Ф. 1261.Оп.3 1875 г. Д. 136а Л. 73–101, 349–371.

10. Reichs-Gesetzblatt. Berlin, 1871. Nr. 25. S. 207–209.

11. РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 1930. Л. 61–61 об.

довал немецкому аналогу. В нем признавались недействительными любые частные соглашения предпринимателей и рабочих, четко фиксировалась обязательность страхования¹².

Однако обсуждение проекта затянулось на долгие годы. Либеральные тенденции во внутренней политике, обозначившиеся на рубеже 1870–1880-х гг., через несколько лет сменились твердым консервативным курсом правительства Александра III. Это надолго отсрочило принятие новых фабричных законов. Кроме того, отчетливо обнаружились недостатки германского закона 1871 г. об индивидуальной ответственности предпринимателей. Он плохо защищал интересы пострадавших, которым приходилось доказывать в суде виновность своих работодателей. Лишенный влияния и денежных средств для ведения процесса против хозяина, рабочий оказывался совершенно беспомощным в тяжбе с фабричной администрацией. Лишь очень немногим удавалось получить компенсацию. Остальным приходилось идти на невыгодный компромисс и довольствоваться скромными ссудами из различных вспомогательных касс или частных благотворительных организаций. Это способствовало усилению социальной напряженности в отношениях между рабочими и владельцами предприятий¹³.

Правительство Бисмарка отказалось от дальнейшей корректировки закона по линии ужесточения санкций против предпринимателей и совершило коренной поворот в страховом деле. Рейхсканцлер приступил к созданию единой имперской системы обязательного государственного страхования. Прочной основой для этого начинания была широкая сеть страховых обществ, сложившаяся в Германии к началу 1880-х гг.

12. Там же. Л. 119–120 об.

13. *Tennstedt F.* Vom Proleten zum Industriearbeiter. Arbeiterbewegung und Sozialpolitik in Deutschland. 1800–1914. Köln: Bund, 1983. S. 262–264; *Ritter G., Tenfelde K.* Arbeiter im Deutschen Kaiserreich. 1971 bis 1914. Bonn: Dietz, 1992. S. 697–698.

15 июня 1883 г. рейхстаг утвердил закон о страховании промышленных рабочих от болезней, которое возлагалось на больничные кассы, обладавшие правами юридических лиц – местные, фабричные, строительные, цеховые, горнозаводские, общинные и «свободные» (вспомогательные). Предприниматель должен был заявлять обо всех своих рабочих, подлежащих обязательному страхованию. Кассы выдавали им денежное пособие на период болезни и оказывали врачебную помощь (амбулаторное и больничное лечение, обеспечение медикаментами и перевязочными средствами и др.). Средства этих учреждений составляли взносы рабочих в размере нескольких процентов от заработной платы (две трети общей суммы) и владельцев предприятий (одна треть). Заведование всеми делами осуществлялось правлением, избранным на общем собрании участников кассы, причем работодатели не могли иметь более трети голосов¹⁴.

6 июля 1884 г. был принят Закон о страховании от несчастных случаев в промышленности. Отныне предприниматели обязывались вступать в страховые товарищества, учреждаемые по отраслевому признаку, и страховать своих рабочих. Все расходы возлагались только на работодателей. Общая сумма взносов в страховую фонд ежегодно взималась путем раскладки между членами товарищества. Пострадавшим компенсация выдавалась вплоть до выздоровления, при полной потере трудоспособности устанавливалась пенсия, в случае смертельного исхода покрывались расходы на погребение и выплачивалась пенсия семье погибшего. Как и больничная касса, каждое товарищество действовало на правах юридического лица и подчинялось правлению, которое избиралось на общем собрании¹⁵.

Все спорные вопросы о пособиях по болезни, расходах на врачебную помощь и компенсациях за увечья должны были решаться третейским судом с равным представитель-

14. Reichs-Gesetzblatt. Berlin, 1883. Nr. 9. S. 73–104.

15. Ibid. 1884. Nr. 19. S. 69–109.

ством рабочих и предпринимателей. Контроль над страхованием осуществляло Имперское страховое управление, включавшее помимо назначенных правительством чиновников делегатов от рабочих и владельцев предприятий. В 1885, 1886 и 1887 гг. обязательное страхование было распространено на транспортных, строительных и сельскохозяйственных рабочих¹⁶.

22 июня 1889 г. последовал закон, согласно которому все рабочие по достижении шестнадцатилетнего возраста подлежали страхованию на случай инвалидности и в связи со старостью в местных страховых учреждениях, организованных по территориальному принципу и являющихся полноправными юридическими лицами. Страховой фонд создавался из взносов рабочих и предпринимателей на паритетных началах. Кроме того, государство ежегодно приплачивало определенную сумму каждому застрахованному рабочему. Пенсии по инвалидности выдавались при окончательной потере трудоспособности независимо от возраста, а по старости — с семидесяти лет. Руководство страховым учреждением было сосредоточено в руках правления, в которое входили представители местной администрации, а также уполномоченные от рабочих и владельцев предприятий. Высшей контролирующей и апелляционной инстанцией являлось Имперское страховое управление¹⁷.

В последующие два десятилетия законы 1883–1889 гг. непрерывно дополнялись и совершенствовались. Итогом кодификации социального законодательства стало издание 19 июля 1911 г. Общего свода законов о страховании рабочих¹⁸. У германского социального страхования были крупные недостатки: низкий уровень пособий и пенсий, компенсирующих только часть заработной платы, чрезмерная централизация и бюрократизация управления страховыми учреждениями. И, тем не менее, для того времени

16. Ibid. 1885. Nr. 19. S. 159–164; 1886. Nr. 14. S. 132–178; 1887. Nr. 27. S. 329–373.

17. Ibid. 1889. Nr. 13. S. 97–144.

18. Ibid. 1911. Nr. 42. S. 509–838.

это была беспрецедентная реформа. Если в Англии подобное страхование строилось на частнопредпринимательской основе, то в Германии оно целиком контролировалось государством. С принятием страхового законодательства экономическое и социальное положение рабочих несколько улучшилось. Оно уменьшило их зависимость от предпринимателей и укрепило их трудовой статус.

Правда, заветная цель Бисмарка так и не была достигнута. Ему не удалось нейтрализовать профсоюзы и ослабить влияние социал-демократии. Напротив, в начале XX в. рабочее движение значительно усилилось. Но вместе с тем реформа способствовала росту лояльности рабочих масс по отношению к государству, изменению их «социально-го сознания» и пробуждению «гражданской ответственности». Контакты с работодателями и низшим звеном государственной и муниципальной бюрократии в страховых учреждениях содействовали преодолению общественной и политической изоляции рабочих и разрядке социальной напряженности. Социал-демократическая партия дала позитивную оценку законодательству Бисмарка и даже выдвинула конкретные предложения по его дальнейшему развитию. Таким образом, социальная политика канцлера, вводимая как дополнение к курсу на подавление «эмансипационного» движения, быстро переросла первоначальные узкие рамки и ускорила эволюцию германской монархии по направлению к современному «социальному государству»¹⁹.

19. Ritter G., Tenfelde K. Op. cit. S. 691–716. О предпосылках и значении социального страхования в Германской империи см. также: Born K.-E. Staat und Sozialpolitik seit Bismarcks Sturz. Ein Beitrag zur Geschichte der innenpolitischen Entwicklung des Deutschen Reiches 1890–1914. Wiesbaden: Steiner, 1957; Gladen A. Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland. Eine Analyse ihrer Bedingungen, Formen, Zielsetzungen und Auswirkungen. Wiesbaden: Steiner, 1974. S. 48–88; Lampert H. Op. cit. S. 122–136; Umlauf Jo. Die Deutsche Arbeiterschutzgesetzgebung 1880–1890. Ein Beitrag zur Entstehung des sozialen Rechtsstaates. Berlin: Duncker&Humblot, 1980; Tennstedt F. Sozialgeschichte der Sozialpolitik in Deutschland. Vom 18. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1981. S. 165–190; *idem*. Vom Proleten zum Industriearbeiter. S. 305–367; 423–554; Hentschel V. Geschichte der deutschen Sozialpolitik (1880–1980). Frankfurt a/M: Sunrkamp, 1983. S. 9–29; Ritter G.

По примеру Германии законы о государственном страховании рабочих были приняты во многих европейских странах (Австро-Венгрии, Англии, Бельгии, Голландии, Франции, Италии и др.)²⁰. Однако только в Германии эта система носила столь всеобъемлющий характер. В 1914 г. в больничных кассах было застраховано 15,6 млн чел., от несчастных случаев — 27,9 млн чел., от старости и инвалидности — 16,5 млн чел. (при общей численности населения Германии 67,9 млн чел. в 1915 г.)²¹.

Законодательство Бисмарка произвело сильное впечатление на российские правительственные круги. Финансовое ведомство увидело в этих мерах надежное средство для предотвращения распространения социалистических идей в рабочей среде. «России не менее, чем Германии, нужно бороться с разрушительными стремлениями революционной партии, — писал Н.Х. Бунге в докладе Александру III в 1884 г. — но, чтобы отнять у последней почву, необходимо обеспечить благоденствие народное и действовать в том же направлении, как действует князь Бисмарк»²².

Преобразования в Германии были с воодушевлением встречены российской общественностью. Ученые и публицисты превозносили государственное страхование рабочих и призывали правительство двинуться по пути, указанному соседней монархией²³. Известный профессор-правовед А.С. Гольденвейзер, выступая с докладом в Киевском

Sozialversicherung in Deutschland und England. Entstehung und Grundzüge im Vergleich. München: C.H. Beck, 1983. S. 28–75; *idem*. Der Sozialstaat. Entstehung und Entwicklung im internationalen Vergleich. München: R. Oldenbourg, 1989. S. 60–86; u. a.

20. Ritter G. Der Sozialstaat. S. 88.

21. Ritter G. Sozialversicherung in Deutschland und England. S. 171, 173, 175.

22. Записка Н.Х. Бунге Александру III о состоянии бюджета России // Исторический архив. 1960. № 2. С. 143.

23. Янжул И.И. Кто отвечает за несчастья с рабочими? // Янжул И.И. Очерки и исследования. Т. 2. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1884. С. 260; Вальтер А. Предисловие переводчика // Германский закон о страховании рабочих от болезней, утвержденный 15 июня 1883 г. (Закон о лечебных кассах). Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1886. С. 1–2; Г-р. Страхование рабочих // Русская мысль. 1887. № 7. С. 2; Муромцев Н. Страхование рабочих и социальная статистика // Экономический журнал. 1888. № 11. С. 1–18.

юридическом обществе, назвал закон 1889 г. о пенсиях «замечательным актом законодательства деятельности молодой империи», а страховые законы в целом — «выдающимся фактом в жизни одной из передовых наций человечества»²⁴.

Не меньший энтузиазм проявили и предприниматели. Они опасались, что принятие закона об индивидуальной ответственности не только потребует от них больших дополнительных расходов, но и усилит вмешательство властей во внутренние дела фабрик и заводов. Мнение промышленников наиболее аргументированно прозвучало в отзыве Варшавского мануфактурного комитета на проект финансового ведомства (1886 г.). Комитет указывал на неэффективность германского закона 1871 г. для защиты интересов пострадавших от несчастных случаев, так как рабочий вопрос вообще не может быть решен с помощью частного права. Попытка ввести подобный закон в России, говорилось в отзыве, неизбежно вызовет, как и в Германии, бесконечную «судебную войну» между хозяевами и рабочими. При скудости капиталов и отсутствии в стране дешевого кредита он будет весьма обременителен для предпринимателей и нанесет значительный ущерб отечественной промышленности. Комитет рекомендовал Министерству использовать опыт германского государственного страхования. «Эти законы, — писали варшавские предприниматели, — обеспечивают средства существования пострадавшим рабочим в таких размерах, в каких никогда не могла бы обеспечить таковая ответственность отдельных промышленных предприятий. [...] С другой стороны, посредством распределения суммы выдаваемых вознаграждений между всеми однородными предприятиями, тяжесть, падающая на отдельные предприятия, оказывается несравненно менее обременительной»²⁵. Еще в 1881 г., учитывая успеш-

24. Гольденвейзер А.С. Социальное законодательство Германской империи. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 3, 176.

25. РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 1930. Л. 163–178 об.

ный ход законодательных работ в Германии, Общество для содействия русской промышленности и торговле направило в Министерство финансов проект создания государственной кассы страхования рабочих от несчастных случаев, фонд которой состоял из взносов предпринимателей, и государственной пенсионной кассы, действующей на добровольных началах²⁶. В том же году Московский биржевой комитет ходатайствовал об учреждении кассы взаимопомощи для выдачи пособий увечным рабочим за счет ежегодных сборов с каждого предпринимателя²⁷.

Бунге сочувственно отнесся к этим инициативам. Однако необычность и масштабы социального эксперимента Бисмарка побудили Министерство финансов заняться более детальным изучением вопроса и дождаться появления убедительных статистических данных о результатах государственного страхования. Проведению столь глобальной реформы в тот момент препятствовали и объективные условия: слабое развитие промышленности; сезонный характер труда многих рабочих и их низкий культурный уровень; совершенно неудовлетворительная постановка страхового дела и др. В феврале 1889 г. сменивший Н.Х. Бунге на посту министра финансов И.А. Вышнеградский внес в Государственный совет новый вариант законопроекта об индивидуальной ответственности предпринимателей. Признавая германское законодательство наилучшим средством для решения социальных проблем, он вместе с тем отмечал, что введение его в России потребует весьма продолжительного времени и поэтому нет смысла отказываться от других мероприятий по страхованию рабочих. В Германии, писал Вышнеградский, «издание закона о гражданской ответственности владельцев промышленных заведений предшествовало введению обязательного

26. Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. Ч. 12. СПб., 1881. Отд. 1. С. 110–115.

27. Соображения относительно ответственности владельцев промышленных предприятий в случае причинения рабочим увечий или смерти. М., 1893. С. 1.

страхования»²⁸. В Государственном совете проект не получил поддержки и был возвращен в министерство на доработку.

В 1893 г. новый министр финансов С.Ю. Витте повторил попытку своего предшественника и представил в Государственный совет очередную редакцию проекта. Он подчеркивал, что забота правительства о пострадавших рабочих диктуется острой необходимостью борьбы с обнищанием народных масс и предотвращения возможных социальных конфликтов. По словам министра, Бисмарк придавал закону 1884 г. не меньшее значение, чем репрессиям, «ибо он мог убедить работающие классы населения в том, что правительство принимает живое участие в обеспечении их участи и дает им то, чего они тщетно добивались бы иным путем»²⁹. Указывая на преимущества государственного страхования, Витте, как и Вышнеградский, писал о чрезвычайной сложности применения в России опыта Германии. Он приходил к выводу, что Министерству целесообразно приступить к разработке подобной реформы только тогда, когда в полной мере выяснятся результаты действия германского законодательства. Но Государственный совет вновь отклонил проект об индивидуальной ответственности предпринимателей³⁰.

На позицию правительства заметно повлияло сопротивление промышленников. Крупнейшие предпринимательские организации (Совещательная контора железозаводчиков, съезды горнопромышленников Юга России и Царства Польского) направили в Министерство финансов записку, в которой утверждали, что эта мера приведет к подрыву промышленности и закрытию многих предприятий³¹. Петербургские фабриканты предложили проект

28. РГИА. Научно-справочная библиотека. Коллекция печатных записок. № 880. С. 41, 59–65.

29. РГИА. Ф. 1151. Оп. 11. 1893 г. Д. 64. Л. 67 об.–68.

30. Там же. Л. 68 об. – 69, 97–100, 155.

31. Литвинов-Фалинский В.П. Организация и практика страхования рабочих в Германии и условия возможного обеспечения рабочих в России. СПб., 1903. С. 215.

устава Общества взаимного страхования рабочих от смерти и увечья, а Московский биржевой комитет – проект государственного страхования³². Общество для содействия русской промышленности и торговле обратилось в финансовое ведомство с ходатайством об учреждении Государственной кассы страхования рабочих от несчастных случаев и Государственной пенсионной кассы на основании ранее представленных в министерство проектов³³.

В обстановке промышленного подъема 1890-х гг., сопровождавшегося значительным ростом фабрично-заводского населения, социальное законодательство Бисмарка широко пропагандировалось в печати³⁴. Призыв к ориентации на опыт Германии прозвучал на состоявшемся в 1896 г. в Нижнем Новгороде Всероссийском торгово-промышленном съезде, который отверг принцип индивидуальной ответственности предпринимателей и высказался за государственное страхование рабочих³⁵. Член Постоянного бюро международных конгрессов страхования от несчастных случаев и социального страхования Л.Б. Скаржинский заявил на конгрессе в Дюссельдорфе (1902 г.) о надеждах российских деловых кругов «решить вопрос о страховании так же, как он решен в Германии»³⁶. Выступая в том же году с докладом в Обществе для содействия русской промышленности и торговле, он выразил

32. Лавревичев В.Я. Указ. соч. С. 105, 106–107.

33. Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. Ч. 23. СПб., 1895. Отд. 1. С. 6–8.

34. Миклашевский А.Н. Рабочий вопрос и социальное законодательство в Германии // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 3. СПб., 1894. С. 65–124; Святловский В.В. Государственное страхование рабочих в Германии: историко-статистический очерк. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1895; Яроцкий В.Г. Страхование рабочих в связи с ответственностью предпринимателей. Т. 2. СПб.: Тип. А. Бенке, 1895. С. 497–873; Воронов Л.Н. Государственное страхование рабочих // Русский вестник. 1898. № 3. С. 85–100; № 4. С. 69–86; Скаржинский Л.Б. К вопросу об обеспечении рабочих от последствий несчастных случаев. СПб.: Тип. инженера Г.А. Бернштейна, 1903. С. 128–141; Сувиров Н.И. Государственное страхование рабочих в Германии. СПб.: Тов-во «Просвещение», 1905.

35. Труды Высочайше учрежденного Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. Т. 1. СПб., 1897. С. 17.

36. Сувиров Н.И. Указ. соч. С. 23.

пожелание, чтобы «мы сели не в медленно двигающуюся конку, а, по примеру Германии, в скорый поезд, который бы нас в самое непродолжительное время перенес в лучшее социальное будущее!»³⁷. За государственное страхование рабочих в 1902–1903 гг. высказалось большинство местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, включавших помимо чинов губернской администрации представителей земских учреждений³⁸.

Однако не только давление общественного мнения заставило правительство вернуться к обсуждению этой назревшей проблемы. Под влиянием оживившегося с середины 1890-х гг. стачечного движения руководители разных ведомств стали все чаще проявлять интерес к страховому делу. В 1898 г. в Министерстве земледелия и государственных имуществ был подготовлен проект государственного страхования горнорабочих на случай болезни, инвалидности, смерти и от старости³⁹. 15 мая 1901 г. по ходатайству этого ведомства император утвердил «Временные правила о пенсиях рабочих казенных горных заводов и рудников, утративших трудоспособность на заводских или рудничных работах», которые предусматривали выплату компенсации за производственный травматизм и профессиональные болезни⁴⁰. В июле 1901 г. товарищ министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский во всеподданнейшем отчете о причинах стачек в Петербурге отметил, что одной из лучших мер для умиротворения рабочих был бы переход к их государственному страхованию при участии предпринимателей⁴¹.

Уловив перемену настроений в «верхах», Витте в янва-

37. Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. Ч. 26. СПб., 1902. Отд. 1. С.427.

38. Чистяков И. Указ. соч. С. 135–142.

39. Там же. С. 199–225.

40. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 (далее – ПСЗ III). Т. 21. Отд. 1. № 20087.

41. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 699. Л. 14 об.

ре 1902 г. отправил на отзыв другим министрам свой заново переработанный проект⁴². В сопроводительной записке он выделил два возможных направления в решении рабочего вопроса: либерально-фритредерское, не допускающее вмешательства государства в экономическую жизнь, и государственное, предполагающее регулирующую функцию правительственной власти в отношениях между социальными группами, как в Германии. «Нельзя не признать, — писал министр финансов, — что только этот последний путь, т. е. вмешательство государства и представляется единственно правильным»⁴³. Витте указал на важность тщательного изучения германского опыта и постепенной подготовки к введению в России государственного страхования, а в качестве первого шага рекомендовал ограничиться принятием закона об индивидуальной ответственности работодателей.

Прения вокруг проекта продолжались более года. Оппоненты министра финансов по-прежнему утверждали, что исполнение закона окажется непосильным для владельцев предприятий. «Германская промышленность, — возражал Витте, — достигла в последнее время выдающихся успехов, несмотря на то, что на нее были возложены обязанности по обеспечению рабочих и что расходы по содержанию последних возрастают весьма быстро». По его словам, немецкие предприниматели принадлежат к самым горячим сторонникам страхования рабочих. «Германия, — продолжал он, — является образцом того, что может быть достигнуто на почве попечительной заботливости о рабочих. Германия не знает тех громадных стачек рабочих, которые наблюдаются в Англии, Франции и Соединенных Штатах Северной Америки, т.е. в тех странах, где государство проявляет недостаточную заботливость о рабочих. Стачки эти причиняют колоссальные убытки стране, промышленникам и самим рабочим. Своему исключительному

42. Там же. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 50а. Л. 206–214.

43. РГИА. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 50а. Л. 97–97 об.

положению Германия во многом обязана обеспечению ее трудящегося населения»⁴⁴.

После обсуждения проекта в Государственном совете (февраль-май 1903 г.) он был принят с некоторыми редакционными поправками⁴⁵ и 3 июня 1903 г. утвержден императором⁴⁶. Новый закон распространялся только на крупную фабрично-заводскую и горную промышленность. В нем закреплялось право рабочего на получение двух третей заработной платы при полной утрате трудоспособности. Это было значительным достижением по сравнению с прежней практикой, когда сумма пособий и пенсий полностью зависела от желания хозяина. Однако при частичной утрате трудоспособности размеры «вознаграждения» определялись местной администрацией, которая нередко шла на невыгодное для рабочего соглашение с предпринимателем. И все же закон обозначал новый этап в развитии рабочего законодательства⁴⁷. По замыслу Витте, его проведение в жизнь создавало предпосылки для перехода через пять лет к государственному страхованию. Это намерение фиксировалось в самом акте 2 июня 1903 г. Предприниматели враждебно восприняли закон. Они пугали Министерство финансов грядущими потрясениями в промышленности, сокращением объема производства и числа рабочих, угрожали перенести расходы по страхованию на потребителей товаров⁴⁸.

Нарастание в стране политического кризиса, вызванного неудачной войной с Японией, активизацией либеральной

44. Там же. Л. 120 об., 365–365 об.

45. Там же. Л. 560.

46. ПСЗ-III. Т. 23. Отд. 1. № 23060.

47. *Puttkamer Jo. v. Anfänge russischer Sozialgesetzgebung. Die Politik der Regierung und die Haltung der Industrie zur Haftung bei Arbeitsunfällen // Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat: Russland in der Spätphase des Zarenreiches.* Frankfurt a/M; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1994. S. 209.

48. *Иванов Л.М. Закон 1903 г. о вознаграждении увечных рабочих и его практическое применение // Рабочее движение в России в период империализма.* М: Институт истории СССР, 1982. С. 92.

оппозиции и волнениями «низов», заставили правительство пересмотреть срок, установленный для введения государственного страхования рабочих. Соответствующий пункт наряду с обещаниями других преобразований содержался в указе 12 декабря 1904 г., подписанном Николаем II по ходатайству сторонника реформаторского курса министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского⁴⁹. Разработка «высочайших предначертаний» возлагалась на Комитет министров под председательством Витте. «Такой высокой важности государственный акт, — отмечалось в журнале заседаний Комитета от 24 декабря 1904 г., — должен оказать на правильную постановку дела страхования рабочих в России такое же влияние, какое имело повеление императора Вильгельма I от 17 ноября 1881 г., наметившее программу преобразований в области дела обеспечения рабочих и послужившее толчком к развитию в Германии законодательства об обязательном страховании рабочих в различных его видах»⁵⁰.

После расстрела мирной демонстрации в Петербурге 9 января 1905 г. распространенная среди высшей бюрократии точка зрения об отсутствии в России «настоящего» рабочего класса и рабочего вопроса была отвергнута. «Возражать против этого взгляда в настоящее время, после январских событий, нет более надобности, — говорилось в журнале заседаний Комитета министров от 28 и 31 января 1905 г., — но зато следует отметить существенную разницу в условиях фабрично-заводской жизни у нас и в государствах Запада, где рабочий вопрос, не испытав на пути своем подобных задержек, является упорядоченным и определен законом. История фабричного законодательства, например Германии, показывает, что государственные люди страны и во главе их князь Бисмарк своевременно оценили значение рабочего вопроса и, настояв на издании наиболее существенных по нему законов (о государствен-

49. ПСЗ-III. Т. 24. № 25495.

50. Журналы Комитета министров по исполнению указа 12 декабря 1904 г. СПб., 1905. С. 90.

ном страховании рабочих, о союзах их, стачках и т.д.), взяли рабочее движение в свои руки»⁵¹.

Официально провозглашенное стремление правительства ориентироваться на опыт Германии пробудило в обществе новую вспышку интереса к законодательству Бисмарка. Никогда еще германская система страхования не была так популярна, как в последующие годы. Появилась масса статей, книг и брошюр, восхвалявших законы 1883–1889 гг. Имя самого «железного канцлера» стало синонимом государственной мудрости. В печати освещались и недостатки германского страхования, но они меркли перед его очевидными достоинствами⁵². Резолюции о необходимости введения страхования рабочих по образцу Германии были приняты на съездах горнопромышленников Юга России (1904, 1906 и 1908 гг.)⁵³ и Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова (1904 и 1907 гг.)⁵⁴, на заседаниях

-
51. Рабочий вопрос в комиссии В.Н. Коковцова в 1905 г.: сборник документов. М.: Вопросы труда, 1926. С. 21–22.
52. Герценштейн М.Я. Государственное страхование рабочих в Германии. М.: кн. маг. И.К. Годубева п/ф. «Правоведение», 1905; Клейнборт Л. К введению государственного страхования рабочих в России // Мир божий. 1905. № 5. С. 44–57; Мошков П.С. Германский закон о страховании рабочих от несчастных случаев и условия применения его для страхования лесных рабочих в России. СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1905; Павлов Ф. Германское страхование и другие способы обеспечения рабочих. Ростов н/Д.: Н. Парамонов «Дон. речь», 1905; Зайцев Д. Государственное страхование рабочих. СПб.: О.Н. Попова, 1906. С. 20–28; Зачинский А. Страхование рабочих на Западе. СПб.: Молот, 1906. С. 23–70; Озеров И.Х. Страхование трудящихся в Германии. М.: Тип. Н.Н. Булгакова, 1906; Оленов М. Государство и страхование рабочих. СПб.: Дело, 1906. С. 40–52; И.П. Очерки по страхованию рабочих на Западе // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1907. № 7. С. 268–275; Мюллер А. Рабочие секретариаты и государственное страхование рабочих в Германии / пер. с нем. СПб.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1907; Игнатов Л.Н. Деятельность немецких промышленных страховых товариществ по предупреждению несчастных случаев. М.: Тип. Рус. т-ва, 1911; Он же. Фабричные больничные кассы в Германии. М., 1912; Рапенак А.В. Страхование рабочих от несчастных случаев в Германии. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1911, и др.
53. Труды XXIX съезда горнопромышленников Юга России. Т. 1. Харьков, 1905. Свод постановлений съезда. С. 17; Труды XXX съезда горнопромышленников Юга России. Т. 1. Харьков, 1906. Свод постановлений съезда. С. 39; Труды XXXIII съезда горнопромышленников Юга России. Т. 1. Харьков, 1909. Свод постановлений съезда. С. 7.
54. Труды IX Пироговского съезда. Т. 4. СПб., 1905. С. 399; Справочный листок X-го съезда Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова. № 9–10. 23 мая 1907 г. С. 257.

Московского общества фабричных врачей (1904, 1907 и 1908 гг.)⁵⁵.

С новыми проектами страхования рабочих выступило Общество для содействия русской промышленности и торговле⁵⁶. «Современное состояние нашего отечества, — подчеркивалось в представлении на имя товарища министра финансов В.И. Тимирязева о Государственной пенсионной кассе, — когда масса населения еще малокультурна и не привыкла к самопомощи, требует государственной помощи и правительственного вмешательства, а это лучше всего осуществится в государственном страховании по принципу германского, но, разумеется, с теми изменениями, которые потребуются вследствие наших русских условий и особенностей народного быта»⁵⁷. Пункт о государственном страховании рабочих содержался в программах левых политических партий, Союза 17 октября, конституционных демократов, свободомыслящих, радикалов, социалистов-революционеров, социал-демократов, Трудовой группы, образовавшейся в Государственной думе первого созыва, и др.⁵⁸

В конце января 1905 г. решением Комитета министров для пересмотра рабочего законодательства была учреждена комиссия во главе с министром финансов В.Н. Кокцовым, в которую вошли многие представители предпринимательских организаций. Уже через два месяца отдел промышленности финансового ведомства предложил на рассмотрение комиссии основные положения четырех проектов: о продолжительности и распределении рабочего времени в промышленных заведениях, об обеспечении вра-

55. Протоколы заседаний Московского общества фабричных врачей в 1903 и 1904 гг. М., 1904. С. 10; Протоколы заседаний Московского общества фабричных врачей в 1907 г. М., 1907. С. 37; Протоколы заседаний Московского общества фабричных врачей за 1908–1909 гг. М., 1909. С. 7.

56. Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. Ч. 27. СПб., 1904. Отд. 1. С. 27–48; Ч. 28. СПб., 1906. Отд. 1. С. 27–48.

57. Там же. Ч. 28. С. 33.

58. Чистяков И. Указ. соч. С. 193–197.

чебной помощью рабочих на предприятиях, об изменении карательных статей законов, касающихся стачек и досрочных расторжений договоров о найме, и, наконец, о государственном страховании рабочих и служащих на заводах, фабриках и горных промыслах. Последний проект в некоторых отношениях шел гораздо дальше своего образца. Если в Германии средства больничных касс составлялись на две трети из взносов рабочих и на одну треть из взносов фабрикантов, то проект предусматривал со стороны хозяев половину платежей. По сравнению с Германией заметно увеличивались расходы предпринимателей и при страховании рабочих от несчастных случаев. При страховании от старости и инвалидности обязательные взносы рабочих и хозяев должны были начисляться в размере 3% от заработка, т.е. вдвое больше, чем в Германии. Пенсию предполагалось выплачивать с 55-летнего возраста (в Германии — с 70 лет)⁵⁹.

Однако столь значительные уступки рабочим вызвали дружный протест предпринимателей. Выступая за государственное страхование, они надеялись, что его введение будет осуществляться поэтапно и в достаточно умеренных масштабах. В записке, представленной в комиссию Санкт-Петербургским обществом для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности 3 мая 1905 г., хозяева доказывали, что немедленная реализация предложенных мер обернется катастрофическими последствиями для отечественной индустрии. «В Германии, — писали они, — государственное страхование зародилось и постепенно выросло на тучной почве, удобренной французскими миллиардами, в период расцвета промышленной жизни и высшего подъема государственного и общественного творчества; в России же замышляется провести в жизнь внезапно целый ряд чрезвычайной важности мер в такое время, когда и без того слабая и неокрепшая

59. Рабочий вопрос в Комиссии В.Н. Коковцова в 1905 г. С. 110–132.

промышленность испытывает вследствие исключительных обстоятельств тяжелый, затяжной кризис»⁶⁰. Острой критике подверглись и другие законопроекты. Вскоре предприниматели отказались от дальнейшего участия в деятельности комиссии, и через некоторое время она была распущена.

Неудача первой попытки не остановила правительство. Учрежденное в октябре 1905 г. Министерство торговли и промышленности провозгласило «новый курс» в рабочем вопросе. В апреле 1906 г. состоялись заседания Особого совещания с участием представителей ведомств и предпринимательских организаций под председательством управляющего министерством М.М. Федорова. Программа занятий этого органа была довольно обширна и включала обсуждение проектов о порядке найма рабочей силы, продолжительности рабочего дня, страховании, строительстве дешевого жилья, фабричной инспекции, окружных фабричных присутствиях и промысловых судах. Однако в обстановке начавшегося спада революции совещание отказалось от некоторых замыслов комиссии В.Н. Коковцова и во многом пошло навстречу требованиям предпринимателей, в том числе и в области страхования рабочих⁶¹. Авторы объяснительной записки к проектам министерства признавали германское страховое законодательство наиболее совершенным и перечисляли благоприятные обстоятельства, способствовавшие успеху политики Бисмарка: небольшая и густозаселенная территория страны; высокий уровень развития промышленности, культуры и общественной «самодетельности»; наличие системы страховых учреждений; «корпоративный строй» предпринимателей и рабочих. Они повторяли прежнюю аргументацию об особенностях России, затрудняющих введение государственного страхования: огромная территория с редким, многонациональным и в основном неграмотным населением; недостаточное раз-

60. Там же. С. 58.

61. Труды XXXI съезда горнопромышленников Юга России. Т. 1. Харьков, 1907. Материалы по пересмотру рабочего законодательства. С. 17–37.

витие промышленности и путей сообщения; социальная отсталость рабочих и их неподготовленность к участию в общественных организациях и др. Авторы утверждали, что если в Германии страхованием охвачены почти все категории рабочих, то в России такой шаг встретит «неодолимые препятствия»⁶². Собрание отклонило подготовленный комиссией В.Н. Коковцова проект страхования рабочих от старости и инвалидности. Это было самой крупной уступкой предпринимателям. Взамен для накопления пенсионного фонда предусматривалось создание на фабриках и заводах сберегательных касс, средства которых составлялись из взносов их участников и приплат владельцев предприятий⁶³. Но собрание не сыграло самостоятельной роли, и его материалы использовались другими правительственными комиссиями.

Разработка страхового законодательства возобновилась с приходом к власти П.А. Столыпина, назначенного в апреле 1906 г. министром внутренних дел, а в июле того же года – одновременно председателем Совета министров. Он восхищался социальной политикой Бисмарка еще на заре своей карьеры. В ноябре 1902 г., будучи предводителем дворянства Гродненской губернии, он выступал в губернском комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности и указывал на необходимость учета германского опыта в деле страхования рабочих. «Нет более спокойной и лояльной страны, как Германия, – говорил Столыпин. – Не рискуя впасть в ошибку, можно с полной достоверностью сказать, что государственного переворота в ней не будет. Социализм в Германии – скорее академический вопрос, и предохранительный клапан распространения социализма и социалистических идей – страхование рабочих, к которому ныне прибегают в Германии весьма широко»⁶⁴.

62. Там же. С. 66–67.

63. Там же. С. 34–37.

64. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XI. Гродненская губерния. СПб., 1903. С. 32.

По распоряжению главы правительства в декабре 1906 г. и феврале-марте 1907 г. заседало Особое совещание под председательством нового министра торговли и промышленности Д.А. Философова⁶⁵. Совещание попыталось вернуться к исходной программе комиссии В.Н. Коковцова. Философов и его сотрудники делали ставку на свободу трудовых отношений между рабочими и предпринимателями, легализацию стачек и профсоюзов. Министерство вынесло на обсуждение законопроекты, которые ранее рассматривались в Совещании М.М. Федорова. Кроме того, отдел промышленности подготовил новую редакцию проекта страхования рабочих от старости и инвалидности и Положение о страховых судах (по образцу третейских судов в Германии). 6 марта 1907 г. Столыпин зачитал в Государственной думе второго созыва правительственную декларацию о намеченных преобразованиях, в которой особо подчеркнул потребность в коренном пересмотре трудового законодательства⁶⁶.

Однако политическая ситуация в стране не благоприятствовала либерально-реформистскому курсу торгово-промышленного ведомства. После поражения революции начались быстрое свертывание и деформация программы правительства по рабочему вопросу. Высшая бюрократия с недоверием воспринимала перспективу освобождения «фабричного люда» от привычного административного контроля, что явно противоречило вековым традициям российской государственности. Подобную возможность допускали, пока империя переживала социальные потрясения. Против кардинальной реформы трудового законодательства выступали и предпринимательские круги, которые всячески содействовали полицейским властям в рас-

65. Стенографический отчет Особого совещания при Министерстве торговли и промышленности под председательством министра торговли и промышленности штаалмейстера Д.А. Философова для обсуждения законопроектов по рабочему законодательству. Ч. 1–2. СПб, 1907.

66. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. Т. 1. СПб, 1907. С. 116–117.

правах с профсоюзными активистами, широко применяли локауты, фильтрацию рабочего состава, «черные списки» и т.п.⁶⁷

В позициях руководимого Столыпиным Министерства внутренних дел и торгово-промышленного ведомства обозначились принципиальные расхождения. Глава правительства, как и Бисмарк, стремился сочетать социальные мероприятия, которые мыслились им в государственно-попечительском духе, с репрессиями против революционеров, стачек и профсоюзов. 16 ноября 1907 г., выступая в Государственной думе третьего созыва, он вновь говорил о задачах правительства в решении рабочего вопроса, но на этот раз упомянул лишь о «государственном попечении о неспособных к труду рабочих»⁶⁸. Это было единственное, что уцелело от еще недавно обширной реформаторской программы Министерства торговли и промышленности. Но и в области государственного страхования произошло значительное отступление от первоначальных намерений. В результате оппозиции промышленников были отложены на неопределенный срок проекты страхования рабочих от старости и инвалидности и Положения о страховых судах.

28 марта 1908 г. в Совет министров были представлены 4 законопроекта: об обеспечении рабочих на случай болезни, страховании от несчастных случаев, страховых присутствиях и Главном страховом совете⁶⁹. По указанию Столыпина для их обсуждения было созвано межведомственное совещание под председательством товарища министра торговли и промышленности М.А. Остроградского. Страховые законопроекты подверглись острой критике со стороны участвовавших в совещании представителей предпринимательских организаций, которые считали их чрезмерно «радикальными» для России.

67. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л.: Наука, 1984. С. 308.

68. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия первая. Т. 1. СПб., 1908. С. 309.

69. РГИА. Ф. 1276. Оп.4. Д. 125. Л. 13–177 об.

Сильное недовольство выразили и чиновники Министерства внутренних дел, полагавшие, что торгово-промышленное ведомство полностью устранило губернскую администрацию от надзора за страховыми учреждениями и, в первую очередь, — за больничными кассами. По мнению члена Совета министра внутренних дел И.Я. Гурлянда, это будет только способствовать усилению революционного движения. «С учреждением касс, — заявил он, — названное движение получит твердую почву, ибо кассы эти дают в руки рабочих два самых существенных орудия для социалистических партий: организацию и деньги. Из опыта Германии видно, что законы о страховании рабочих в конце концов привели к усилению социал-демократии; то же, очевидно, будет и у нас»⁷⁰. Министерство торговли и промышленности отвергло эти доводы. С его точки зрения, «увеличение приверженцев этой партии в Германии должно быть отнесено к громадному росту германской промышленности за последние двадцать лет, вызвавшему чрезвычайное увеличение рабочего населения». И именно законы Бисмарка «привели к заметному умерению вредного направления германского социализма»⁷¹.

Министерство пыталось оградить проектируемые страховые органы от опеки полиции и вмешательства губернских властей. Предполагалось, что страховые присутствия в губерниях и Главный страховой совет в Петербурге будут находиться в ведении торгово-промышленного ведомства и возглавляться его должностными лицами. В противном случае, подчеркивало Министерство, предполагаемая реформа лишалась всякого социального значения. И все же по настоянию Министерства внутренних дел оно было вынуждено включить в проект статьи, которые устанавливали карательные меры за созыв общего собрания участников больничной кассы без разрешения местной администрации и не предусмотренное уставом расходование денежных средств.

70. Там же. Л. 196 об. —197.

71. Там же. Л. 197 об. —198.

Но ведомство Столыпина требовало права полного контроля над всеми страховыми учреждениями⁷². Вследствие ожесточенных дебатов работа совещания зашла в тупик, и в середине апреля оно прекратило свое существование. В законопроекты были внесены только те изменения, по которым удалось достичь соглашения⁷³. Все оставшиеся спорными вопросы подлежали решению Совета министров.

Правительство целиком встало на сторону Министерства внутренних дел. «В намечаемой этими законопроектами постановке настоящего дела, — отмечалось в Особом журнале заседаний, датированном 17 и 19 июня 1908 г., — усматриваются ближайшие черты сходства с соответствующими мероприятиями германского законодательства, построенного на началах широкого доверия к здоровой общественной самодеятельности культурного и политически развитого рабочего класса. [...] Заимствованное из германского законодательства общее построение предначертанных Министерством торговли и промышленности мер должно быть проведено, однако, в подлежащих законопроектах с внимательным соображением особенностей русской жизни и без нарушения коренных основ существующего у нас административного строя». Между тем, говорилось далее, проекты не обеспечивают бдительного правительственного надзора за деятельностью страховых учреждений. «Не следует забывать, — указывал Совет министров, — что русское фабричное и заводско-промышленное население не составляет такого сплоченного и, в общем, достаточно культурного класса, каким являются рабочие в Западной Европе. Предоставленное самому себе, оно может быть захвачено крайними партиями, ведущими среди фабричных рабочих настойчивую пропаганду и широко воспользовавшимися их силами во время революционной смуты последних лет»⁷⁴.

72. Там же. Л. 205–209.

73. Там же. Л. 212–244 об.

74. Там же. Л. 411–411 об.

Опасаясь превращения страховых учреждений в «опорные пункты» революционного движения, Совет министров не только одобрил все поправки и изменения, внесенные в ходе Совещания Остроградского, но и еще более усилил контролирующие функции полицейских органов и губернских властей. Это означало полное поражение торгово-промышленного ведомства в столкновении с Министерством внутренних дел. Для дальнейшего прохождения законопроектов через Думу и Государственный совет потребовалось еще целых четыре года. После утверждения в Совете министров они поступили в думскую комиссию по рабочему вопросу, которая заседала с марта 1909 г. по май 1910 г. Члены комиссии тщательно изучили германское законодательство и сопоставили его с правительственными проектами. При этом они широко использовали собранные в Германии богатые статистические материалы, отражавшие уровень эффективности государственного страхования рабочих⁷⁵. Комиссия учла пожелания ведущих предпринимательских организаций. В заново отредактированных проектах оказание врачебной помощи рабочим возлагалось не на хозяев (как это предусматривалось ранее), а на больничные кассы (по примеру Германии); несколько ограничивался административно-полицейский надзор за страховым делом.

Прения в самой Думе начались лишь в апреле 1911 г. и завершились в марте 1912 г. Председатель Комиссии по рабочему вопросу барон Е.Е. Тизенгаузен заявил, что представленные для обсуждения проекты представляют собой «сколок с германского образца». Он не поскупился на похвалы законодательству Бисмарка. «Принудительное страхование, — сказал Тизенгаузен, — имело громадное благотворное влияние на народную и государственную жизнь Германии. Будем, господа, надеяться, что у нас эти меры дадут такие же плоды»⁷⁶. Правые партии и Союз 17 октя-

75. Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3380.

76. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Ч. 3. СПб. 1911. С. 2304, 2683.

бря заняли единую позицию и отстаивали думский вариант законопроектов. Кадеты также выражали желание поддержать проекты, но только в редакции Министерства торговли и промышленности 1908 г. «Трудовики» и социал-демократы требовали распространения государственного страхования на все категории рабочих⁷⁷.

Совет министров отрицательно отнесся к «новелле Тизенгаузена» об оказании врачебной помощи рабочим больничными кассами, учитывая скудость средств этих учреждений. Вместе с тем в обстановке нового подъема рабочего движения правительство старалось избежать провала страховой реформы и форсировать утверждение законопроектов. Преемник убитого Столыпина на посту председателя Совета министров В.Н. Коковцов и министр торговли и промышленности С.И. Тимашев приложили все усилия, чтобы убедить правых и «октябристов» отклонить поправку думской комиссии. Под нажимом правительства эти партии изменили свою точку зрения. 10–11 января 1912 г. Дума приняла законопроекты большинством голосов⁷⁸.

Рассмотрение законопроектов в Государственном совете (апрель–май 1912 г.) происходило в атмосфере общественного негодования и стремительно поднявшейся волны забастовок после расстрела рабочей демонстрации на Ленских приисках⁷⁹. Поэтому последние попытки предпринимателей изменить законопроекты в свою пользу не имели успеха. С большой речью в защиту государственного страхования рабочих выступил член Совета С.Ю.Витте, считавшийся в «верхах» крупнейшим авторитетом в области трудового законодательства. Он указал на острую необходимость «отеческой заботы» правительства о «слабых и темных», часто попадающих в «коварные сети» революционных агитаторов. «Эту простую мысль, —

77. Аврех А.Я. Столыпин и Третья дума. М.: Наука, 1968. С. 252–266.

78. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Ч. 2. СПб., 1912. С. 67, 107.

79. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. С. 405–106.

говорил Витте, — не только понял, но ранее всех привел в исполнение гениальный великий канцлер, — и вот почему мы видим, что нигде рабочий класс так не государственен, как в Германии»⁸⁰. По инициативе Министерства внутренних дел Государственный совет восстановил прежние пункты о надзоре за страховыми учреждениями, и в этой окончательной редакции законопроекты были утверждены 2 мая 1912 г.⁸¹ После того, как 23 июня 1912 г. их скрепил своей подписью император, они стали законами⁸².

Каков же был итог столь продолжительных законодательных работ? Несмотря на неоднократные заверения творцов законов 1912 г. о решимости следовать по пути, предначертанному Бисмарком, эти акты далеко не во всем соответствовали избранному образцу. Отсутствие страхования от старости и инвалидности, которое в Германии было основой системы социальной защиты рабочих, значительно снижало эффективность всего страхового законодательства. Законы о страховании от болезни и несчастных случаев распространялись лишь на 20% рабочих (3 млн чел.)⁸³. Они не охватывали огромные территории Сибири и Средней Азии. Здесь продолжали действовать Правила 3 июня 1903 г. Но и в Европейской России, и в кавказских губерниях страхованию подлежали только частные фабрично-заводские, горнозаводские, железнодорожные, судоходные по внутренним водам (рекам, каналам, внутренним морям, озерам) и трамвайные предприятия. За пределами действия законов оставались рабочие, занятые на казенных предприятиях и железных дорогах, в сельском хозяйстве, строительстве и внешнем судоходстве.

Заметные различия в законодательстве России и Германии наблюдались и по отдельным отраслям страхо-

80. Государственный совет: Стенографические отчеты. 1911–1912 гг. Сессия седьмая. СПб., 1912. С. 3402.

81. Там же. С. 3839, 3841–3842.

82. ПСЗ-III. Т. 23. Отд. 1. № 37444, 37445, 37446, 37447.

83. Лаврышев В.Я. Указ. соч. С. 241.

вания. Согласно закону 1912 г. о страховании от болезни, оплата врачебной помощи рабочим в частных, городских и земских лечебных учреждениях возлагалась не на больничные кассы (как в Германии), а на самих предпринимателей. Деятельность касс сводилась к выдаче денежных пособий на период болезни. Взносы рабочих в страховой фонд были лишь в 1,5 раза больше взносов владельцев предприятий (в Германии — в 2 раза). Это диктовалось невозможностью установления для рабочих слишком высоких платежей. Вместе с тем размеры пособий были гораздо ниже, чем в соседней империи. Кроме того, если в Германии существовало 7 видов больничных касс, то в России создавались только фабричные кассы при отдельных предприятиях, где господствовал хозяин и рабочему было труднее отстаивать свои права. Декларированное самоуправление больничной кассы было фикцией, поскольку она фактически отдавалась во власть предпринимателя и под строжайший надзор администрации. Общее собрание кассы должно было состоять из уполномоченных от рабочих численностью не более 100 чел. (в Германии — до 500 чел.) и из представителей владельца предприятия, имеющих $\frac{2}{5}$ голосов. Председатель собрания мог назначаться только хозяином. Поскольку все решения принимались большинством в $\frac{2}{3}$ голосов, то рабочие не могли играть определяющей роли в делах кассы. Число членов правления по выборам от рабочих только на одного человека должно было превышать количество членов, назначенных работодателем, которому, к тому же, полагалось вести заседания.

Вся деятельность касс контролировалась присутствием по делам страхования рабочих под председательством губернатора. В него входили чиновники разных ведомств, представители земства, городской Думы, владельцев предприятий и рабочих, причем последние не избирались, а приглашались губернатором. Присутствия обладали правом ревизовать наличность касс, утверждать выборных лиц, отстранять членов правления за «неблагонадежность».

Кассы находились и под бдительным надзором органов Министерства внутренних дел. Правление должно было извещать местную полицию обо всех общих собраниях с указанием вопросов, подлежащих обсуждению. На них обязательно присутствовал полицейский чин, который мог давать предостережения ораторам и даже закрывать собрание по своему усмотрению. Правительство не решилось предоставить рабочим самую минимальную гражданскую самостоятельность. В Германии страхованием рабочих от болезней ведали местные власти, но их функция заключалась лишь в утверждении уставов, инструкций и правил при создании больничной кассы.

Страхование от несчастных случаев, как и в Германии, осуществлялось за счет предпринимателей, объединенных в товарищества по типу акционерных обществ. Однако действующая в соседней империи организация товариществ по отраслевому признаку была признана слишком громоздкой и неудобной. Ориентируясь на пример Австро-Венгрии, правительство предпочло территориальный принцип и учредило страховые округа. Взамен принятой в Германии раскладочной системы уплаты предпринимателями взносов в страховой фонд была введена австрийская система капитализации пенсий. Но самыми важными отступлениями от германского образца являлись отказ от создания третейских судов с равным участием рабочих и работодателей и передача всех спорных дел о компенсации за производственный травматизм юрисдикции местных судов. Это обрекало рабочих на длительное и дорогостоящее судебное разбирательство, в ходе которого владелец предприятия обладал гораздо большими шансами на решение вопроса в свою пользу.

Общий контроль над страхованием рабочих в стране возлагался на Совет по делам страхования под председательством министра торговли и промышленности. Он формировался из представителей центральных ведомств, Петербургского земского собрания, Петербургской город-

ской думы, предпринимателей и участников больничных касс (рабочие приглашались по выбору председателя Совета). В отличие от германского Имперского страхового управления Совет не был высшей апелляционной инстанцией, определявшей в спорных случаях сумму пособия. В состав управления не входили представители ведомств. Его постоянные члены назначались императором пожизненно, что делало их положение более прочным и самостоятельным. Временные члены (от Союзного совета Германской империи, предпринимателей и рабочих) подлежали обязательному избранию.

Отказ от ряда принципиальных положений германского законодательства объяснялся не только объективными причинами (значительным экономическим отставанием России от Германии, различиями в социальной структуре населения, отсутствием достаточных финансовых ресурсов и необходимой правовой базы), но и слабостью реформаторских потенций самодержавия, обусловленной особенностями государственного устройства империи, традициями политической культуры и консерватизмом правящей элиты.

Права рабочих на страхование по болезни и от несчастных случаев на практике зачастую нарушались хозяевами и ограничивались администрацией⁸⁴. Законы 1912 г. так и не были полностью проведены в жизнь к моменту Февральской революции 1917 г. И все же следует признать позитивное влияние германского законодательства. Страховые законы стали очередным шагом самодержавной монархии к созданию правового государства. При эволюции политического режима в перспективе могли возникнуть новые возможности для реформирования институтов государственного страхования. Но если становление и развитие германского законодательства происходило в

84. Шельмагин И.И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. С. 229–269; Иванов А.М. Страховой закон 1912 года и его практическое применение // Отечественная история. 1995. № 5. С. 73–87.

мирные десятилетия европейской истории, то подготовка российских законов началась в период революции 1905–1907 гг. и завершилась накануне Первой мировой войны и крушения империи.

Б.М. Шпотов*

ЗАРУБЕЖНАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ:
ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ И РОЛЬ
В ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СССР
В 1930-е гг.

Если об иностранных концессиях периода нэпа и о ленд-лизовских поставках в Великую Отечественную войну советские историки писали, хотя и весьма скупо, во времена «холодной войны», то о платной технической помощи Советскому Союзу в годы индустриализации не вспоминали, хотя о сотрудничестве с компанией Форда, «Дженерал электрик» и с десятками других крупных и средних фирм сообщала вся советская печать конца 20-х – начала 30-х гг. Догматические представления о незначительности экономических связей и научно-технического сотрудничества с Западом, в частности, с Соединенными Штатами в межвоенный период, стали в конце XX столетия пересматриваться¹, появились и документальные публикации². Но традиционная точка зрения о враждебном капиталистическом окружении, изоляции СССР и проведении

* Шпотов Борис Михайлович – д.ист.н., проф., ведущий научный сотрудник сектора экономической истории Института экономики РАН.

1. Касьяненко В.И. Страна Советов и США: опыт и уроки сотрудничества в 20-х – начале 30-х годов. М.: Знание, 1989; Шишкин В.А. Цена признания: СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924–1929 гг.). СПб.: Наука, 1991.
2. Россия и США: торгово-экономические отношения. 1900–1930. Сб. документов / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Наука, 1996; Россия и США: экономические отношения, 1917–1933. Сб. документов / Под ред. Г.Н. Севостьянова и Е.А. Тюриной. М.: Наука, 1997; Россия и США: экономические отношения, 1933–1941. Сб. документов / Под ред. Г.Н. Севостьянова и Е.А. Тюриной. М.: Наука, 2001.

индустриализации «своими силами» показала свою живучесть³. Появился ряд теоретических работ о модернизации по-советски, «догоняющей» модели развития и мобилизационном типе экономики (в дополнение к ее характеристике как командно-административной), но и в них не раскрыта проблема соотношения «своего» и «заимствованного». Индустриализация дает богатый фактический материал для размышлений.

Как, например, понимать проведение «догоняющей» модернизации своими силами? Откуда взялись в обстановке «изоляции и закрытости» гигантские предприятия, невиданные даже в Европе, и принципиально новые для России технологии, ноу-хау? Появились ли в конце 20-х гг. у советских инженеров и изобретателей возможности, превосходившие НИОКР крупнейших капиталистических фирм, чтобы в считанные годы или месяцы самостоятельно разработать «свои» сборочные конвейеры, тракторы, электролампы с вольфрамовой нитью, новейшие конструкции доменных печей и прокатных станков, и многое другое, а также создать проекты соответствующих предприятий?

Нужны ли еще доказательства?

Есть все основания считать индустриализацию СССР и грандиозным процессом мобилизации внутренних ресурсов, и одним из самых масштабных технико-технологических трансфертов XX столетия. Специальные исследования⁴ показали, что «мобилизационная» экономи-

3. Россия в контексте мирового развития: история и современность / Сост. Н.М. Арсентьев, Л.И. Бородин. М.: Собрание, 2011. С. 44–45; *Цедилин А.И.* Протекционизм в российской экономической политике: исторический институциональный опыт. Препринт доклада в Институте экономики РАН. М.: ИЭ РАН, 2011. С. 21–27 («Изоляционизм эпохи социалистической индустриализации»).

4. См., в частности: *Шнотов Б.М.* Бизнесмены и бюрократы: американская техническая помощь в строительстве Нижегородского автозавода, 1929–1931 гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М.: РОССПЭН, 2003. С. 191–232; *Он же.* Участие американских промышленных компаний в советской индустриализации, 1928–1933 гг. // Экономическая

ка и опора на собственные силы не помешала СССР стать участником мировых хозяйственных связей, а они, как известно, выражаются в перемещении технологий, товаров, капиталов и рабочей силы. «Мобилизация» касалась и их. Советское правительство активно добивалось, с первых лет советской власти, не только дипломатического признания, но и экономического равноправия и взаимовыгодного сотрудничества, и эти усилия в большинстве случаев приносили плоды.

Имела место не самоизоляция, а прагматичная политика заимствования всего полезного для индустриализации, включая наем иностранных специалистов и квалифицированных рабочих по трудовым контрактам, и отправка на зарубежные стажировки сотен советских инженеров, техников и рабочих — под строгим, конечно, контролем пролетарского государства. Следуя сталинской линии, А.И. Микоян на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. заявил о необходимости замены не оправдавших себя концессий технической помощью — покупкой чертежей, патентов, технических консультаций. «...Мы скупиться и экономить на этом деле не должны. То, что уже известно и опытом проверено за границей, нам нечего вновь выдумывать, тратя громадные материальные и интеллектуальные силы»⁵.

Покупки эти, конечно, велись на свои средства, за валютную выручку от экспорта, без внешних займов, но ввоза машинной техники и других готовых изделий было недостаточно. Сторонники «изоляции» признавали факт их импорта, но не технической помощи, которая заключалась в другом. Для создания новых заводов по производству отечественных аналогов требовался интел-

история. Ежегодник. 2005. М.: РОССПЭН, 2005. С. 172-196; *Он же*. Американский фактор в индустриальном развитии СССР 1920–1930 гг. Препринт доклада в Институте экономики РАН. М.: ИЭ РАН, 2009; *Friedman E.* Russia in Transition. A Business Man's Appraisal. N.Y., 1932; *Sutton A.C.* Western Technology and Soviet Economic Development, 1917–1930. Stanford (Calif.), 1968; *idem.* Western Technology and Soviet Economic Development, 1930–1945. Stanford (Calif.), 1971.

5. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 1099–1100.

лектуальный продукт — ноу-хау, запечатленный в патентах, лицензиях, проектной документации. В создании собственной крупной индустрии, не зависящей от импорта, и состояла конечная цель индустриализации. Импортные товары отражались в статистике внешней торговли и измерялись в физических или стоимостных показателях, а плата за технологии и проекты включалась в сметы реализации техпомощи по конкретным объектам, и эти неучтенные в статьях импорта расходы могли показаться несуществующими. Русские, писал в 1930 г. влиятельный американский журнал «Nation's Business», берут у нас не то, что мы производим, а наши знания и умения, и на этом основана их пятилетка⁶.

Конечно, «брать» и «доставать» то, что отсутствовало в стране, было невероятно трудно. Это не только оплачивать заказы в валюте при ограниченных возможностях ее получения, форсируя экспорт в западные страны леса, зерна, продуктов первичной переработки нефти⁷, руд цветных металлов и др., лишая страну части сырья, но и работать при острой нехватке квалифицированных кадров, в обстановке тотального внутреннего кризиса снабжения. Перевод народного хозяйства на собственную основу должен был состояться не в начале, а в итоге процесса создания отечественного промышленного потенциала, ставшего вторым по величине после американского.

После Рапалльского договора с Германией 1922 г. восстановилась ее позиция как основного экономического партнера России, включая оказание технической помощи, но интерес советских политических и хозяйственных руководителей к достижениям американской индустрии был совершенно особым. Такой мощной промышленности не имели даже Германия и Великобритания. Массовое производство и скоростное строительство стали «визитной

6. «Why I Am Helping Russian Industry». Henry Ford in an interview by W.A. McGarry // Nation's Business. 1930. June. P. 20.

7. Тогда сырую нефть вывозили в незначительном количестве.

карточкой» заокеанского бизнеса. В СССР все чаще приезжали американские журналисты и бизнесмены, в США — советские хозяйственные руководители, инженеры и рабочие для изучения производства и практического обучения. Готовность Советского Союза установить связи с американскими компаниями отвечала их целям экономической экспансии. Заводы-гиганты редко строились в Европе из-за нехватки капиталов, отставания системы управления и меньших, чем у США, источников сырья и рынков сбыта. Другие экономические партнеры царской России — Бельгия, Франция, Швейцария, Швеция представляли для большевиков меньший интерес, ограниченный спросом на отдельные технические достижения, в которых преуспели их фирмы.

Наибольший интерес советских инженеров и «красных директоров» вызывали определявшие технический прогресс нефтеперерабатывающие, машиностроительные, автомобильные, тракторные, химические заводы и проектно-строительные компании США — с точки зрения масштабов и организации производства, техники и технологии, количества и качества продукции, словом, того, что планировалось соединить с «преимуществами социализма».

Из научной организации труда (производственного менеджмента) советским специалистам особенно импортировали рекомендации Ф.У. Тейлора и Г. Форда. Но на первом плане была техника — согласно учению К. Маркса, нейтральная по отношению к способу производства. Отсюда следовал простой и казавшийся бесспорным вывод: раз техника работает на капиталистов, она еще лучше будет служить трудящимся. Если концессии содержали чуждый социализму капиталистический элемент, то технику можно ввозить без всяких ограничений. «Буржуазные» стороны бизнеса — реклама, маркетинг, акции и биржи, кредиты и банки — их не интересовали. Поскольку при социализме нет рыночной стихии, экономических кризисов, частного присвоения прибылей (так называли в СССР

выплату дивидендов), безработицы и забастовок, то высокопроизводительные предприятия американского типа помогут быстро поднять экономику советской страны на небывалую высоту.

В годы Великой депрессии экономические связи США и СССР, основанные на валютной платежеспособности Союза, значительно ослабли — импорт ряда советских товаров, произведенных, по американским сведениям, трудом политзаключенных и ссыльных, запрещался таможенными правилами 1930 г. (отменены в 1934 г.), а поставки в кредит, которых настойчиво добивался СССР, не удавались. Это отклонило «маятник» внешней торговли в сторону Германии, Великобритании и других стран Европы, а в конце 1930-х гг. опять к США, где появилась новая продукция, важная как для гражданского, так и военного сектора — дальняя авиация, высокооктановый бензин, радиоэлектроника различного назначения и телевещание.

В годы индустриализации требовалось за десяток лет «пробежать» тот путь, который у передовых капиталистических стран занял почти полтора столетия. Иначе, утверждал И.В. Сталин, «нас сомнут». Формула В.И. Ленина: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны», осталась бы пропагандистским лозунгом, не будь компании «Дженерал Электрик», а идея И.В. Сталина посадить «СССР на автомобиль, а мужика на трактор» канула бы в Лету без американской помощи в строительстве автомобильных и тракторных заводов. Без участия американских и европейских фирм не появились бы в считанные годы Днепрогэс, Магнитогорский металлургический комбинат, Нижегородский автозавод, авиационные и химические заводы. Помимо создания новых отраслей и постройки только в первую пятилетку 500 крупнейших предприятий предстояло модернизировать массу старых и усвоить скоростные методы строительства.

Поставить коробки цехов, заполнить их новейшим оборудованием и научиться на нем работать могло пока-

заться, на первый взгляд, не слишком сложной задачей. Но реальные трудности начинались буквально на всех объектах, как только приступали к их возведению, и когда пускали с огромными усилиями смонтированные цеха. Инженеры из США, приехавшие на строительство Нижегородского автозавода, отмечали, что русские хотят иметь все и сразу и одержимы «идеей кнопки». Увидев, что в Америке достаточно нажать кнопку — и все сделано, они мечтают иметь такую же у себя. Однако их «кнопка» — без механизма: чтобы она сработала, нужна, по меньшей мере, волшебная лампа Аладдина. В Америке множество волшебных кнопок, но за ними не меньше четверти века эффективности и индустриального прогресса⁸.

Бывший руководитель «Амторга», экономист и инженер П.А. Богданов писал в «Правде», что «десятки комиссий и сотни инженеров, побывавших в США, говорили: осмотрев европейские предприятия, мы, однако, только в Америке нашли то, что сможет быть действительно наилучшим образом применено в Советском Союзе»⁹. Но ознакомительных экскурсий на заводы и фабрики США совершенно недостаточно. Необходимо было изучать производство на практике, для чего полезны стажировки, а в СССР нужно создавать свою техническую культуру — систематически накапливать производственный опыт, изучать зарубежный и готовить кадры, способные быстро претворять в жизнь новые технические идеи, как в Америке. «Американцы имеют сложившиеся навыки, позволяющие быстро находить наиболее целесообразное и простое решение; к их услугам — ценнейшие архивы чертежей, лаборатории, научно-исследовательские институты, тесно связанные с промышленностью»¹⁰. Методы их работы —

8. Шпотов Б.М. Болезни роста или синдром кнопки: как приживались в СССР американские промышленные технологии в годы первой пятилетки // Русское открытие Америки: сб. статей / Под ред. А.О. Чубарьяна. М.: РОССПЭН, 2002. С. 319.

9. Правда. 1935. 20 июня.

10. Россия и США: экономические отношения, 1933–1941. С. 107.

широкая специализация, механизация, стандартизация, поточное производство, конвейеры, специальные станки и автоматы. «Эти методы могут и должны быть восприняты нами. Но у нас для этого еще не хватает инженеров вообще, а опытных инженеров в особенности»¹¹.

Синергия и торможение в деятельности частных компаний

В процессе развития организаций возникают либо синергические, усиливающие эффекты – в результате соединения, интеграции, слияния отдельных частей процесса в единую систему, либо реакции сопротивления различной силы. Последние называются уравновешивающими обратными связями, возвратными процессами, консервативными тенденциями, для выявления, преодоления и профилактики которых консультанты бизнеса выработали методические рекомендации¹². Оба явления – такая же норма функционирования экономики, как подъемы и кризисы.

Промышленность Америки развивалась органически и последовательно, с достижением синергических эффектов. Интеграция взаимосвязанных звеньев производства, присоединение к ним сбыта готовой продукции, иногда источников сырья при централизованном управлении снижали транзакционные издержки, неизбежные при разобщенности этих звеньев у разных владельцев, и появлялась возможность расширять производство. Координация и синхронизация всех частей бизнеса в едином исполнительном механизме фирмы давали эффект синергии. Он воплощался в развертывании массового производства и сбыта за счет максимального ускорения всех операций,

11. Там же. С. 105–107.

12. Коттер Дж. П. Впереди перемен / Пер. с англ. М.: Олимп–Бизнес, 2003; Сенге П., Клейнер А. и др. Танец перемен: новые проблемы самообучающихся организаций / Пер. с англ. М.: Олимп–Бизнес, 2003.

если это было возможно технически, снижении себестоимости (эффект масштаба) и расширении рынков сбыта путем ценовой конкуренции. Методами слияния и поглощения создавались холдинги, управлявшие несколькими дополняющими друг друга фирмами, в число которых могли войти банки, добывающие и транспортные компании. Так развивался в США «большой бизнес» индустриальной эпохи.

Основанная в 1903 г. компания Форда дала классический пример эффективного роста и развития. Созданная в виде небольшого, кустарно оборудованного сборочного завода, покупавшего автодетали и комплектующие, она за 10 лет, благодаря реинвестированию прибылей, выросла в крупную компанию с центральным заводом полного цикла, филиальными сборочными заводами в ряде штатов и за рубежом и сбытом фирменной продукции через дилерскую сеть. Эффект синергии дали простота конструкции массового автомобиля, поточно-конвейерный метод выпуска и снижение цен по мере расширения производства и спроса. Освоение конвейера происходило поэтапно, экспериментальным путем и заняло четыре года (1913–1917), а все решения по бизнесу принимало руководство компании. Эффекта торможения при синергии производства и спроса не возникало, пока он не появился в середине 1920-х гг. вследствие стратегических просчетов самоуверенного «автомобильного короля».

Генри Форд непрерывно наращивал выпуск моделей «Т» базового образца 1908 г., которые принесли ему славу и успех, ежегодно снижая цены и доведя его почти до 10 тыс. ед. в день (!), как собранных, так и разобранных для перевозки и сборки на местах, но игнорировал падение на них покупательского спроса и конкуренцию других марок. Создалось резкое торможение на участке сбыта, так что пришлось остановить и полностью переоборудовать производство, настроенное на выпуск устаревшей модели, чтобы поставить на поток другую, затем следующую модель и

т.д.¹³. Помимо громадных затрат на замену станочного парка, компания утратила абсолютное первенство на авторынке США и уступила корпорации «Дженерал Моторс», которая объединяла несколько фирм. Она выработала гибкую стратегию выпуска различных марок автомобилей и частой смены моделей.

Развитие GM на начальном этапе тормозилось авантюристической политикой скупки активов разных автопроизводителей, чтобы путем финансовых комбинаций создать альянс и захватить большую долю рынка. На совершенствование техники и менеджмента не оставалось средств. Корпорация брала займы в банках и увязла в долгах, пока не перешла под временный контроль оплатившего их химического концерна «Дюпон де Немур». Смена руководства и реформирование менеджмента позволили преодолеть тормозящие факторы и вдохнуть новую жизнь в объединенную фирму, ставшую лидером американского автостроения.

Легко заметить важнейшую особенность тормозящего эффекта: **он возрастал пропорционально усилиям по продвижению той или иной идеи, реформы или стратегии.** В рассмотренных ситуациях отрицательно реагировало внешнее окружение – потребительский рынок или банки. В других случаях сопротивление могли вызвать радикальные перемены, не популярные в фирме, – например, реструктуризация и сокращение штатов. Волна таких перемен чувствительно затронула американский бизнес в 1980-е гг. Осложнения возникали и в коллективах транснациональных компаний вследствие разницы культур¹⁴.

Как совмещались в СССР мобилизация внутренних ресурсов и технико-технологический трансферт? Какие эффекты синергии и торможения могли возникнуть при реализации сталинской политической установки – за десять лет пробежать тот путь, который у капиталисти-

13. Шпотов Б.М. Генри Форд: жизнь и бизнес. М: Книжный дом «Университет», 2003.

14. Менеджмент: Сб. статей / Под ред. Т. Диксона; Пер. с англ. М., 1999. С. 387–433.

ческого мира занял полтора столетия без аналогичной мобилизационной программы? Исходя из использования передовых зарубежных технологий как повторившегося во многих странах фактора модернизации экономики, необходимо обозначить характерные особенности ее советской модели.

Синергия плюс торможение как характерные черты советской индустриализации

В практике советского управления экономикой эффекты торможения неоднократно проявлялись в виде невыполнения решений центра, как своего рода релаксация, «уравновешивание» напряженных плановых заданий¹⁵. Результатом становился компромисс, который в конечном счете сближал интересы управленцев и исполнителей их решений. А что происходило на уровне предприятий, являвшихся «маяками» пятилетки, которыми гордилась страна?

В связи с принятием первого пятилетнего плана на смену концессиям пришли договоры о технической помощи, или о техническом содействии (technical assistance). Капитал был полностью советским, рабочая сила, сырье и материалы — в основном советскими, строительная техника и оборудование заводов и фабрик — преимущественно импортными, которые приобретались по договорам о закупках. В рамках техпомощи иностранная фирма выполняла следующие задания:

- разрабатывала детальный строительный и технологический проект с указанием всего необходимого оборудования;

15. Маркевич А.М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 20–54; Он же. Отраслевые наркоматы и главки в системе управления советской экономикой в 1930-е гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2004. М.: РОССПЭН, 2004. С. 118–140.

- передавала советскому заказчику свой производственный опыт в виде патентов, производственных секретов, приемов и т.д.;
- присылала своих лучших специалистов для непосредственного руководства строительством предприятия и монтажом оборудования;
- предоставляла возможность советским специалистам, инженерам и рабочим изучать на своих заводах организацию и процессы производства¹⁶.

Советская сторона давала оценку выполняемым проектам, вносила коррективы и возмещала фирме ее расходы по выполнению задания, включая стоимость передаваемых в собственность СССР патентов и лицензий, макетов, чертежей, спецификаций оборудования, компенсировала командировочные расходы ее сотрудников, приезжавших для технического надзора и консультирования, и выплачивала фирме вознаграждение, которое являлось ее прибылью. Это определенный процент от сметной стоимости работ, но чаще — оговоренная твердая сумма. Фирма не инвестировала свой капитал и не участвовала в управлении предприятием. Ее обязанности заканчивались при пуске объекта. Все это считалось наиболее быстрым способом перенесения в СССР лучшего иностранного опыта. От обычного подряда, как исполнения заказов на стороне, договоры техпомощи отличались передачей исполнителем своих патентов и секретов в собственность заказчика и обучением части его инженеров и рабочих.

«Передача и обучение» были наиболее сложными звеньями технической помощи. Если компании Ford и GM ею не пользовались, то при поступлении ее в СССР нельзя было обойтись без адаптации и кросс-культурного взаимодействия. Как утверждали юристы Всесоюзного объединения автотракторной промышленности (ВАТО), приходилось идти на большие уступки инофирмам из-за раз-

16. Российский государственный архив экономики (далее: РГАЭ). Ф. 7620. Оп. 1. Д. 68. Л. 301–306.

личий в методах проектирования и создания новых предприятий в СССР и за рубежом, где не знали советских условий строительства и производства. Лучше, доказывали они, проектировать своими силами, исходя из наличных условий, а за рубеж посылать стажеров изучать новую технику. Чиновников смущали, конечно, и большие расходы на приглашение иностранных специалистов, особенно американских, так что результатам «инопомощи» уделялось особое внимание. Советским организациям приходилось содержать за границей свои технические бюро, изучавшие работу конкретных фирм и заводившие с ними контакты.

Зарубежные компании не рисковали своими капиталами и не выполняли сложных и незнакомых задач. Для проектирования советских предприятий они использовали собственный опыт и наработки. Риски заключались в досрочном расторжении договоров при возникновении принципиальных разногласий с советской стороной. По советским данным, из 170 договоров техпомощи в тяжелой промышленности, заключенных в 1923–1933 гг., 37 (21%) были досрочно прекращены по разным причинам, и фирма не получала вознаграждения, на которое рассчитывала. Советские заказчики вели себя не как робкие ученики, а как требовательные, хотя и не самые продвинутые, клиенты¹⁷. Наряду с разницей в инженерной подготовке не последнюю роль играла экономия валюты.

Техническая помощь Запада попадала в неадекватную социально-экономическую среду. Интерес к американской технике начинался с веры в ее сверхвысокие возможности, но когда начиналось ее внедрение в СССР, даже побывавшие в США на стажировке рабочие и инженеры с трудом приспосабливались к новым условиям и требованиям производства и сопротивлялись им.

Если при капитализме рост предприятий происходил в определенной последовательности, от малых к средним

17. Шпотов Б.М. Участие американских промышленных компаний... С. 183–185.

и крупным, за счет добавления функциональных отделов, то в СССР все осуществлялось наоборот. Вначале были построены, по зарубежным проектам, самые современные заводы, получены технологии и производственные нормативы (себестоимость продукции, скорость работы, производительность труда и др.), а уже к ним надо было «подтягивать» остальные факторы производства, что и оказалось труднее всего. Установка и пуск конвейера у Форда заняли 4 года – без спешки, от простого к сложному, чтобы опытным путем, не останавливая производства, отладить сборку и обеспечить бесперебойную работу завода поставкой нужного объема сырья и материалов. В советских условиях эту медлительность расценили бы как саботаж, но достичь необходимого уровня снабжения одновременно с пуском предприятия или вскоре после него не удавалось. От скоростных темпов возведения заводов-гигантов отставали как их материальное снабжение, так и сфера жизнеобеспечения.

Так появились эффекты торможения. Они выражались в следующем:

- попытках советской стороны переделывать американские проекты, внедрять доступные инженерные решения, игнорируя перспективы развития;
- контрафактном копировании станкоинструментального оборудования и самой продукции (например, подделка тракторов «Фордзон» под маркой «Красный Путиловец»);
- недооценке зарубежного опыта, конфликтах и спорах с иностранными специалистами;
- снижении производственных заданий после пуска завода, корректировке планов от жестких годовых к «ситуационным» – поквартальным и помесечным.

Приведем некоторые примеры. 2-й (Московский) автосборочный завод им. КИМ, пущенный в ноябре 1930 г., являлся подобием одного из фордовских сборочных заводов. Он имел фирменное оборудование и предназначался для

выпуска советских «Фордов» из присылаемых из Америки комплектующих. Прямой показатель его эффективности — загрузка оборудования, колебался по кварталам и определялся отношением фактической сборки автомобилей к проектной, рассчитанной на 100%-ное использование производственного потенциала завода. В среднем за отчетный 1931 г. завод работал на 56% мощности.

Чтобы не выработать месячный запас импортных деталей за две-три недели, после чего останавливать производство, приходилось «растягивать» запасы. Неполная загрузка оборудования не позволяла проверить соответствие запроектированного в США технологического процесса советским условиям. Нельзя было дать надлежащую оценку качеству импортного оборудования и инструмента, выявить узкие места, которые определяли пропускную способность завода в целом, наладить производство по всем правилам, рационально использовать рабочую силу, а главное, снизить себестоимость работ.

Зависимость от импорта авточастей создавала резкие колебания в производственной программе завода. В феврале 1931 г. он простаивал из-за отсутствия деталей для сборки, а на август получил задание собрать 3 тыс. грузовиков для перевозки урожая, из-за чего в 3-м квартале коэффициент использования оборудования вырос. Зато в сентябре потребовалось втрое меньше машин. На 4-й квартал валютный лимит для закупок авточастей сокращался трижды и с 4 млн руб. упал до 1,5 млн, из-за чего программа на ноябрь пересматривалась четыре раза. В течение года валютные ассигнования и программа работы завода менялись «десятки раз», и «приспособить полностью снабжение к таким скачкам было совершенно невозможно»¹⁸. Создавались избыточные запасы одних материалов при нехватке других. Заводская администрация пришла к выводу, что «работа по снабжению (как и вся

18. РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 491. Л. 1–13.

работа завода) в течение 1931 года по существу протекала без всякого плана»¹⁹. Режим работы не отвечал фордовскому принципу непрерывной подачи сырья и материалов и безостановочного выхода готовой продукции.

План по рабочей силе был в целом невыполнен из-за простоя части оборудования, но из-за неопределенности с поставками приходилось нанимать дополнительных рабочих, получавших деньги ни за что. Зато по количеству служащих план перевыполнили – 126%. Из-за перехода с односменной на двухсменную работу возросла численность инженерно-технических работников, учетчиков и бухгалтеров. Квалифицированных служащих не хватало, и это приходилось восполнять количественно. На фордовских заводах был минимум служащих, а учет, например, количества заготовок, поданных в цех, происходил очень просто: мастер снимал с контейнера, где всегда лежало определенное их количество, стандартную бирку и клал в карман.

На Московском сборочном заводе ввели, как и во многих отраслях советской промышленности, сдельную оплату труда, что шло вразрез с принципами Форда. Он считал, что сдельщина заставляет рабочих торопиться и снижать качество, а при конвейерном производстве требуется равномерный и ритмичный труд, для чего нужна достаточно высокая повременная плата. Фордовский менеджер Б. Копф, побывав на этом заводе, отметил, что такая система разрывает синхронность операций: группы, монтирующие рамы и оси, могут работать быстрее других, и заваливают ими завод. Те же, кто делает последующие операции, не успевают за ними. Качество продукции он назвал «ужасным», но поскольку завод работает на государство, его персоналу не о чем беспокоиться²⁰.

Инженер компании Форда Н. Чавр (Chavre), работавший консультантом отдела технического контроля

19. Там же.

20. *Wilkins M., Hill F.E. American business abroad: Ford on six continents. Detroit: Wayne State University Press, 1964. P. 224.*

ГАЗ, сообщил в конце 1932 г. американскому консулу в Риге перед отъездом в США, что «Автострой», полностью перенявший фордовский метод, не обеспечил изначально предусмотренной производительности в 1 200 грузовиков в день. План на первые два года был понижен до 500 грузовиков в день, но их фактическая дневная выработка составляла в среднем 75, из которых на ходу было всего 30. Неукомплектованные машины накапливались на заводском дворе, а когда двор переполнялся, их эвакуировали на 1-й сборочный завод, расположенный в шести милях, где они простаивали до получения необходимых деталей.

Инженер назвал основные причины невыполнения плана: плохая работа транспорта, снабжавшего завод, и несоответствие комплектующих, присылаемых другими заводами, фордовским нормативам. Большая часть стального проката поступала из Германии и Англии, но та, что поставлялась советскими заводами, была низкого качества, «иногда абсолютно непригодной». В феврале 1933 г. ситуация на ГАЗе изменилась мало. По свидетельству американского инженера Х. Вольфсона, автомашины, которым не хватало тех или иных деталей, больше не загромождали заводской двор, а оставались на главном конвейере. Вместо 60–70 грузовиков в день – а столько удавалось выпустить осенью 1932 г., завод стал давать по 30–35 единиц. Автомашины стояли на конвейере до полной комплектации, и вместе с ними простаивал весь завод. Советская промышленность, отмечал далее инженер, не могла изготовить новое оборудование взамен изношенного, и его приходилось импортировать каждый год, чтобы завод вообще работал. Невозможность получения исходных материалов – результат общего положения дел в тяжелой индустрии²¹.

Однако советские автозаводы неудовлетворительно работали не только первые месяцы, но и годы после пуска,

21. National Archives. Microfilm Publications. RG 59. Microcopy T-1249. Roll 72. Doc. 861.797/31. P. 2–6; Doc. 861.797/32. P. 1, 2.

и не будь в 1934 г. расторжения, по советской инициативе, договора с компанией Форда, ее инженеры могли бы помогать осваивать новое оборудование по меньшей мере еще три года. Причина разрыва – нехватка валюты.

На Сталинградском тракторном заводе (СТЗ), пущенном в июне 1930 г., отсутствие некоторых механических приспособлений и мелких деталей оборачивалось колоссальными потерями. В конце ноября газета «За индустриализацию» писала: «Системы не было... Все строилось на стихийности. Завод жил случайностями текущей минуты»²². Одних деталей накапливались горы, других не хватало. Дефицитные части приходили с опозданием, и «чтобы установить их, надо было прилагать в сотни раз больше сил, времени и энергии... Каждая такая машина, по далеко не полным подсчетам бухгалтерии, обходилась не в две с половиной «ориентировочных» тысячи рублей, а в шестьдесят пять – семьдесят пять тысяч плюс неоплачиваемая никакими тысячами потеря времени, плюс поломанное оборудование...». Ликвидация одних узких мест порождала десятки других. Если в июле 1930 г. надо было дать 35 тракторов – дали 3; в августе вместо 420 дали 10; в сентябре вместо 2 100 машин – 35.²³

Через четыре месяца после торжественного пуска СТЗ возникла угроза остановки завода. 5 октября 1930 г. было выпущено 8 тракторов, 6 – четыре, 7 октября, к середине дня – ни одного. Из 166 заказанных в США механосборочных приспособлений получено было 109. Но и без мелких деталей трактор не пойдет! Стоят 14 спущенных с конвейера новеньких машин, на которых не хватает всего четырех (!) деталей, не изготовленных по вине СТЗ. Завод «Красный гвоздильщик» не сумел за год освоить производство нужных болтов. В начале 1931 г. газеты сообщали все ту же печальную статистику: после выпуска 25 января 55 тракторов кривая производства вновь резко упала.

22. За индустриализацию. 1930. 20 нояб.

23. Старов Н. В муках рождается завод // За индустриализацию. 1930. 20 нояб.

27 января завод дал 42 машины, 28 – 30 штук, 29 – 11, 30 января – ни одной, зато в последний день месяца – 66: рекордная цифра выработки со времени пуска завода, и явно за счет «довинчивания гаек» на почти собранных машинах. Январский план 1931 г. СТЗ выполнил на 78,4%, собрав в общей сложности 706 тракторов вместо 900. А в феврале предстояло дать 1 150 машин²⁴.

В августе 1931 г. проверочная комиссия из Москвы нашла одно из узких мест завода: это плохие контрольно-измерительные приборы и станкоинструментальное оборудование. При сборке на конвейере тракторных двигателей с резьбовыми соединениями требовалось 80% подгонки. Если разобрать на части 10 тракторов и смешать их однородные детали, то при новой сборке без подгонки и подборки с трудом удастся собрать 2–3 машины²⁵. Положение на СТЗ удалось выправить лишь к маю 1932 г., через год после приезда туда председателя ВСНХ СССР Г.К. Орджоникидзе, взявшего ситуацию на контроль. Кадровые перестановки, координация действий с заводами-смежниками, обучение рабочих позволили высвободить американских и других иностранных мастеров и достичь проектной мощности. После 20 апреля 1932 г. с конвейера стало сходиться более 140 тракторов в сутки.

Почему «великие стройки социализма» 1930-х гг. обходились гораздо дороже и требовали больше работников, чем сооружение аналогичных объектов на Западе? Откуда высокие издержки? Трудовая дисциплина была низкой, текучесть рабочей силы – высокой, вследствие чего приходилось нанимать и обучать дополнительных рабочих. Импортную технику использовали неумело, она часто ломалась и простаивала, а дефицит вынуждал производить необходимые материалы прямо на стройке, «хозяйственным способом», что требовало дополнительных затрат. Установился обычай сдавать объекты к праздничным датам

24. 31 января – 66 тракторов // Известия. 1931. 4 февр.

25. РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 247. Л. 241.

досрочно, а значит, с недоделками, которые приходилось устранять позже, что и стоило дороже, и задерживало пуск предприятия на проектную мощность. Имели место прямые потери и порча материалов и техники от небрежного хранения вследствие экономии на складских помещениях, потери рабочего времени вследствие плохо налаженного снабжения. И, конечно, переплата за отсталость из-за перехода на новые стройматериалы – железобетонные и стальные конструкции. Первые стоили в СССР в 6–8 раз дороже, чем в США, вторые – в 3,5–3,7 раза²⁶. Новое боролось со старым, и лишь годы спустя ситуация выравнилась.

В принципе и капиталистическое, и социалистическое предприятие могли работать одинаково успешно при наличии кругооборота поставок и сбыта. Однако советскую индустрию в период ее становления отличала административная, междуведомственная разобщенность. Даже крупный завод, находясь внизу иерархической вертикали управления с «высшим менеджментом» в лице Госплана, не мог самостоятельно договариваться с поставщиками и продавать продукцию на рынке, а форсированное индустриальное строительство отодвигало задачу «подтягивания тылов». Новейшая техника не решала проблему поставок, даже, наоборот, увеличивала спрос на сырье, материалы, электроэнергию. Крупные объекты индустриализации строили быстро, подчас быстрее, чем в США, но запустить их на проектную мощность удавалось не раньше, чем через 2–3 года²⁷. Это сказывалось на темпах и заданиях пятилетки.

В США советские специалисты восхищались американскими методами, но на родине чувствовали себя хозяевами, а не учениками. Приезжие американцы ожидали от них не споров и дискуссий, а такого же послушания и

26. Шпотов Б.М. Бизнесмены и бюрократы... С. 226.

27. Частные фирмы строили свои заводы не по указаниям свыше, а по мере необходимости. Известны и случаи сверхбыстрой постройки – например, крупнейший в США и в мире в конце 20-х гг. автозавод компании «Понтиак» полезной площадью в 14 га был выстроен в 1927 г. за 7 месяцев, тогда как Нижегородский автозавод – за 18, хотя проектировала их одна и та же Austin Company (Кливленд, штат Огайо).

дисциплины, как на своих заводах. Им приходилось убеждать советских инженеров в превосходстве американских методов и настаивать на неукоснительном выполнении своих указаний. Те оправдывались нехваткой самых необходимых материалов, станков и инструментов, вносили поправки в выполненные американцами проекты, добиваясь «удешевления» работ, чтобы вести их привычными методами. Споры доходили подчас до конфликтов, что тормозило работы. Советская печать, проводившая генеральную линию партии и правительства на максимальное усвоение передовой техники и технологий, выступала на стороне американцев и публиковала их жалобы²⁸. По отзывам руководителей «великих строек», создать в короткие сроки проекты крупных и высокопроизводительных предприятий не удалось бы своими силами.

Многие советские инженеры старой школы завершили образование в Германии, а немецких специалистов охотно приглашали в Россию до и после революции. Основанная на математических расчетах, германская инженерная наука считалась в начале XX в. классической, ее основы преподавали и в советских вузах, а американская практика использования готовых, проверенных на практике стандартов не пользовалась популярностью. Кроме того, широкий ассортимент продукции, собираемой из стандартных деталей, — от домов до автомобилей, выпускался в США на такой индустриальной основе, которой не имела не только советская, но и — в сопоставимых пропорциях — европейская промышленность. Уверенные в своем профессионализме советские инженеры, в том числе выпускники вузов, обучавшиеся по сокращенным программам, не хотели

28. Шпотов Б.М. Учителя и ученики: американская техническая помощь Советскому Союзу в годы индустриализации (1929–1939) // Российско-американские связи: схожие проблемы — различные взгляды / Под ред. Ю.П. Третьякова и Н.А. Александровой. СПб.: Академический проект, 2007. С. 100–121; *Он же*. Социальная история индустриализации СССР по материалам американской и советской печати // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII — XX вв. / Под ред. В.А. Коленеко. В 3-х т. М.: ИВИ РАН, 2010. Т. 3. С. 133–196.

переучиваться у американцев. Европейский и отечественный опыт оставался понятным и близким, но он не мог предложить действующие образцы предприятий-гигантов, способных быстро решить проблемы повышения производительности труда и увеличения объемов продукции, в чем остро нуждался Советский Союз.

Назовем основные факторы снижения эффективности технической помощи:

- зарубежные проекты и методы не отвечали имевшимся в начале индустриализации возможностям советского народного хозяйства;
- смежные и вспомогательные производства отставали от форсированных темпов создания головных промышленных объектов;
- ради высоких темпов объекты вводились в строй с недоделками;
- ограничивались права и полномочия иностранных экспертов.

Как же наша страна и победила в Великой Отечественной войне, и развивалась перед ней самыми высокими темпами? Расчетные среднестатистические показатели **роста** не всегда совпадают с качественными показателями **развития**, более диверсифицированными и даже противоречивыми на микроуровне, в повседневной жизни. Преодоление испытаний, выпавших на долю России в разные исторические эпохи, в военное и мирное время, очень схоже. В начале реформ Петра I не обходились без иностранцев с их знаниями и практическим опытом, а потом вырастили свои кадры в армии и гражданском секторе. Первые годы индустриализации напоминают начало ВОВ — тоже неразбериха в штабах и в войсках, беззаветный героизм и громадные потери. И строить, и воевать учились на ходу, а не заранее, и синергия, хотя и с запозданием, преодолевала торможение. Но освещение этих вопросов, оттеняющих конечный успех на фоне исходного уровня, выходит за рамки данной статьи.

В.С. Пушкарев*

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1947 г. И «ЧЕРНЫЙ» РЫНОК

Великая Отечественная война легла тяжелым бременем на финансы страны. Для ведения боевых действий и перестройки экономики на военный лад требовались большие средства, что привело к росту бюджетного дефицита. Например, в 1941 г. он составил 19,2 млрд руб.,¹ несмотря на увеличение налогового пресса на население (обязательные и добровольные платежи населения в казну увеличились с 20,9 млрд руб. в 1940 г. до 79,2 млрд руб. в 1944 г.)². Государство было вынуждено на первом этапе войны для покрытия бюджетного дефицита прибегать к помощи печатного станка. Бюджетный дефицит 1941 г. был покрыт на 13,9 млрд руб. за счет эмиссии бумажных денег.³ Положение усугублялось резким снижением товарных фондов, находившихся в руках государства, а следовательно, понижением объема розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли, который в 1943 г. составил лишь 82 млрд руб. (в 1940 г. объем товарооборота составлял 176 млрд руб.)⁴. Большинство населения, получая по карточкам недостаточное количество

* Пушкарев Виталий Семенович – к.э.н., начальник отдела информационного обеспечения Российского государственного архива экономики (РГАЭ).

1. РГАЭ Ф. 7733. Оп. 32. Д. 326. Л. 14–15.

2. Там же. Оп. 36. Д. 1677. Л. 16.

3. Там же.

4. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 1574. Л. 80.

продуктов питания и промышленных товаров массового спроса, вынуждено было обращаться к услугам «вольного», или, как его называли в официальных документах, колхозного рынка, рост цен на котором отражал падение покупательной способности рубля. Индекс цен колхозного рынка составил в 1943 г. 1294 (индекс цен за 1940 г. = 100)⁵. В результате за время войны стремительно вырос объем наличной денежной массы – с 18,4 млрд до 73,9 млрд рубл.⁶

Действовавшая с 1941 г. карточная система распределения и увеличение роли колхозного («вольного») рынка в снабжении населения товарами массового спроса создали в годы войны благоприятные возможности для ускоренного развития «черного» рынка, т.е. системы взаимодействующих между собой и с легальным рынком не контролируемых государством товарно-денежных потоков. Рост цен на продукты первой необходимости вынуждал большинство городского населения изыскивать дополнительные источники дохода, помимо получаемых от государства, что вовлекало их тем самым в товарооборот «черного» рынка. Например, в 1943 г. по подсчетам специалистов Министерства финансов СССР (далее Минфин) лишь 19% всех расходов несельскохозяйственного населения на покупку товаров на колхозном рынке производилось за счет обычных доходов, а остальные 87% расходов – за счет рыночных поступлений, в том числе продажи домашних вещей на рынке и товаров, приобретенных в государственной торговле⁷. К концу войны развитие «черного» рынка СССР поднялось на новую качественную ступень, что в частности проявилось в формировании иерархической структуры участников «черного» рынка. Верхним слоем этой структуры стали «дельцы», которые сосредоточили в своих руках значительные материаль-

5. Там же.

6. Там же. Д. 2530. Л. 56.

7. Там же. Д. 1859. Л. 156.

ные и денежные средства и пользовались уже значительным социально-экономическим влиянием в обществе⁸. О появлении новой общественной группы свидетельствовали и официальные документы. Так, в докладной записке на имя заместителя председателя СНК СССР В.М. Молотова заместитель председателя Госплана СССР Г. Косяченко отмечал накопление больших свободных денежных средств «некоторыми слоями городского населения, в том числе лицами, оказывающими всякого рода услуги населению, зачастую в незаконном порядке, лицами, занимающимися перепродажей и спекулятивными операциями»⁹.

Подготовка к денежной реформе началась еще в ходе войны в обстановке большой секретности. По воспоминаниям тогдашнего наркома финансов А.Г. Зверева начало подготовки инициировал И.В. Сталин в конце 1943 г. Работа над проектом денежной реформы была поручена Группе по денежному обращению, образованной в составе Наркомфина СССР, во главе с видным советским экономистом того времени В.П. Дьяченко. Через год, в конце 1944 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) были доложены первые результаты.¹⁰ В конце войны появились и объективные предпосылки для оздоровления денежного обращения: был ликвидирован бюджетный дефицит, вырос товарооборот государственной и кооперативной торговли. Уже с самого начала деятельности Группа по денежному обращению уделила большое внимание роли «дельцов» «черного» рынка в намечавшейся денежной реформе. Этому способствовала и информация, поступающая в Наркомфин СССР с мест. Так, в июле 1945 г. в докладной записке В.П. Дьяченко на имя А.Г. Зверева отмечается, что, начиная с 1943 г., стали поступать в Наркомфин СССР письма от различных граждан, в которых «отмечалось нако-

8. О развитии «черного» рынка в 1941 – 1945 гг. см., например: Пушкарев В.С. 40-е : становление «черного» рынка // Посев, Общественно-политический журнал. 2002. № 1 (1492). С. 29–35.

9. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 1859. Л. 155.

10. Зверев А.Г. Записки министра. М.: Политиздат, 1973. С. 231–232.

пление больших денежных сумм в руках спекулятивных элементов»¹¹. Люди различных профессий, проживающие в разных регионах страны, требовали лишить спекулянтов возможности использовать их денежные накопления после войны, когда цены сильно упадут.

В конце 1944 г. Группой был подготовлен первый вариант проекта денежной реформы в виде докладной записки от 19 декабря 1944 г. В ней отмечается, что значительные суммы денег (по оценке авторов, примерно половина наличной денежной массы) сосредоточены у небольшой части населения. Образование этих капиталов связывается с доходами спекулятивного, подчас нелегального характера¹². Авторы докладной записки рассматривают «черный» рынок, как важный составной элемент, хотя и весьма нежелательный, внутреннего рынка страны. Метод проведения денежной реформы определила поставленная руководством страны задача переложения неизбежных потерь населения при обмене денег в наибольшей мере на держателей капиталов, нажитых спекулятивным путем. Высокий обменный курс (1:15), вычисляемый из соотношения рыночных (коммерческих) цен и цен нормированного снабжения, а также единовременный выпуск новой советской валюты и её обмена на денежные знаки прежних выпусков в сжатые сроки, намечаемые в качестве основного метода проведения денежной реформы, служили целям не столько оздоровления денежного обращения, сколько подрыва экономического могущества «дельцов» «черного» рынка¹³. Для выполнения задачи по оздоровлению денежного обращения, по расчетам тех же авторов, достаточно было установить обменный курс из расчета 3–4 руб. в червонной валюте за 1 руб. новых денег и использовать для «рассасывания» денежной массы меры постепенного характера, связанные с развитием системы коммерческой торговли и проведе-

11. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 2273. Л. 109–110.

12. Там же. Д. 1574. Л. 64–80.

13. Там же. Л. 76–77.

ем соответствующей налоговой политики. На установлении более низкого обменного курса в ходе проведения денежной реформы настаивали и авторы других альтернативных проектов денежной реформы, которые рассматривались в ходе ее подготовки. 8 ноября 1945 г. на имя А.Г. Зверева было направлено письмо с проектом денежной реформы, подготовленным профессором Финансово-экономического института А.Г. Гойхбаргом, в котором обосновывался обменный курс 1:4,2¹⁴. В мае 1946 г. председатель Правления Госбанка СССР Я. Голев, исходя из расчетов, согласно которым для «нормального» хозяйственного оборота необходимая наличная денежная масса исчислялась в размере 25–30 млрд руб., предложил установить разменный курс 1:2¹⁵.

С конца 1944 г. государство начинает проводить подготовительные меры к проведению денежной реформы, направленные на уменьшение наличной денежной массы и увеличение государственных рыночных фондов. Уже в ходе подготовительных мероприятий обнаружилось противоречие между решением задач оздоровления денежного обращения и ограничения экономического влияния «дельцов» «черного» рынка. Первых же положительных результатов в вопросе снижения общей массы наличных бумажных денег, не обеспеченных товарным покрытием, удалось достигнуть на основе экономического сотрудничества государства с зажиточными слоями населения СССР, включая держателей «теневых» капиталов. Это проявилось в развитии в предреформенные годы системы торговых предприятий Особторга, которые начали действовать в крупных городах с мая 1944 г. В магазинах и универсамах Особторга население страны, располагавшее достаточным количеством наличности, могло приобрести по коммерческим ценам в свободной продаже дефицитные в то время продукты питания и промышленные товары массового спроса. Государство с самого начала работы этих торговых

14. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 1870. Л. 11–13.

15. Там же. Д. 2272. Л. 226.

предприятий проявило себя как предприниматель, устанавливая цены в соответствии с существующей конъюнктурой внутреннего рынка. В случае, когда цены устанавливались излишне завышенными, что сказывалось на росте торговых оборотов предприятий Особторга, проводилось снижение цен с приближением их к рыночным. Так, на протяжении 1946 г. цены в государственных коммерческих магазинах дважды снижались, одновременно было проведено повышение пайковых цен в целях их приближения к рыночным, т.е. реальным ценам. Обороты предприятий Особторга, принесших только в первом квартале 1946 г. доходов в бюджет на сумму в 4 млрд руб., в течение 1946 г. составили 71 806 млн руб.¹⁶ Полученная прибыль позволила государству в 1946 г. изъять из обращения 8 млрд рублей, а в 1947 г. — еще 2,4 млрд руб.¹⁷

После одобрения основных положений предложенного проекта будущей денежной реформы руководством страны Группа по денежному обращению продолжала работу по его доработке. Методология расчета обменного курса на основе соотношения пайковых и коммерческих цен на товары массового спроса осталась прежней, обменный курс после повышения пайковых цен и понижения коммерческих был установлен на уровне 1:10. Разработчики проекта выступали против более низкого курса, который по их расчетам предоставлял возможность существенно обогатиться кругу лиц, накопивших большие денежные суммы в результате рыночных операций¹⁸. Высокий обменный курс наносил значительные убытки и большинству населения страны. Так, на совещании у наркома финансов 5 марта 1945 г. В.П. Дьяченко отмечал, что высокий обменный курс затронет всех лиц, не только тех, кто накопил крупные денежные суммы спекулятивным путем, но и тех, кто

16. Там же. Оп. 31. Д. 1156. Л. 9; Оп. 32. Д. 1092. Л. 42.

17. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 2530. Л. 55–56.

18. Там же. Д. 2273. Л. 5.

имеет небольшие запасы денег¹⁹. Альтернативные проекты денежной реформы, содержащие предложения по установлению более низкого обменного курса, были отвергнуты руководством страны. Как отмечается в обширном докладе специалистов Минфина СССР о денежной реформе 1947 г., подготовленного по «горячим следам», именно «по указанию Политбюро и лично товарища Сталина соотношение обмена было определено 1:10»²⁰. Подобная позиция руководства страны была связана не столько с борьбой с экономическим влиянием «черного» рынка, сколько с возможностями большего контроля за движением наличной массы новых денег. Высокий обменный курс приводил к ситуации, когда «основной линией формирования денежной массы в новых деньгах становился не обмен денег, а эмиссия по каналам выплат доходов государством, сравнительно легко планируемых в территориальном разрезе»²¹.

Прагматический подход со стороны руководства страны и «лично товарища Сталина» проявился и в установлении льготного обменного курса для обмена денег населения, хранившихся на вкладах в сберегательных кассах. Специалисты, входящие в Группу по денежному обращению, при разработке первого проекта денежной реформы исходили из поставленной задачи переложения основных потерь населения от денежной реформы на держателей «теневых» капиталов. В проекте денежной реформы, представленной к рассмотрению руководству страны в декабре 1944 г., предлагалось произвести перерасчет вкладов населения, хранящихся в госсберкассах, по тому же высокому обменному курсу, что и наличные деньги, т.е. по курсу 1:15. Объяснялось это тем, что в отношении денег, хранившихся на вкладах в сберкассах, трудно было определить: «в какой мере они являются сбереженной заработной пла-

19. Там же. Д. 1569. Л. 38.

20. Денежная реформа в СССР 1947 г. Документы и материалы / Сост. А.Н. Доброхотов, В.Н. Колодежный, В.С. Пушкарев, В.Н. Шепелев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 577.

21. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 1569. Л. 439.

той или результатом доходов, извлеченных от продажи по рыночным ценам»²². В ходе дальнейшего обсуждения проекта будущей реформы у специалистов Минфина СССР сложилось общее мнение о необходимости проведения обмена сбережений населения, хранящихся в сберкассах, для стимулирования дальнейшего их роста, по более льготному курсу, чем обмен наличных денег. Подобная позиция нашла свое отражение, например, в письме начальника валютного управления Минфина СССР И. Д. Злобина на имя В.М. Молотова от 19 ноября 1947 г.²³ Автор письма предлагает произвести перерасчет вкладов населения в ходе денежной реформы из расчета: суммы до 3 тыс. руб. в соотношении 1:2, от 3 до 10 тыс. руб. – 1:3, свыше 10 тыс. руб. – 1:4. При этом автор письма предупреждает руководство страны о том, что «предоставление больших льгот крупным вкладчикам тем более нежелательно, что немалая доля крупных вкладов образовалась за счет спекулятивных рыночных доходов»²⁴. Руководство страны внесло изменение в проект реформы в сторону смягчения курса обмена вкладов населения (например, обмен сумм более 10 тыс. руб. должен был осуществляться из расчета 1:3, а до 3-х тыс. – вообще 1:1). В то же время конверсия госзаймов, затрагивающая интересы практически всего взрослого населения СССР, должна была осуществляться по гораздо более жесткому курсу (1:5). Для руководства страны решение задачи стимулирования притока вкладов населения в сберкассы оказалось более актуальной, чем проблемы борьбы с экономическим влиянием «дельцов» «черного» рынка. Именно крупные и средние вклады определяли размер денежного ресурса, предоставляемого населением государству через сберкассы. Так, по данным выборочного обследования 10% сберегательных касс, периодически проводимого Минфином СССР, по состоянию на

22. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 1574. Л. 65.

23. Там же. Д. 2277. Л. 213–214.

24. Там же.

1 января 1946 г. сумма вкладов населения свыше 10 тыс. руб. составила 2 955,7 млн руб. или 40,2 % от всей суммы вкладов в сберкассы, сумма вкладов от 3 до 10 тыс. руб. соответственно 2 725,6 млн руб. и 37,1%²⁵.

Наряду с государством «черный» рынок, в первую очередь в лице своей наиболее организованной части – «дельцов», начал подготовку к денежной реформе задолго до 14 декабря 1947 г. Главной задачей, которую должны были решить держатели крупных «теневых» капиталов, состояла в страховке их от обесценения в ходе обменной операции. Непосредственные разработчики проекта денежной реформы, входящие в Группу по денежному обращению, хорошо представляли себе возможности «дельцов» «черного» рынка и скептически относились к возможностям государства по контролю за «теневыми» капиталами в ходе обменной операции. Уже в декабре 1944 г. они предупреждали руководство страны о том, что попытки государства ограничить использование спекулянтами своих денег в ходе обменной операции будут иметь «ряд осложняющих обстоятельств»²⁶. Одной из форм страховки своих капиталов была их легализация в той или иной форме, например, в форме вкладов в сберегательные кассы. Об этом свидетельствуют данные выборочного обследования 10 % сберегательных касс. Только за один 1946 г. сумма вкладов населения в сберкассы выросла больше, чем за все годы войны, и составила 10 325 млн руб., из которых 8 424,5 млн руб. или 81,5% от суммы вкладов приходилось на вклады, превышающие 3 тыс. руб. На 1 декабря 1947 г. на вкладах в сберегательных кассах находилось уже 16,5 млрд руб.²⁷ По мере приближения времени обмена денег усиливался ажиотаж среди групп населения, имевших значительные наличные суммы, которые, как видно из документов (по крайней мере в крупных городах), располагали информацией о предстоящей денеж-

25. Там же. Д. 2277. Л. 111.

26. Там же. Д. 1574. Л. 76–78.

27. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 2277. Л. 111; Д. 2285. Л. 410.

ной реформе. Например, в сводке МВД СССР от 30 ноября 1947 г. сообщалось о том, что «в последние дни в городе Москве распространились слухи, что в ближайшее время будет произведен обмен существующих денежных знаков из расчета 10–12 копеек за один рубль, и что одновременно будут значительно повышены цены на промышленные товары, отпускаемые по плановым ценам»²⁸.

Располагая достаточной информацией о порядке проведения предстоящей денежной реформы, владельцы «теневых» капиталов в ближайшие перед этим месяцы предприняли энергичные меры по страховке своих капиталов от обесценения. В ноябре 1947 г. из крупных городов поступают сообщения о массовой скупке материальных ценностей, в первую очередь дорогостоящих изделий, включая драгоценные металлы и антиквариат, представителями зажиточных слоев населения. Так, если обычная дневная выручка магазинов Москуппромторга составляла 2,5 млн руб., то 29 ноября было продано товаров на сумму 13 млн руб., включая те (антиквариат, меха), которые по своей высокой стоимости не находили ранее покупателя²⁹. В коммерческих магазинах Главособунивермага и на рынках г. Москвы возрос спрос на дорогостоящие товары широкого потребления (меха, меховые изделия, высококачественные ткани — т.е. по существу предметы роскоши для того времени), что привело к росту цен на эти товары. Например, отрез бостона стоимостью 3 000 руб. ранее, в ноябре 1947 г. продавался на рынках Москвы за 6 500 руб. В магазинах Мосювелирторга возрос спрос на драгоценности, в первую очередь золото. Только за 29 ноября в 4 ювелирных магазинах было продано драгоценностей на сумму в 1 750 тыс. руб.³⁰

В период с начала декабря 1947 г., т.е. времени непосредственно предшествующего обмену денег, наблюдался

28. ГАРФ. Ф. Р–9401. Оп. 2 Д. 171. Л. 336.

29. Там же. Л. 333.

30. Там же. Л. 334–336.

усиленный приток вкладов в сберегательные кассы. По сообщению Министра финансов А.Г. Зверева, с начала декабря ежедневно в сберкассы страны поступало 150–200 млн наличных денег, общий приток вкладов в сберегательные кассы в декабре 1947 г. до начала обмена наличных денег составил примерно 2–2,5 млрд руб.³¹ Представление о том, кто вносил в это время деньги в сберегательные кассы, можно получить из писем граждан СССР, приходивших в Минфин СССР в период проведения реформы. По сообщениям с мест, практически во всех регионах страны в первой половине декабря 1947 г. в городах выстраивались очереди желающих сдать свои «сбережения» на хранения в сберкассы, причем в основном в крупных суммах. В письмах граждан эти лица характеризуются как спекулянты³². А.Г. Зверев в своей докладной записке на имя И.В. Сталина также сообщал, что сдающие деньги в сберкассы с начала декабря 1947 г. являются владельцами крупных сумм денег и предлагал вклады, внесенные в сберкассы после 1 декабря 1947 г., переоценить как наличные деньги, т.е. 1:10³³. Характерно, что это, казалось бы, логичное предложение с точки зрения официально объявленной позиции ограничения возможностей обмена для спекулянтов не нашло поддержки у руководства страны. Как видно из разъяснения заместителя генпрокурора СССР Г. Сафонова от 28 февраля 1948 г., обмену 1:10 подлежали лишь вклады, внесенные после опубликования Постановления о денежной реформе, т.е. после начала обмена наличных денег³⁴.

«Дельцам» «черного» рынка удалось не только сохранить большую часть своих капиталов в ходе реформы, но и заметно увеличить их, используя предреформенный ажиотаж среди населения. Уже с начала 1947 г. с мест стали поступать сообщения о массовой скупке облигаций гос-

31. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 2277. Л. 258.

32. Там же. Оп. 32. Д. 328. Л. 2–2 об., 11–11 об., 63.

33. Там же. Оп. 36. Д. 2277. Л. 258.

34. Там же. Д. 2530. Л. 89.

займов представителями «черного» рынка по пониженным ценам. Депутат Верховного Совета СССР Игнатов сообщал об усиленной спекуляции облигациями госзаймов на базарах в г. Краснодаре, предлагая возобновить покупку облигаций у населения в сберкассах³⁵. Это предложение разумеется не было принято, так как львиную долю государственного внутреннего долга в ходе реформы намечалось просто аннулировать. В результате своеобразная «биржевая игра» на облигациях госзаймов старых выпусков продолжалась до начала реформы. Сама реформа была использована представителями «теневого» капитала для быстрого обогащения в результате игры на разнице цен на дефицитные в то время товары до и после отмены карточной системы. Согласно сводке МВД СССР от 2 марта 1948 г., за период с 16 декабря 1947 г. по 15 февраля 1948 г. выявлено расхищение преступниками товарно-материальных ценностей на сумму более 50 млн руб. Примерно на такую же сумму у них изъято при обыске материальных ценностей. Основной метод получения быстрой прибыли заключался в сокрытии товаров для их последующей реализации по новым ценам, а также внесение имевших у «дельцов» крупных наличных сумм в деньги старого образца с целью перепродажи партии товаров после проведения реформы на деньги нового образца. Например, заведующие магазином и складом в г. Зугдиди Грузинской ССР внесли в кассу магазина 230 560 руб. в деньгах старого образца, соответственно изъяв из магазина на эту сумму товаров³⁶. Благоприятным моментом для «дельцов» «черного» рынка оказалось и временное отсутствие у большинства населения наличных денег для покупки дефицитных товаров, которые после отмены карточной системы свободно продавались в магазинах. В письмах граждан, направленных в Минфин СССР, сообщалось, что после 16 декабря 1947 г., когда большинство населения потеряло остатки своей ноябрьской заработной

35. РГАЭ. Ф.7733. Оп. 32. Д. 282. Л. 13.

36. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 344.

платы, владельцы крупных сумм денег скупали в магазинах все самое лучшее и дефицитное для дальнейшей перепродажи этих товаров по повышенным ценам. Неудивительно, что у многих людей, «живущих на одну заработную плату», сложилось впечатление, что денежная реформа проводится в интересах толстосумов «черного» рынка. Так, в письме семьи Ивановых утверждается, что Указ о денежной реформе направлен против основной массы населения, потерявшей в ходе ее свои «грошовые» сбережения, и оказывает могущественную поддержку барышникам, которые воровством и вымогательством выкачивают десятки тысяч рублей из трудового народа и государства³⁷.

37. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 328. Л. 99–101.

Н.П. Обухов*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОЙ ПОЛИТИКИ НА РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Как известно, экономические интересы крупных и мелких государств защищает сложный комплекс мер регулирования ввоза и вывоза товаров, который вряд ли говорит о либеральном и открытом характере внешнеторговой политики каждой из этих стран (США, Япония, Евросоюз, Канада, Австралия, Бразилия, Индия, КНР), которые в своем торгово-политическом механизме использовали следующие методы регулирования внешней торговли: сложный таможенный тариф, квотирование, лицензирование, технические барьеры в торговле, фито-санитарные нормы, запреты ввоза и вывоза товаров, антидемпинговые и компенсационные меры. Национальный комплекс средств, регулирующих внешнюю торговлю с зарубежными государствами, образует своеобразный «стыкующий механизм», с помощью которого национальная экономика сопрягается с экономикой других государств. Этот механизм гасит неблагоприятное влияние процессов, развивающихся в мировой экономике, поддерживает необходимое динамическое равновесие взаимных потоков товаров, услуг, капитала и рабочей силы, пересекающих национальную границу, создает оптимальные условия для сбалансированного

* Обухов Николай Петрович – к.э.н., доцент, научный консультант «ЗАО АУДИТ БТ».

развития национальной экономики, проведения структурных преобразований и нормализации других процессов, развивающихся в национальной экономике. Рассмотрим некоторые направления использования зарубежного опыта, кодифицированные в рамках ВТО и представляющие интерес для России.

Опыт, накопленный во многих развитых и развивающихся странах, дает достаточно четкий ответ на вопрос, каким должен быть современный таможенный тариф. Прежде всего, обращает на себя внимание глубоко дифференцированная товарная номенклатура таможенного тарифа. В подавляющем большинстве государств в этих целях используется Гармонизированная система описания и кодирования товаров (ГС). Приведем цифры, говорящие об общем числе товарных позиций в таможенных тарифах ряда стран и групп стран (см. рис. 1).

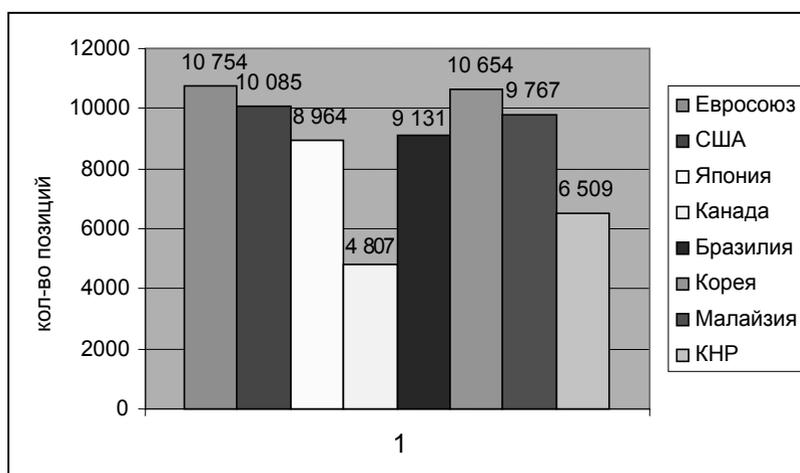

Рис. 1. Число позиций в таможенных тарифах ряда зарубежных стран, 2008 г.

Источник: <http://wbase.duma.gov.ru:8080/law?doc&nd=981600574&nh=1&part=14>.

Учитывая, что стандартная шестизначная номенклатура ГС имеет 5019 позиций, таможенные тарифы назван-

ных выше государств существенно продвинуты в сторону создания развитой национальной товарной номенклатуры, выходящей за шестой знак ГС. На долю названных стран приходится около $\frac{2}{3}$ оборота мировой торговли. Анализ «национальной» составляющей тарифной номенклатуры показывает, что она всегда формируется в результате учета реальных национальных экономических интересов страны. За шестой знак товарной номенклатуры ГС выводятся товары, в защите производства которых страна заинтересована или выделение которых необходимо для ведения торговых переговоров, иногда и для других целей, включая фискальные. В этой связи нельзя не отметить, что лежащая в основе ТН ВЭД товарная номенклатура Евросоюза – это компромисс интересов многих стран, структура экономики и внешней торговли которых существенно отличается от российской. Поэтому России необходима разработка национальной составляющей товарной номенклатуры (выходящей за шестой знак ГС). И с этой точки зрения действующая номенклатура ТН ВЭД, построенная на номенклатуре Евросоюза, нуждается в очень серьезной модернизации и сближении с реальными экономическими интересами промышленности и сельского хозяйства нашей страны, которые властно требуют российской (а не «европейской») товарной номенклатуры.

Средний уровень таможенного обложения в развитых странах и в части развивающихся государств заметно понизился в последние три десятилетия. Это привело к довольно распространенному мнению, что мир вступил в новую эпоху свободной торговли. Однако нет ничего более ошибочного, чем эта точка зрения. Дифференцированная товарная номенклатура таможенного тарифа позволяет, при сравнительно невысоком среднем уровне обложения, устанавливать высокие тарифные ставки (тарифные пики) на многие отдельные товары международной торговли. Например, при среднем уровне обложения 3–4% уровень таможенного обложения на текстиль и одежду составля-

ет в США – 14,6%; в Евросоюзе – 9,1%, Японии – 7,6%. На отдельные товары этот уровень существенно выше. В США, например, 52% импортированного текстиля и одежды облагаются пошлинами до 35%; 19% импорта химических товаров облагаются ставками до 10%. В Евросоюзе 54% ввозимого текстиля и одежды облагаются ставками до 15%; 60% ввозимых средств транспорта – ставками до 10%. Не менее высок уровень таможенного обложения в развивающихся государствах. Средний взвешенный уровень таможенного обложения в конце 90-х гг. (после реализации снижения пошлин в итоге Уругвайского раунда) приведен на рис. 2. Этот уровень в два раза и более превышает средний уровень таможенного обложения в России.

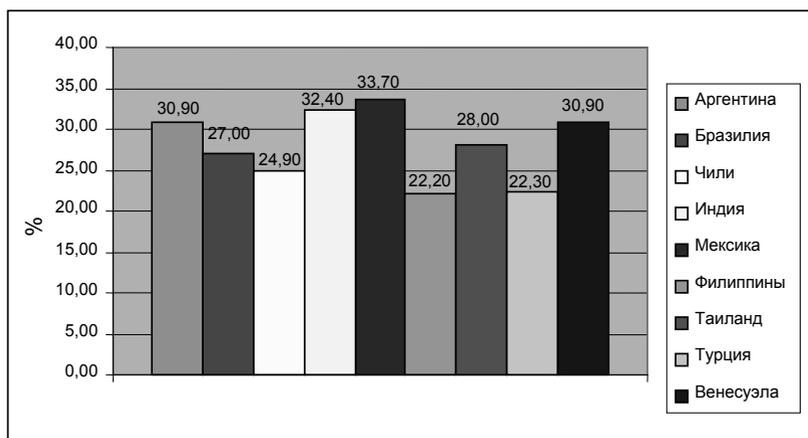

Рис. 2 Уровень таможенного обложения в развивающихся странах, 2008 г.

Источник: <http://wbase.duma.gov.ru:8080/law?doc&nd=981600574&nh=1&part=14>.

Особенно высоким во многих странах остается уровень таможенного обложения сельскохозяйственных продуктов. Соглашением по сельскому хозяйству ВТО было установлено, что все нетарифные барьеры, действовавшие в сельскохозяйственной торговле в так называемый базовый период (1986–1988 гг.), должны были быть

преобразованы в эквивалентные тарифные ставки (так называемая тарификация). Полученные тарифные ставки были добавлены к действующим таможенным пошлинам. Затем полученный уровень таможенного обложения должен был быть снижен к 1 января 2000 г. на 36%. В результате средний уровень таможенного обложения сельскохозяйственных товаров на названную дату вырос и составил 96% в Евросоюзе и 23% в США.

К сказанному надо добавить, что характерная особенность современной тарифной политики — так называемая «тарифная эскалация», повышение ставок пошлин по мере увеличения степени обработки товаров.

Все отмеченное выше свидетельствует о том, что современный таможенный тариф ведущих государств мира глубоко дифференцирован как по числу товарных позиций (по своей товарной номенклатуре), так и по высоте ставок пошлин.

В последнее десятилетие в зарубежной практике существенное развитие получили три направления, в конечном итоге определяющие порядок применения ставок пошлин к ввозимым товарам и их реальный уровень: классификация товаров в рамках ГС; определение страны происхождения товаров и таможенной стоимости. В отношении классификационных решений редакция Конвенции КИОТО рекомендует таможенным властям принимать обязывающие предварительные решения по просьбе заинтересованных лиц. Они должны быть разосланы во все таможенные страны и открыты для информации всех заинтересованных лиц. В конвенции КИОТО предусматривается, что национальное законодательство должно определить форму подачи заявления с просьбой о предварительном решении, а также сформулировать четкие требования о сопровождающих заявление реквизитах (фотографии, образцы, подробное описание товара).

Необходимо также отметить рост нетарифного протекционизма (субсидии, девальвация валют, введение ко-

личественных и тарифных ограничений в торговле и т.д.). В частности, Дж. Стиглиц отмечал, что торговые ограничения, субсидии, гарантии собственным производителям, а также ограничение доступа иностранных участников к рынку государственных заказов, составляющих содержание ряда стимулирующих мер и программ по оздоровлению экономики, отрицательно сказываются на состоянии мировых рынков. Хотя нормы международных соглашений одинаковы для стран-участниц, различие экономического и социального положения каждой из них способствует тому, что применение формально «симметричных» норм регулирования может привести к явно асимметричным результатам¹. Механизм регулирования государственных закупок в рамках пакета мер по финансовому стимулированию чреват серьезными нарушениями конкуренции в ущерб развивающимся странам, так как участниками многосторонних соглашений в ВТО о государственных закупках являются в основном промышленно развитые страны. Иные примеры включают все более широкое применение «нетарифных ограничений», в том числе защитительные и антидемпинговые пошлины. Общеизвестно, что антидемпинговые критерии права ВТО не соответствуют традиционным понятиям «несправедливой конкуренции» и представляет собой явное отступление от принципов ВТО о недопустимости дискриминации. На развивающиеся страны оказывается давление с тем, чтобы они не повышали размер ввозных пошлин, даже если они значительно ниже установленных ставок и их повышение направлено на стабилизацию экономического положения и могло бы помочь в борьбе с кризисом. Отмеченные тенденции свидетельствуют о неэффективности действующих глобальных регулирующих механизмов, в частности касающихся нетарифных барьеров, либерализации финансовых рынков и способности должным образом ответить на вызовы кризиса².

1. Стиглиц Дж. О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. М.: Международные отношения, 2010. С. 57.

2. Там же. С. 249.

В России в 2009 г. развитие внешней торговли характеризовалось существенным снижением объемов и ухудшением качественных характеристик экспорта и импорта. Так, изменения структуры импорта были связаны с уменьшением доли инвестиционных товаров. В стоимостной структуре экспорта снижение удельного веса товаров топливно-сырьевой группы было вызвано не расширением промышленного экспорта, а падением цен на нефть и нефтепродукты. Кроме того, произошло существенное – на 37% – сокращение положительного сальдо внешнеторгового баланса, исчисляемого по методологии платежного баланса, долгое время демонстрировавшего устойчиво высокие объемы. Объем импорта товаров в 2009 г. составил, по данным ФТС России, 167,371 млрд долл. США против 267,100 млрд долл. США в 2008 г. (снижение на 37,3%), в том числе 145,586 млрд долл. США – из стран дальнего зарубежья (снижение на 36,8%), 21,785 млрд долл. США из стран-участниц СНГ (снижение на 40,5%). Доля импорта в ВВП (по методологии платежного баланса) в 2009 г. снизилась и составила 15,6% против 17,4 % в 2008 г. По итогам внешней торговли России в 2011 г., экспортные сделки по-прежнему преобладают над импортными, сводя к позитивному сальдо в платежном балансе во внешней торговле. Несомненно, на показатели внешней торговли России оказал влияние мировой экономической кризис 2008 г., после которого экономический уровень страны только начинает восстанавливаться. За период с январь по октябрь 2011 г., по данным Федеральной службы государственной статистики, общий объем экспортных товаров России достиг 418 893 млн долл. США, объем импортных товаров того же периода – 248 783 млн долл., что по сравнению с периодом прошлого года показывает увеличение на 30,6% и 37,3% соответственно.

Положительный российский торговый баланс последних лет благоприятно сказывается на экономике страны благодаря высоким мировым ценам на энергоресурсы и

экспорту сырьевых ресурсов. Однако рост потребления импортных товаров значителен. Доля импорта в 2009 (2008) г. составляла: легковые автомобили – 48,5% (59,8%); грузовые автомобили – 25,2% (41,2%); мясная продукция – 28,7% (31,7); сыры – 39,6 (38,7%); сливочное масло – 30,3% (32,1%); лекарственные средства – 72,1% (73,3%). Ввоз машин, оборудования и транспортных средств в 2009 г. сократился на 48,3%³.

Объем экспорта товаров, по данным ФТС России, в 2009 г. составил 301,652 млрд долл. США против 467,580 млрд долл. США в 2008 г. (снижение на 35,5%), в том числе в страны дальнего зарубежья – 254,9 млрд долл. США (снижение на 35,9 %), в страны-участницы СНГ – 46,8 млрд долл. США (снижение на 32,9 %). Доля экспорта в ВВП, исчисляемого по методологии платежного баланса, в 2009 г. составила 24,7 % против 28,1 % в 2008 г. В итоге положительное сальдо торгового баланса в 2009 г. составило 112,1 млрд долл. (в 2008 г. – 179,7 млрд долл.)⁴. Крупным событием для России под конец 2011 г. стало вступление во Всемирную торговую организацию (ВТО). После этого Россия согласилась снизить пошлины на ряд продуктовых товаров, в том числе на вино, пиво, сельскохозяйственные товары, а также ввести льготы для автоконцернов и поставщиков автокомпонентов. Российская сторона приняла решение об отмене взимания платы с европейских самолетов за пролет над территорией России и тарифов на железнодорожные перевозки. В 2010 г. начал действовать Единый таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана (далее – Таможенный союз), был введен в действие Таможенный кодекс Таможенного союза, предусматривающий единство правил применения и контроля всеми государствами Таможенного союза мер таможенно-тарифного регулирования внешней торговли. С появлением Единого таможенного союза введен также новый ме-

3. Российская экономика. Тенденции и перспективы. М.: Проспект, ИЭПП, 2010. С. 361.

4. Там же. С. 355.

ханизм зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин. В свое время Минэкономразвития РФ обращало внимание на то, что с 2010 г. таможенно-тарифное регулирование стало осуществляться в новых условиях Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана, что означало передачу части функций по регулированию внешней торговли от национальных органов государств-участников органам управления Таможенного союза, в первую очередь, его Комиссии. С 1 января 2010 г. Комиссии Таможенного союза были переданы полномочия в области регулирования внешней торговли, такие как изменение ставок ввозных таможенных пошлин, ведение Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности, установление тарифных льгот и тарифных квот, определение системы тарифных преференций, введение нетарифных мер регулирования⁵. Решения Комиссии Таможенного союза носят обязательный характер в соответствии со ст. 7 Договора о Комиссии Таможенного союза от 6 октября 2007 г. и подлежат непосредственному применению в государствах-участниках, а также имеют юридическую силу актов, принимаемых (издаваемых) теми государственными органами и должностными лицами государств-участников, к компетенции которых было отнесено регулирование соответствующих правоотношений. Другим важнейшим шагом стало введение единого для трех стран таможенно-тарифного регулирования торговли товарами с третьими странами. В этих целях были утверждены Единый таможенный тариф Таможенного союза и единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности, а также механизмы применения тарифных квот, системы льгот и преференций государств-участников. По сравнению с таможенным тарифом, действовавшим в Российской Федерации до 1 января 2010 г., в Едином таможенном тарифе уровень ввозных таможенных пошлин не изменился для Россий-

5. Там же. С. 369.

ской Федерации по 9 300 позициям (82%). Понижение ставок затронуло 1 500 тарифных позиций (фармацевтические субстанции, фотографические изделия, отдельные виды электрической техники, одежды (при одновременном повышении специфической составляющей), звукозаписывающей аппаратуры, кинокамер, медицинского оборудования), повышение ставок – 350 позиций (отдельные виды мясной и колбасной продукции, дрожжей). Исходя из прогнозируемой динамики и структуры импорта средневзвешенная ставка ввозных таможенных пошлин Единого таможенного тарифа с учетом льгот и преференций в 2010 г. оценивалась на уровне 10,2%, в 2011 г. – 10,1%, в 2012 г. – 9,9%, в 2013 г. – в диапазоне 9,8–10%. В 2010 г. в сфере таможенно-тарифного регулирования импорта промышленных товаров Комиссией Таможенного союза принимались решения, направленные на поддержку отечественных производителей, в том числе на защиту производителей поликарбонатов оптического назначения, на стимулирование производства солнечных модулей российскими предприятиями путем снижения ставок ввозных таможенных пошлин на материалы, используемые в их изготовлении. 1 января 2012 г. на территории России, Казахстана и Белоруссии вступило в силу соглашение по Единому экономическому пространству (ЕЭП). Соглашение было достигнуто с целью формирования эффективно действующего внутреннего рынка товаров, услуг, капитала и труда, проведения согласованной налоговой, денежно-кредитной, валютно-финансовой, торговой, таможенной и тарифной политики. Данное международное соглашение на территории ЕЭС предусматривает: единые принципы правил конкуренции, монополии и предоставления промышленных субсидий; поддержку сельского хозяйства и порядка госзакупок; организацию единого рынка нефти и нефтепродуктов Белоруссии, Казахстана и России и его управление; единые принципы тарифной политики железнодорожного транспорта и доступа к услугам субъектов естественной монополии в

сфере природного газа. А на уровне правительств – соглашения по макроэкономической и валютной политике и создание условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала.

Использование таможенно-тарифной политики для стимулирования реального сектора экономики России

1. Средневзвешенная ставка ввозных таможенных пошлин в 2009 г. с учетом льгот и преференций составила 10,61%. Исходя из прогнозируемой динамики и структуры импорта, средневзвешенная ставка ввозных таможенных пошлин ЕТТ с учетом льгот и преференций в 2010 г. прогнозировалась на уровне 10,15%, в 2011 г. – 10,05%, в 2012 г. – 9,85%. Тем не менее, в целом в 2009 г. по сравнению с 2008 г. средневзвешенная ставка импортной пошлины даже сократилась: в 2008 г. – 11,45%, а в 2009 г. – 10,7%. Согласно оценке объемов импорта в 2013 г., средневзвешенная ставка ввозных таможенных пошлин ЕТТ с учетом льгот и преференций по налогооблагаемому импорту из стран дальнего зарубежья в 2013 г. будет находиться в диапазоне 9,8% – 10,0%. При оценке сумм платежей в федеральный бюджет в 2011 г. принимались во внимание возможные риски недополучения поступлений от взимания ввозной таможенной пошлины, рассчитанные исходя из представленного выше прогнозируемого уровня средневзвешенной ставки ЕТТ в 2011 г. и прогнозируемого объема российского импорта за 2011 г. Это обусловлено такими факторами, как: незавершенность процесса переговоров по распределению ввозных таможенных пошлин в Таможенном союзе и связанная с этим неопределенность в отношении пропорций упомянутого распределения; зависимость поступлений от ввозных таможенных пошлин в российский бюджет от совокупных объемов

импорта России, Белоруссии и Казахстана из стран дальнего зарубежья и объективные трудности их достоверного прогнозирования в настоящее время. Конкретный объем импорта трех стран в 2011 г. и в последующие годы из дальнего зарубежья зависил от степени проявления различных эффектов, связанных с созданием Таможенного союза, среди которых: ожидаемое снижение импорта из третьих стран за счет опережающего расширения торговли внутри Таможенного союза в связи с процессом замещения товаров из дальнего зарубежья товарами из стран ТС; отсутствие апробированного практического механизма (порядка) зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин. Несмотря на снижение объемов импорта, наиболее чувствительными в отношении импортозависимости для Российской Федерации в 2009 г. оставались рынки автомобильной техники, мясной и молочной продукции, медикаментов и ряд других.

Фискальная составляющая. В 2009 г. объем поступлений от взимания ввозной таможенной пошлины составил 467,2 млрд руб. по сравнению с 625,6 млрд руб. в 2008 г. (снижение на 25,3%), объем поступлений от взимания вывозных таможенных пошлин – 2 042,2 млрд руб. против 2 859,3 млрд руб. в 2008 г. (снижение на 28,6%). Объем тарифных льгот по ввозным таможенным пошлинам за 2009 г. составил 43,1 млрд руб. против 33,4 млрд руб. в 2008 г. (увеличение на 29,0%). Объем тарифных льгот по ввозным таможенным пошлинам составил в 2009 г. 9,2% от объема поступлений платежей от ввозных таможенных пошлин против 5,4% в 2008 г. Объем предоставленных льгот по ввозным пошлинам увеличился по большинству их видов. Основной рост был достигнут в части перемещения запасов по ввозимой продукции морского промысла – в 2,4 раза, а также по товарам, перемещаемым в рамках реализации межправительственных соглашений, – в 2 раза. Уменьшение объема льгот было зафиксировано по товарам, ввозимым в качестве вклада иностранных

инвесторов в уставные капиталы предприятий с иностранными инвестициями, — на 31%. Объем льгот по вывозным пошлинам составил в 2009 г. 86,4 млрд руб. против 123,5 млрд руб. в 2008 г. (снижение на 30%). Предоставленные льготы по вывозным пошлинам соответствовали 4,2% от объема поступлений платежей от вывозных таможенных пошлин (4,3% в 2008 г.). Основное снижение объемов характеризовало льготы по товарам, перемещаемым по соглашениям по разделу продукции, — на 25,6%, а также по товарам, перемещаемым в рамках реализации межправительственных соглашений, — на 55,8%.

2. В конце 2008 — начале 2009 г. акценты таможенно-тарифной политики сместились от выполнения традиционных регулирующей и фискальной функций в сторону проведения антикризисных мероприятий в целях защиты экономики России, поддержки конкурентоспособности отечественных производителей⁶. Механизм тарифных мер позволял правительству принимать оперативные решения в экстремальных ситуациях. Для этого требовались постоянный контроль рыночной доли импортных товаров на российских товарных рынках, повышение оперативности в отслеживании объемов импорта для создания превентивного механизма тарифной защиты. В этих целях был организован еженедельный мониторинг внешней торговли и состояния внутреннего рынка чувствительных промышленных и сельскохозяйственных товаров, наиболее уязвимых для иностранной конкуренции в кризисных условиях, налажена система взаимодействия с бизнес-сообществом. Подобная система в большинстве случаев давала возможность оперативно реагировать на сигналы и угрозы внешнего рынка, находить варианты решения проблем, отвечающие интересам производителей и потребителей. В условиях кризиса во многих странах скопились огромные запасы готовой продукции, и многие производители были готовы

6. Там же. С. 363.

даже по заниженным ценам сбывать их в других странах, поэтому меры российского правительства были вынужденными и защитными. В части таможенно-тарифного регулирования Правительством Российской Федерации в 2009 г. было принято 96 постановлений, из которых 63 касались ввозных и вывозных пошлин в отношении промышленных товаров, 17 – продовольственных и сельскохозяйственных товаров, 13 – вывозных пошлин на нефть и нефтепродукты, в том числе 12 – по их ежемесячной корректировке, и 3 – по другим вопросам. Из порядка 1 000 товарных подсубпозиций, по которым были изменены ставки ввозных пошлин в 2009 г., на 570 ставки пошлин были повышены, на 430 – понижены. Повышение ввозных пошлин затронуло в 2009 г. 10,2% от объема импорта в страны дальнего зарубежья (в 2008 г. импорт этих товаров составлял 19,5%), понижение – 2,5% (соответственно – 2,7%). При этом в целом импорт из стран дальнего зарубежья снизился на 36,8%, импорт, осуществленный по повышенным ставкам, – на 66,9%, по пониженным ставкам – на 41,4%. Среди важнейших отраслей, в отношении которых были приняты меры таможенно-тарифной защиты в целях повышения конкурентоспособности, – автомобильная промышленность, сельхозмашиностроение, черная металлургия, станкостроение. В целях поддержки отечественных сельхозпроизводителей правительством Российской Федерации приняты постановления о повышении ввозных таможенных пошлин на ряд импортируемых сельскохозяйственных товаров (рис, сыры, молочная продукция, растительные масла и т.д.)⁷. Наряду с данными мерами введен беспошлинный режим ввоза племенного молодняка кур домашних и яиц для инкубирования, что позволило увеличить импорт указанных товаров и положительно сказалось на росте продукции отечественного птицеводства. Все постановления приняты сроком на 9 месяцев, в течение

7. Там же. С. 364.

которых проводился мониторинг влияния принятых мер на внутреннее производство. По истечении срока были приняты решения о продлении действующих пошлин еще на 9 месяцев, о введении пошлины на постоянной основе или о возвращении на прежний уровень⁸. Также в целях обеспечения благоприятных условий для развития российского производства был принят ряд решений, направленных на расширение сырьевой базы, повышение степени загрузки производственных мощностей в условиях финансового кризиса (отмена ввозных пошлин на сырье, комплектующие и технологическое оборудование, не производимое в России).

Среди мер по повышению пошлин наиболее значимыми были:

1) повышение ставок ввозных таможенных пошлин на все виды автотранспортных средств. Основная цель данного решения — закрыть доступ на российский рынок старых автомобилей западных марок и ограничить доступ для новых зарубежных автомобилей;

2) повышение ставок ввозных таможенных пошлин с 5% до 15% на прокат, до 15–20% — на трубы. Это решение было принято в целях оказания поддержки российским производителям металлургической продукции;

3) повышение ставок ввозных пошлин на оборудование было предпринято в целях развития отечественного производства и налаживания выпуска отечественных аналогов техники. Так, до 5% были повышены ставки более чем на 120 товарных позиций, например, на: станки с числовым программным управлением; котлы водяные с пароперегревателем и части к ним; двигатели внутреннего сгорания для силовых судовых установок; насосы; установки для кондиционирования воздуха со встроенной холодильной установкой и без нее; оборудование и устройства для фильтрования или очистки жидкостей; станки для об-

8. Там же.

работки любых материалов, работающие с использованием электроразрядных процессов; краны мостовые на неподвижных опорах; элеваторы и конвейеры непрерывного действия; отдельные позиции машин и оборудования для лесного хозяйства; различные виды станков и другие виды оборудования.

Следует исходить из того, что изменение ставок таможенных пошлин является важным, но не единственным инструментом поддержки конкурентных позиций отечественных товаропроизводителей, и должно применяться в совокупности с другими мерами экономической политики. Россия в отличие от развитых индустриальных стран применяет ограниченный набор таможенно-тарифной политики, что неблагоприятно сказывается на конъюнктуре внутреннего рынка и снижает конкурентоспособность российских товаров. Пока Россия строит защиту внутреннего рынка в основном на применении мер тарифного и фискального ограничения ввоза отдельных видов товаров. Между тем, в стороне оказались такие инструменты, как количественные ограничения, требования лицензирования и изменяемые сборы, технические барьеры, антидемпинговые и компенсационные меры.

Ряд мер таможенно-тарифной политики принимался в целях повышения модернизационной и инновационной составляющей российской экономики, поддержания необходимого уровня инвестиционной привлекательности. Это касается обнуления или снижения пошлин на 92 товарные позиции технологического оборудования, в том числе на отдельные виды оборудования, аппаратуры и комплектующих к ним, используемых в строительной (для трамбования, уплотнения, в том числе и для работы в 11 заболоченных и заснеженных местах), текстильной, металлообрабатывающей (трубопрокатные станы, металлообрабатывающие станки), медицинской (аппаратура искусственной почки, диализаторы, для анестезии) отраслях; порталные погрузчики и подъемники; приборы и инструменты, ис-

пользуемые в геодезии, топографии, геофизике. В качестве антикризисной меры были отменены экспортные пошлины в отношении ряда товаров (удобрения, никель, медь), что привело к повышению их ценовой конкурентоспособности.

В связи с существенным повышением биржевых цен на никель нелегированный и в целях пополнения бюджета в конце 2009 г. Правительство Российской Федерации приняло решение о восстановлении 5%-ной ставки вывозной таможенной пошлины на него. Меры по поддержке конкурентоспособности отечественных авиаперевозчиков включали установление нулевых ставок пошлин в отношении самолетов. В 2009 г. были приняты решения об установлении нулевой ставки ввозной таможенной пошлины на: самолеты гражданские с количеством посадочных мест не более чем на 50 чел. с массой пустого снаряженного аппарата до 20 тыс. кг; самолеты гражданские с массой пустого снаряженного аппарата более 120 000 кг; самолеты гражданские грузовые, не оснащенные грузовой рампой, с максимальной взлетной массой более 370 т.

С целью организации импортозамещающих производств в России Правительством Российской Федерации были отменены ставки ввозных таможенных пошлин на ряд автомобильных компонентов, в частности, на двигатели, бамперы, ремни безопасности, отдельные виды принадлежностей кузовов, коробки передач, мосты, колеса ходовые, системы подвески, радиаторы, глушители и т.д., ввозимых в режиме «промышленной сборки» моторных транспортных средств.

Для развития производства современной телевизионной техники Правительством Российской Федерации были отменены ставки 12 ввозных таможенных пошлин на жидкокристаллические и плазменные экраны и повышены ставки ввозных таможенных пошлин (с 10% до 15%) на телевизионные приемники с такими экранами. В 2009 г. было принято 12 постановлений Правительства Россий-

ской Федерации «Об утверждении ставок вывозных таможенных пошлин на нефть сырую и на отдельные категории товаров, выработанные из нефти, вывозимые с территории Российской Федерации за пределы государств-участников соглашений о Таможенном союзе»⁹. Кроме того, во исполнение поручений Правительства Российской Федерации по установлению нулевой ставки вывозной таможенной пошлины на нефть, добываемую на месторождениях Восточной Сибири, было принято Постановление от 16 июля 2009 г. № 574 «О внесении изменений в Таможенный тариф Российской Федерации в отношении нефти сырой»¹⁰. Данным постановлением в ТН ВЭД России была выделена отдельная подсубпозиция на уровне десятого знака для нефти сырой, добытой на месторождениях Восточной Сибири, в результате чего с 1 декабря 2009 г. была установлена нулевая ставка вывозной таможенной пошлины на нефть, добытую на данных месторождениях.

Решения Правительства Российской Федерации по таможенно-тарифному регулированию, принятые в 2009 г., сыграли также важную роль в развитии отечественного аграрно-промышленного комплекса. Принятые в данной области меры были направлены на обеспечение продовольственной безопасности Российской Федерации, повышение уровня тарифной защиты внутреннего рынка и на этой основе – повышение конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной и продовольственной продукции, привлечение дополнительных инвестиций в АПК и ЛПК.

Среди наиболее значимых мер, касающихся тарифного регулирования рынков агропромышленной продукции, необходимо выделить следующие:

1) в целях адекватного уровня защиты отечественных товаропроизводителей, оздоровления ситуации в российском животноводстве были скорректированы ранее установленные на 2009 г. объемы тарифных квот на говяди-

9. Обзор состояния российской экономики 2009–2010 гг. М.: Проспект, 2010. С. 362.

10. Там же.

ну, свинину и мясо домашней птицы, изменен порядок их распределения между участниками ВЭД, утверждены ставки ввозных таможенных пошлин в отношении данной продукции;

2) учитывая нехватку качественного кожевенного сырья на отечественных предприятиях и снижение объемов импорта сырых шкур и кожевенного полуфабриката, снижены с 5% до 0% ставки ввозных таможенных пошлин на отдельные виды дубленой кожи;

3) в целях улучшения таможенного администрирования и предотвращения «перетекания» товарных позиций сыров из дешевого ценового сегмента в дорогой, с более низкой ставкой ввозной таможенной пошлины, из Таможенного тарифа Российской Федерации были исключены ценовые диапазоны и введена единая комбинированная ставка ввозной таможенной пошлины на отдельные виды сыров в размере 15% , но не менее 0,5 евро за 1 кг;

4) в связи с изменившейся конъюнктурой рынка сахара с 1 мая по 31 декабря 2009 г. введена повышенная ставка ввозной таможенной пошлины в размере 165–270 долл. за т (вместо 140–270 долл./т) в зависимости от уровня мировых цен на сахар-сырец;

5) в целях защиты отечественных товаропроизводителей продукции агропромышленного комплекса в условиях мирового экономического кризиса, а также обострения конкуренции со стороны импортируемых товаров, повышены ставки ввозных таможенных пошлин на: сухое молоко (с 15% до 20%), сливочное масло (с 15% от таможенной стоимости, но не менее 0,22 евро за 1 кг, до 15%, но не менее 0,35 евро за 1 кг), соевый шрот (с 0 до 5%), рис (с 0,07 евро за 1 кг до 0,12 евро за 1 кг, введение сезонной пошлины с 15 февраля по 15 мая 2009 г. в размере 0,16 евро за кг), маниоковый и кукурузный крахмалы (с 20% от таможенной стоимости, но не менее 0,06 евро за 1 кг, до 20% от таможенной стоимости, но не менее 0,15 евро за 1 кг).

В 2009 г. были приняты также решения, устанавливающие параметры таможенно-тарифного регулирования продукции АПК и АПК на 2010 г., в том числе в условиях функционирования Таможенного союза.

Так, с учетом падения спроса на необработанную древесину на внешних рынках и кризисных явлений в отечественной переработке древесины на 2010 г. были продлены ставки вывозных таможенных пошлин на основные виды необработанной древесины, установленные с 1 апреля 2008 г. С целью стабилизации ситуации на российском рынке мяса, ограничения излишнего объема импорта мясных продуктов на территорию Российской Федерации на 2010–2012 гг. были установлены тарифные квоты на мясную продукцию, с сохранением «странового» принципа распределения квот между государствами – поставщиками, а также «исторического» принципа распределения квот между участниками ВЭД на 2010 г. Кроме того, были согласованы и включены в Единый таможенный тариф, утвержденный решением Межгоссовета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 18 «О едином таможенно-тарифном регулировании Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации», следующие меры регулирования мясного рынка стран Таможенного союза: увеличен ценовой порог на высококачественную говядину с учетом изменения мировых цен с 3 000 евро за 1 000 кг до 8 000 евро за 1 000 кг, что позволило не допустить случаев нарушения участниками ВЭД требований таможенно-тарифной политики и уклонения от уплаты таможенных платежей в полном объеме; повышены ставки ввозных таможенных пошлин в отношении говядины (коды ТН ВЭД 0201,0202) с 30%, но не менее 0,3 евро за 1 кг, до 50%, но не менее 1 евро за кг, а также сохранены на практически запретительном уровне 2009 г. ставки ввозных таможенных пошлин в отношении свинины (коды ТН ВЭД 0203) – 75%, но не менее 1,5 евро за 1 кг и мяса птицы (коды ТН ВЭД 0207) –

80%, но не менее 0,7 евро за 1 кг; увеличены ставки ввозных таможенных пошлин на живых товарных свиней (коды ТН ВЭД 0103 91, 0103 92) с 5% до 40%, но не менее 0,5 евро за 1 кг, что позволит укрепить конкурентоспособность отечественной свиноводческой отрасли. Были установлены в ЕТТ с 1 января по 30 апреля и с 1 августа по 31 декабря ценовые диапазоны биржевой цены на сахар-сырец в размере 286,60–396,83 долл./т (13–18 ц./фунт) с утверждением шкалы ставок ввозных таможенных пошлин в диапазоне 140–270 долл./т, а также расширены диапазоны биржевой цены на период с 1 мая по 31 июля с 286,60 долл./т до 485,02 долл./т (13–22 ц./фунт) с установлением шкалы ставок ввозных таможенных пошлин в диапазоне 50–250 долл./т в указанном периоде. Данная мера, вступившая в силу с 1 января 2010 г. в соответствии с Решением Межгоссовета Евразийского экономического сообщества от 27 ноября 2009 г. № 131 «О тарифном регулировании импорта сахара в Таможенном союзе Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации», позволила скорректировать действующие ценовые диапазоны шкалы ставок ввозных таможенных пошлин на сахар-сырец и привести их в соответствие с существующей и прогнозируемой конъюнктурой мирового рынка сахара-сырца, снизить финансовую нагрузку на потребителей.

3. В соответствии с документом «Основные направления таможенно-тарифной политики на 2010 год и на плановый период 2011 и 2012 годов» все товары российского производства делятся на пять групп по уровню на внутреннем рынке. Конкретные тарифные ставки стали определяться в зависимости от уровня конкурентоспособности той или иной отрасли. К «устойчиво конкурентоспособной продукции» отнесены сырье, металлургическая продукция первичной переработки, химическая продукция и древесина. Здесь таможенно-тарифное регулирование «допускает решение фискальных задач». Стальной прокат и трубы,

пластмассы, бумага, картон, грузовые автомобили, железнодорожная техника, цемент, стройматериалы и некоторые продукты питания отнесены к группе «со средним уровнем конкурентоспособности». В их отношении введены временные количественные ограничения или повышенные ставки таможенных пошлин. Протекционистские меры предлагается применять в отношении легковых автомобилей, автокомплектующих, двигателей, лакокрасочных изделий, бытовой химии, шин и некоторых видов продуктов питания (в том числе мяса).

4. В основных направлениях таможенно-тарифной политики на 2013 г. и на плановый период 2014–2015 гг. правительство оставляло для себя возможность применения ограничений импорта в случае возникновения рецидивов мирового экономического кризиса. «Одновременно сохраняется возможность маневрирования в рамках тарифных обязательств, особенно по тем позициям, где действующие ставки пошлин установлены ниже предельного уровня», — говорится в материалах, размещенных на сайте кабинета министров. В 2013 г. и в плановый период 2014–2015 гг. таможенно-тарифная политика будет осуществляться в условиях вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО) и дальнейшей интеграции на пространстве Евразии. На этот период российские тарифные обязательства будут определяться перечнем уступок и обязательств по товарам, прилагаемым к *протоколу о присоединении РФ к ВТО от 16 декабря 2011 г.* Так, в процессе снижения ставок ввозных пошлин по ряду позиций предполагается переход от комбинированной к адвалорной или специфической ставке, а также снижение специфической составляющей комбинированной ставки. В основном это коснется таких товаров, как живые свиньи, мясные субпродукты, молоко и сливки сухие и сгущенные, рис и изделия из него, дрожжи, некоторые шоколадные изделия, сахар-сырец и сахар прочий (кроме белого сахара), прокат черных металлов, комбайны, грузовые и легковые автомобили. В целях достижения при-

оритетов внешнеторговой политики Таможенного союза может потребоваться использование других инструментов регулирования, стимулирующих расширение ресурсной базы модернизации, импортозамещение, повышение конкурентоспособности предприятий и выпускаемой ими продукции, что позволит обеспечить эффективную защиту отечественных производителей. В частности, возрастет потребность в использовании специальных мер по защите внутреннего рынка, для повышения конкурентоспособности отечественных производителей будут задействованы такие эффективные инструменты, как тарифные квоты. В 2013–2015 гг. сохранится механизм тарифного квотирования в отношении импорта мяса и мясных продуктов. Возможно также применение ограничений импорта в Россию и другие страны ТС. По правилам ВТО предусмотрена отмена экспортных пошлин по истечении переходных периодов (сроком 1–5 лет) на все товары, облагаемые действующими вывозными пошлинами, за исключением семян масличных культур, минерального топлива (нефть, нефтепродукты, газ), необработанных шкур и выделанной кожи, лесоматериалов необработанных и некоторых видов обработанных лесоматериалов из ценных пород древесины, лома черных и цветных металлов, осей железнодорожных локомотивов. При этом предполагается усиление роли системы технического регулирования, санитарных и фитосанитарных мер, унифицированных и единообразно применяемых в рамках ТС, в качестве инструментов торговой политики. В 2013 г. должно завершиться формирование полномасштабной системы наднационального регулирования в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. В рамках этой системы могут быть реализованы новые подходы к регулированию внешнеэкономической деятельности с учетом общих интересов стран «тройки» и долгосрочных перспектив интеграции.

Часть III

Материалы постоянного
научного семинара
«Деньги и денежное обращение
в период формирования
национальных денежных систем»
(тезисы докладов)

Ю.П. Бокарев*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК И ГИПЕРИНФЛЯЦИЯ (1921–1923 гг.)**

Возрождение денежного хозяйства

Почему на X съезде вопрос о продналоге рассматривался одним из последних? Чем привлекла В.И. Ленина теория бумажных денег Е.А. Преображенского? Эмиссия как налог и экспроприация сбережений. Противоречия финансовой политики в первой половине 1921 г. Политика твердых цен. Проект эмиссии серебряных денег и возобновления инфляции с нуля. Попытка натурального продуктообмена с крестьянством. Товарные эквиваленты. Проект декрета СНК о трудовой единице учета. Расширение денежного обращения. Тезисы финансовой комиссии СНК о денежных расчетах. Положение ВЦИК от 26 июля 1921 г. «О Народном комиссариате финансов». Организация в составе Наркомфина организационно-налогового управления. Отход Н.Н. Крестинского от руководства Наркомфином. Г.Я. Сокольников. А. О. Альский. Роль голода 1921 – 1922 гг. в развитии денежных отношений. Перевод промышленности на хозрасчет и потребность воссоздания

* Бокарев Юрий Павлович – д.ист.н., проф., заведующий сектором экономической истории Института экономики РАН, сопредседатель постоянного научного семинара «Деньги и денежное обращение в период формирования национальных денежных систем».

** Тезисы доклада на выездном заседании семинара в пресс-центре Банка России 31 мая 2012 г.

оптовой торговли и кредита. Состояние рубля накануне воссоздания Госбанка.

Воссоздание начального периода деятельности Государственного банка

Причины воссоздания Государственного банка. Положение о Госбанке 13 октября 1921 г. А.Л. Шейнман. Ведущие работники Банка: З.С. Каценеленбаум, Н.Н. Кутлер, А.М. Левин, Ф.К. Радецкий, А.П. Спунде, Г.А. Шварц, Л.Н. Юровский. Трудности создания отделений Госбанка в других городах. Средства Госбанка при его основании и влияние гиперинфляции. Динамика привлеченных средств. Баланс Госбанка на 1 января 1922 г. Проблема страхования рисков. Изменения учетной политики. Взыскание долгов натурой и торговые операции Госбанка. Участие Госбанка в прибылях предприятий. Металлические и валютные операции Госбанка. Корреспондентские операции.

Борьба Государственного банка с гиперинфляцией

Совещание в Госбанке 20 ноября 1921 г. Выступления Кутлера, Гензеля, Канценеленбаума, Покровского, Соколова, Шмидта, Фалькнера, Шапошникова, Шейнмана. Проект обуздания инфляции Шейнмана и отношение к нему Ленина. Миф о металлических деньгах. Роль золота в России и послевоенной Европе. Дискуссии об оздоровлении кредита. «Символический золотой рубль» Сокольников и отношение к нему Госбанка. Комиссия Госбанка 1922 г. по мерам урегулирования денежного обращения. Восстановление вексельного обращения. Проекты эмиссии «банкбилетов». Предоставление Госбанку эмиссионного права. Эмиссия червонцев. Золотое обеспечение эмиссии. Золотые червонцы. Регулирование Госбанком курса червонца в отношении

довоенного рубля. Передача определения курса червонца на биржи. Вытеснение червонцами падающих совзнаков. Съезды управляющих банками. Проект страхования совзнаков от обесценения. Проект учреждения Фондовой биржи. Конфликт между Сокольниковым и Шейнманом о расширении эмиссии червонцев. Оздоровление кредита.

Участие Госбанка в денежной реформе

Первые проекты денежной реформы. Трудности проведения реформы. Бюджетный дефицит. Пассивность внешнеторгового баланса. Необходимость перехода к денежным налогам. Два варианта денежной реформы. Достижения и провалы деятельности комиссии Преображенского. Деноминация 1922 г. Эмиссия совзнаков 1922 и 1923 гг. Прекращение хождения денежных знаков, выпущенных до 1921 г. Попытка прекращения эмиссии местных денежных суррогатов. Основные проблемы стабилизации денежного обращения. Ограничение эмиссионного права. Натуральный налог как основное препятствие на пути денежной реформы. Разменный кризис октября 1923 г. Новые денежные суррогаты. Транспортные сертификаты. Казначейские билеты 1924 г. Связь их курса с червонцами. Установление червонного исчисления. Дискуссия между Преображенским и Сокольниковым. Прекращение хождения совзнаков.

Заключение

Была ли новая валюта достаточно стабильной? Роль золота в ее стабилизации. Споры Госбанка с ВСНХ и Госпланом по вопросу об эмиссии. Падение покупательной силы червонца в середине 1920-х гг. Вопросы, сохранившие актуальность до наших дней.

А.С. Соколов*

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1921 г. В ТУРКЕСТАНЕ**

На рубеже 1918–1919 гг. перед Наркоматом финансов РСФСР встала проблема засорения обращения всевозможными денежными знаками, которые выпускались на окраинах бывшей Российской империи как большевистским, так и антисоветскими правительствами. Особо тяжелое финансовое положение сложилось на территории Туркестанского края. С лета 1918 г. этот регион оказался отрезанным от центра фронтами Гражданской войны и практически не получал денежных подкреплений. Полная изоляция Туркестана привела к необходимости создать собственные деньги. Декрет СНК РСФСР от 3 сентября 1918 г. предоставил туркестанскому отделению Народного банка право выпуска временных кредитных билетов Туркестанского края (туркбон). Первый выпуск имел номиналы в 1, 3, 5, 10, 25, 50 и 100 руб. Народный банк РСФСР должен был обменивать туркестанские кредитные билеты на общероссийские и вне этого района, но на практике это встречало затруднения.

В сентябре 1919 г. была восстановлена связь Туркестана с Центральной Россией. Однако из-за трудности сообщения Наркомат финансов не мог в достаточном количестве обеспечить снабжение края общефедеральными дензнака-

* Соколов Александр Станиславович – д.ист.н., заведующий кафедрой истории и философии Рязанского государственного радиотехнического университета.

** Тезисы доклада на заседании семинара 14 февраля 2013 г.

ми и вынужден был соглашаться на постоянные просьбы местных властей об увеличении выпуска туркбон. В 1920 г. в регионе в обращение были выпущены купюры в 1 000, 5 000 и 10 000 руб. На протяжении 1919–1921 гг. эмиссия в Туркестане выросла в 100 раз (общероссийская в 20 раз). Результатом этого стало стремительное падение покупательной способности туркбон.

В начале сентября 1920 г. Комиссия ВЦИК по делам Туркестана, ознакомившись с положением финансов в Республике направила в Совнарком записку, в которой указывала, что обесценение туркестанских бон достигло катастрофических размеров. Комиссия настаивала на немедленном изъятии из обращения туркбон и замены их на общегосударственные знаки.

Главной составляющей успешного проведения реформы денежного обращения Туркестана являлось установление приемлемого соотношения между деноминированными туркбонами и расчетными знаками РСФСР 1919 г. Под руководством наркома финансов Туркестана С.М. Измайлова в январе 1921 г. была проведена денежная реформа. Был произведен обмен временных кредитных билетов Туркестанского края на денежные знаки РСФСР выпуска 1919 г. в соотношении 10 к 1.

Денежная реформа в Туркестане была первым для советской власти шагом при проведении крупных финансовых мероприятий. Этот успешный опыт был использован большевиками при осуществлении денежной реформы 1922–1924 гг. в масштабах всей страны.

В.В. Страхов*

ПЕРВЫЕ ВНУТРЕННИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ЗАЙМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ИХ
РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СТРАТЕГИИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
НА ВНУТРЕННЕМ РЫНКЕ**

Одним из финансово-экономических последствий наполеоновских войн было значительное возрастание в большинстве европейских держав роли внутреннего государственного кредита в качестве одного из источников покрытия беспрецедентных военных расходов. Именно с рубежа XVIII–XIX вв. под влиянием распространения количественной теории денег, неуклонного возрастания бюджетных расходов и впервые проявившегося в полной мере кризиса эмиссионного хозяйства, который выражался в росте инфляции, падении курсов банковских билетов по отношению к звонкой монете, а порой, и в переходе на бумажную валюту, займы на внутренних рынках становятся постоянным «спутником» чрезвычайных расходов, чаще всего вызванных войнами.

Не являлась в этом смысле исключением и Россия, где в 1809–1810 гг. впервые были осуществлены эмиссии двух облигационных займов, положивших начало система-

* Страхов Василий Вячеславович – к.и.н., проф. кафедры истории России, проректор по учебно-методической работе Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина.

** Тезисы доклада на заседании семинара 13 сентября 2012 г.

тическим среднесрочным и долгосрочным заимствованиям правительства на внутреннем рынке.

Первый заем был выпущен на основании указа Александра I от 25 августа 1809 г. «О внутренних в Государстве займах». Инициатором эмиссии «заемных из казначейства билетов» и ведущим автором проекта указа являлся статс-секретарь М.М. Сперанский, находившийся в зените политического влияния и считавшийся «истинным руководителем государственных финансов».

Основная задача займа состояла в изъятии из каналов денежного обращения части ассигнаций с целью стабилизации их курса по отношению к серебряному рублю. Выпускаемый по номинальному курсу, заем был рассчитан на 5 лет при 7% ежегодного дохода. Вопреки ожиданиям, заем не имел успеха. Первоначальный интерес владельцев крупных денежных капиталов к этой операции, во многом вызванный ее новизной, быстро угас. В немалой степени это объяснялось тем, что бумаги займа выглядели менее привлекательными по сравнению с «вкладными билетами» кредитных установлений, которые приносили 5% дохода и давали право истребовать депозит в любое время.

Тем не менее, в условиях продолжавшегося падения курса ассигнаций, переполнения казенных установлений вкладами в бумажной валюте и дальнейшего нарастания кризисных явлений в экономике правительство вскоре вновь обратилось к внутреннему кредиту. Важную роль при этом сыграл не только знаменитый «План финансов на 1810 год», где впервые были сформулированы важнейшие теоретические положения относительно внутренних займов, но и личная позиция М.М. Сперанского. Во многом способствовал выпуску нового займа и граф Н.С. Мордвинов, подготовивший для императора две специальные записки.

Выпущенная в мае 1810 г. первая часть планировавшегося грандиозного внутреннего займа в 100 млн руб. была направлена не только на уменьшение количества ассиг-

наций в обращении, но и на придание более «правильного» характера системе организации и управления государственным долгом. За счет более продуманных условий эмиссии и размещения он имел гораздо больший успех, нежели предыдущий. Распространение облигаций осуществлялось не только в столицах, но и в крупнейших центрах империи. Основными их держателями стали представители высших слоев бюрократии и крупного купечества, стремившиеся сохранить свои накопления в бумажной валюте от дальнейшего обесценения. О высоком спросе на облигации свидетельствовало, в частности, то, что вскоре они «получили огромный лаж в сравнении с ассигнациями». Причем, к июню 1812 г. их рыночная стоимость превышала номинал на 42%.

Однако с помощью займа не удалось стабилизировать сферу денежного обращения: из 20 млн руб., вырученных от его размещения, ассигнациями было получено лишь 5 млн. Остальная сумма была представлена «вкладными билетами» кредитных учреждений. Учитывая данное обстоятельство, а также усиление опасности новой войны с наполеоновской Францией, продолжение эмиссии было признано нецелесообразным.

Тем не менее, указанные займы, облигации которых были первыми отечественными ценными бумагами на внутреннем рынке, стали важным и в определенной мере поворотным событием в истории государственных финансов и экономики империи в целом. Их проведение свидетельствовало, что, несмотря на многочисленные анахронизмы экономической и социально-политической жизни, в стране медленно, но неуклонно набирал силу процесс формирования рынка финансовых капиталов. Проведение этих операций указывало на появление у правительства совершенно нового источника денежных ресурсов, по своему характеру, эффективности, финансово-экономическим и политическим последствиям более выгодного и предпочтительного, нежели займы у западных кредиторов.

В дальнейшем, вплоть до 1917 г., царское правительство активно использовало опыт, впервые полученный в ходе проведения займов 1809–1810 гг. Большинство его займов имело сходные эмиссионно-технические параметры, модели размещения. Как правило, существенной была и их связь с денежным обращением. Все это позволяет говорить о том, что указанные кредитные операции, несмотря на ограниченность своих результатов, во многом заложили основу стратегии правительственных заимствований на российском рынке.

Г.Г. Попов*

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИНАНСОВ ВЕДУЩИХ СТРАН МИРА**

До Первой мировой войны США были страной, в которой господствовали представления о рыночной экономике как о свободной от государственного вмешательства хозяйственной системе. Практически все администрации президентов вплоть до Вильсона стремились придерживаться именно этого принципа в стратегии. Отклонение от него президента Линкольна стало одной из причин Гражданской войны 1861–1865 гг.

Политика экономической свободы, в том числе невмешательства государства в сферу кредитования, далеко не способствовала процветанию американской экономики в начале XX в. В 1913 г. американский экспорт составил 2,466 млрд долл., а импорт – 1,813 млрд долл. В 1914 г. экспорт упал почти на 100 млн долл., а импорт повысился на 81 млн. В 1913 г. в США началась очередная рецессия, сопровождавшаяся падением производства и ростом безработицы до, примерно, 11%. Перспективы американской экономики представлялись достаточно мрачными.

ВВП США составил в 1914 г. 38,6 млрд в текущих ценах, что приблизительно равно 517 млрд в ценах 1990 г. В то же время в России в границах СССР ВВП составлял 232,5 млрд долл. в ценах 1990 г., Германии – 237,3 млрд,

* Попов Григорий Германович – к.э.н., доцент кафедры мировой экономики Московской академии экономики и права.

** Тезисы доклада на заседании семинара 18 октября 2012 г.

Австро-Венгрии без Трансильвании, Хорватии, Словакии, Галиции и Краковского воеводства — приблизительно 71 млрд. Но, несмотря на высокий ВВП, США испытывали проблемы с платежным балансом и дефицитом кредитных ресурсов. Главным финансовым источником американской экономики за ее пределами выступала Великобритания. В 1914 г. чистый долг США странам Западной Европы составил 3 млрд долл., или почти 7% от ВВП.

Все изменилось после 1916 г. США стали активно сотрудничать со странами Антанты и в 1917 г. вступили в войну на ее стороне. Авиационная промышленность выпустила продукции на сумму 175 млн долл. в 1918 г., кораблестроение — на 1,4 млрд долл. в том же году. Экспорт пшеницы вырос в 10 раз (с 68 млн долл. до 680 млн).

Правительство США организовало в мае 1918 г. Военно-финансовую корпорацию во главе с активным сторонником интервенционализма Юджином Мейером. Целью корпорации было финансирование значимых для обороны производств. Но, помимо непосредственно поддержки стратегически важных компаний, в функции корпорации входило искусственное поддержание надлежащего курса государственных облигаций, на что в 1918 г. Мейером было истрачено 378 млн долл. бюджетных денег при общем бюджете корпорации в 500 млн долл.

Несмотря на демилитаризацию экономики, проведенную Вильсоном после 11 ноября 1918 г., Военно-финансовая корпорация сохранилась и превратилась в инструмент мягкого бюджетного кредитования экономики. Конгресс настоял на сохранении этой структуры с тем, чтобы через нее финансировать компании-экспортеры, так как частные банки не хотели выдавать им кредиты, ожидая начало рецессии. Ю. Мейер был убежден, что через мягкое бюджетное кредитование США удастся избежать рецессии.

Опыт бюджетного финансирования экономики, или мягкого кредитования, появившись в годы Первой миро-

вой войны, был взят на вооружение Правительством США в 1920 гг. и в дальнейшем. Это толкало вверх инфляцию. Обесценивание денег удерживало средних американцев от увеличения вкладов в банки, но зато стимулировало американский экспорт.

Другой причиной инфляционной политики ФРС и правительства стала идея поддержки сильного фунта стерлинга, в чем был непосредственно заинтересован дом Морганов, имевший большие активы в английских банках. Чтобы золото из Британии не переливалось в американские банки, что разрушило бы золотой стандарт в Европе, ФРС шла на раздувание денежной массы и объемов кредитования экономики.

В 1932 г. Гувер восстановил Военно-финансовую корпорацию, только поменяв «вывеску». Теперь эта структура называлась Корпорация финансирования реконструкции, но суть осталась такая же, как и у ее предшественницы, и большинство персонала было оттуда же. За первое полугодие 1932 г. Корпорация выдала кредитов на сумму в 1 млрд долл. при объеме всей денежной массы в стране около 5,3–5,4 млрд.

Следствием раздутия в 1917–1919 гг. денежной массы и кредита стал рост фондового рынка, так как внутренний спрос на товары и услуги был еще не так велик. На этой волне возникло много неэффективных банков и корпораций. Рынок ценных бумаг давал возможность для быстрого обогащения. Прибегнув в 1929–1932 гг. к политике дешевых денег, Гувер только усугубил ситуацию. В течение 1930 г. учетная ставка была снижена с 4,5% до 2%, когда до начала Великой депрессии она составляла 6%. Федеральный банк Нью-Йорка скупил государственных облигаций на сумму в 218 млн долл. За первую же неделю после краха фондовой биржи Нью-Йорка банки Федеральной резервной системы нарастили депозиты на сумму в 1,8 млрд долл., что увеличило денежную массу в стране на 10%. К концу 1929 г. общая сумма банков-

ских резервов составила 2,35 млрд долл., почти столько же, сколько и до краха фондового рынка.

Несмотря на то, что депрессия набирала обороты, Гувер решил продолжить политику инфляционного стимулирования экономики. Только за первое полугодие 1932 г. ФРС скупила облигаций на 1,1 млрд долл., а дефицит государственного бюджета составил к 1932 г. 3 млрд долл. В феврале 1932 г. был принят закон Гласса-Стигала, позволивший ФРС выпускать доллары, обеспеченные, помимо золота, еще и облигациями федерального правительства, это стало первым шагом к отмене размена доллара на золото.

Гувер решил, что в сложившейся ситуации виноваты вкладчики, и в духе военной мобилизации сбережений населения повел пропагандистскую кампанию в пользу сохранения гражданами своих вкладов в банках. Это дало результаты, так как примерно с мая 1932 г. денежная масса начала расти, составив в июле 5,44 млрд долл. Рост денежной массы должен был вывести страну из депрессии, но все произошло наоборот, банки не спешили расширять кредит.

Единственное существенное отличие администрации Рузвельта от администрации Гувера — это политика денежного национализма, которая, по сути, свелась к отказу от привязки доллара к золоту и от его фиксированного курса по отношению к фунту стерлинга. Рузвельт фактически девальвировал доллар, его стоимость упала до 4,40 за фунт, когда англичане настаивали на твердом курсе 4 долл. за фунт.

По сути, жесткий фиксированный курс доллара к фунту стал в 1920 гг. наследием Первой мировой войны, когда оказавшаяся на грани банкротства Британская империя стремилась при помощи своих союзников искусственно поддержать фунт на определенном уровне.

В условиях роста экономики 1920 гг. валютная система, навязанная Западу Британией при активном участии клана Морганов, работала достаточно хорошо. Объем частных

международных инвестиций составил в 1929–1930 гг. 47,5 млрд долл, а в 1913–1914 гг. – 41,6 млрд. Объем международной торговли достиг в 1929 г. небывалой ранее отметки в 83,9 млрд долл., а в 1913 г. – только 64,8 млрд долл.

Возврат к золотому стандарту в 1925 г. позволил Британии стабилизировать свою финансовую систему, но при этом английские компании сдали свои позиции американским конкурентам. Только в одном Китае доля американского экспорта возросла с 6% в 1913 г. до 16,4% в 1926 г., когда доля английского экспорта в этой стране упала с 16,3% до 10,2%. Американцы вытеснили английский бизнес даже из Канады, где их экспорт вырос почти до 68% к началу Великой депрессии.

Как и Британия, Франция тоже присоединилась к гонке за стабильную валюту, правда, девальвировав после войны франк. В 1928 г. Франция ввела золотой стандарт. К 1930 г. французская экономика превысила довоенный уровень на 40%.

Было и еще одно важное следствие американской финансовой политики – кризис Веймарской Германии. В 1929 г. американский экспорт в Германию достиг 401 млн долл. США. Однако отказ администрации Гувера выделить даже минимальный долгосрочный кредит страдавшей от Великой депрессии Веймарской республике привел к развитию в немецкой экономике тяжелейшего с 1919 г. кризиса. Гувера убедил не помогать Германии Юджин Мейер.

Германия была для США также источником неплохих финансовых доходов – только выплаты по облигациям, выпущенным по плану Юнга и Дауэса, обогатили американских инвесторов на 13 млрд долл. (почти треть ВВП США), а Германия в общей сложности еще оставалась должна США почти 1,8 млрд долл. После прихода к власти нацистов американцам пришлось реструктурировать, или фактически почти списать этот долг.

Зимой 1933 г. Гувер бросил обвинения в адрес Уолл-Стрит, что ее дельцы специально обвалили фондовый

рынок, а затем бессовестно играли на понижение акций, спровоцировав тем самым депрессию. Многие тогда признали подозрения Гувера смешными, однако авторы нового курса уже из администрации Рузвельта подхватили его идею, переросшую вскоре в целую концепцию. В 1933 г., по инициативе Рузвельта, был принят знаменитый закон о банках, запретивший коммерческим банкам выпускать ценные бумаги и заниматься операциями на фондовом рынке, кроме операций с государственными бумагами. Инвестиционным банкам было запрещено держать депозиты. Проценты по вкладам до востребования оказались под запретом. Данные меры привели к сокращению на рынке доли мелких и средних банков, конкуренция за мелкого вкладчика через запрет начислять проценты на депозиты до востребования была прекращена, что увеличило концентрацию банковского капитала. Банковская сфера была жестко разделена на коммерческие и инвестиционные банки, что создало почву для картелирования банков. Федеральный банк Нью-Йорка в результате реформы утратил значительную часть своего влияния на банковский сектор страны. Принятый следом закон о ценных бумагах установил жесткие правила эмиссии ценных бумаг, лишив мелкие фирмы и банки выхода на фондовый рынок.

США побеждали конкурентов на мировом рынке за счет более дешевой рабочей силы. И это тоже было во многом следствием Первой мировой войны. Американская экономика после 1915 г. получала постоянный приток новых рабочих рук из разоренной войной Европы и бедствовавшей от внутренних смут Мексики. К тому же, у американцев был постоянный трудовой резерв — дискриминируемые афроамериканцы, для которых можно было делать послабления в правах, когда возникала необходимость. Британцы изолировали население своих колоний от рынка труда своей метрополии, лишив до 1950-х гг. свою экономику столь важного трудового резерва. Кроме того, завышенные в Первую мировую войну и замороженные

политикой профсоюзов на военном уровне заработные платы в промышленности сдерживали рост экспортных отраслей Британии.

Вторая мировая война окончательно разрушила и системы валютных блоков, и саму возможность восстановления фунта стерлингов как главной валюты в мире. В Бреттон-Вудсе было закреплено то, что произошло в 1933 г. на Лондонской конференции и, чуть ранее, в Нью-Йорке и Вашингтоне. Мировая экономика оказалась в зависимости от неразменного доллара и ФРС США.

Г.Г. Костромина*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В СССР 1960-х гг.

Начало реформ было положено сентябрьским Пленумом ЦК КПСС 1965 г. Официально это называлось переходом на новую систему планирования и экономического стимулирования. К комплексу реформ следует отнести также проведенную в 1965–1966 гг. реформу системы ценообразования.

Реформам предшествовали широкие научные дискуссии. В конце 50-х гг. в Институте экономики Академии наук СССР и в Московском государственном университете обсуждались проблемы природы товарного производства при социализме, характера действия закона стоимости, политики ценообразования, «внедрения» хозрасчета, определения эффективности капитальных вложений.

Дискуссии продолжались в 60-х гг. и принимали все более практический характер. Начались конкретные эксперименты на предприятиях. В тот период планирование, оценка работы и экономическое стимулирование осуществлялись на основе выполнения директивно задаваемого плана по всей номенклатуре выпускаемой продукции и ряду показателей: объему валовой продукции, себестоимости продукции (затраты на рубль товарной продукции, пересчитанные на сопоставимую структуру продукции),

* Костромина Галина Гавриловна — научный сотрудник сектора экономической истории Института экономики РАН.

отчислениям от прибыли в бюджет и другим. Был проведен эксперимент на большом количестве предприятий с заменой показателя валовой продукции, который стимулировал выпуск дорогой продукции, на показатель нормативной стоимости обработки.

Большое значение имел эксперимент в трех московских и двух ленинградских автохозяйствах, где устанавливался план только по общему объему перевозок, а материальное поощрение, помимо заработной платы, осуществлялось из прибыли за вычетом установленных платежей в бюджет. Большой резонанс вызвал эксперимент на двух швейных объединениях: московском — «Большевичка» и горьковском — «Маяк».

Кульминацией обсуждений стала опубликованная в 1962 г. в газете «Правда» статья Е. Либермана «План, прибыль, премия», усилившая широкую дискуссию по проблемам совершенствования (слово «реформа» тогда не употреблялось) управления, планирования и экономического стимулирования.

Автор статьи выступил с идеей отказа от огромного количества директивных (плановых) показателей, ограничив их объемом производства продукции в номенклатуре и сроками поставок «с максимальным учетом прямых связей между поставщиками и потребителями»¹. Остальные показатели предлагалось доводить только до совнархозов (советы народного хозяйства — отраслевой орган управления, были организованы Н.С. Хрущевым вместо упраздненных отраслевых министерств).

Е. Либерман рекомендовал предприятиям на основе директивного объемно-номенклатурного задания самим составлять план по всем остальным показателям. В качестве средства реализации этой идеи предлагалась система морального и материального стимулирования, направленного на поощрение полного использования резервов «не

1. Правда. 1962. 9 сент.

только при выполнении, но и при самом составлении планов»². По мнению Е. Либермана, этого можно было добиться за счет установления долгосрочных нормативов рентабельности.

Рентабельность предлагалось исчислять как отношение прибыли к производственным фондам (в тот период этот показатель рассчитывался только отношением прибыли к издержкам – себестоимости продукции).

Была предложена примерная шкала поощрения предприятий на основе исследований деятельности 24 машиностроительных заводов за пять лет. Шкала должна была обеспечить прямую зависимость размера поощрения от фактического уровня рентабельности и напряженности плана по рентабельности (заниженные планы должны были стать невыгодными).

По мнению автора статьи, предлагаемая им система должна была «резко упростить и вместе с тем улучшить низовое планирование»³. Чтобы добиться высокой рентабельности, предприятия должны стремиться к наиболее полной загрузке мощностей и оборудования, не делать излишних капиталовложений, не создавать излишних запасов, снижать себестоимость продукции и повышать производительность труда.

Единым и единственным источником всех видов премии должен был стать фонд поощрения, который обеспечивал бы гармоничное сочетание коллективной и индивидуальной материальной заинтересованности. Была также разработана шкала добавок и снижений размера поощрений в зависимости от удельного веса новых изделий в плане. Было рекомендовано установить порядок гибкого ценообразования: на новые эффективные изделия цены должны были устанавливаться с учетом дополнительных издержек. Е. Либерман подверг критике поиск «хороших» показателей, в частности, проведенную ранее замену валовой про-

2. Там же.

3. Там же.

дукции нормативной стоимостью обработки для швейной промышленности. По его мнению, дело не в показателях, а в системе взаимоотношений предприятий с народным хозяйством. Вместо поиска хороших показателей следует обеспечить свободу маневра.

После трехлетних дискуссий в соответствии с решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС начались экономические реформы.

В основу системы стимулирования были положены предлагаемые Е. Либерманом и другими экономистами принципы отказа от практики «от достигнутого уровня», сокращения директивных показателей, перехода к формированию фонда материального поощрения из единого источника — прибыли, и введения показателя рентабельности, рассчитываемого по отношению к производственным фондам, в качестве основы для определения размера фонда поощрения. В то же время в соответствии с положениями реформы наряду с рентабельностью в качестве фондообразующего показателя был принят прирост объема реализованной продукции и одновременно с фондом материального поощрения образовывались еще два фонда: фонд развития и фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства.

С 1966 г. начался постепенный перевод промышленных предприятий на новую систему оценки работы и стимулирования.

Реформированию же подверглись также система управления (отказ от территориального принципа и переход на отраслевую систему), ценообразование (переход к единому уровню цен вместо двухуровневого и расчет отраслевой рентабельности по отношению к производственным фондам вместо себестоимости), финансово-кредитная система (изменение структуры доходов государственного бюджета в пользу отчислений от прибыли за счет налога с оборота, который до этого был основным источником доходной части бюджета, отказ от взносов прибыли в виде свобод-

ного остатка и переход на долгосрочные нормативы распределения прибыли между предприятием и бюджетом — плату за производственные фонды в размере 6% в промышленности и 1% в государственных сельскохозяйственных предприятиях, нормативы отчислений в фонды экономического стимулирования, которые, в отличие от платы за фонды, хоть и были долгосрочными, но разрабатывались для каждого отдельного предприятия, попытка отказа от безвозвратного финансирования капитальных вложений и перехода к долгосрочному кредитованию).

К сожалению, в 70-е гг. дальнейшее развитие реформ было отдано «на откуп» отраслевым министерствам, которые свели реформы «на нет».

И.В. Ширяков*

ЗОЛОТАЯ МОНЕТА В ДЕНЕЖНОМ
ОБРАЩЕНИИ РОССИИ XV – НАЧАЛА
XVIII в.: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА**

В 70-е гг. прошлого века в нумизматической литературе возник спор по вопросу о роли золотой монеты в экономике допетровской России. Сам не ожидая того, автором спорной версии стал Иван Георгиевич Спасский (1904–1990), опубликовавший цикл статей по данной теме. Изучая российские «золотые» как форму «государева жалованья», И.Г. Спасский до конца дней твердо стоял на позиции предшественников (М.М. Щербатова, М.Н. Карамзина, А.Б. Лакиера), полагавших, что дарственные монеты не были деньгами в обычном смысле слова. Отсутствие у них «устойчивости типа, изображения и легенд...», – писал он еще в 1955 г. – подчеркивает близость этих предметов к медалям и позволяет вовсе их оставить вне системы русских монет XVI–XVII вв.»¹ Исключение из правила – ходячие золотые копейки и денги Василия Шуйского (1606–1610) – И.Г. Спасский поначалу считал следствием катастрофического положения правительства, «вынуж-

* Ширяков Игорь Владимирович – к.ист.н., заведующий отделом нумизматики Государственного исторического музея, сопредседатель постоянного научного семинара «Деньги и денежное обращение в период формирования национальных денежных систем».

** Тезисы доклада на выездном заседании семинара в Государственном историческом музее 1 марта 2012 г.

1. Спасский И.Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1538 по 1617 г. Т. 44. // МИА СССР. М., 1955. С. 295–296.

денного без всякой предварительной подготовки начать выпуск непривычной народу золотой монеты»², но потом, уже в 80-е гг., несколько переменял взгляд на их выпуск, так как ему стали известны документы, свидетельствующие о заведомой подготовке к нему³. Что касается иностранных золотых монет, то они, полагал И.Г. Спасский, в российское денежное обращение XV–XVII вв. не допускались, хотя, писал он, «свободно поступали на русский рынок как товар, а не как платежное средство»⁴. Из специфических функций денег, по его словам, «им было свойственно только то, что в весьма ограниченной мере они служили средством накопления и постепенно собирались в царских и церковных сокровищницах»⁵.

Это утверждение, слабо вязавшееся с постулатами марксистской политэкономии (золото и серебро в любом виде уже на стадии перехода от всеобщей к денежной форме стоимости есть, по выражению К. Маркса, «скрытый источник предложения денег»⁶), встретило возражения Всеволода Михайловича Потина (1918–2005). «Странно, — писал он, — отделять неодолимой преградой золотую монету как товар и золотую монету как таковую»⁷. В статьях 1977–1978 гг. В.М. Потин привел ряд примеров использования до Петровских реформ золотых иностранных монет русскими людьми в качестве платежного средства.

Будучи убежден, что российская денежная система, при всей ее самобытности, прошла те же этапы развития, что и денежные системы других европейских государств, В.М. Потин предположил, что уже в XV в. экономика нашей страны могла испытывать нужду в крупной монете.

2. Там же. С. 321.

3. Спасский И.Г. О золотых царя Василия Ивановича Шуйского // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 49. Л., 1984.

4. Спасский И.Г. «Золотые» — воинские награды в донетровской Руси // ТГЭ. Т.4. Л., 1961.

5. Там же. С. 94.

6. Маркс К. Капитал. Т.1. Кн. 1. М.: Изд-во полит. литературы, 1988. С. 145.

7. Потин В.М. Талеры на территории Русского государства в XVI–XVII веках // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л.: Аврора, 1977. С. 89.

Опираясь на данные источников того времени, он сумел показать, что уже тогда русские люди приобретали за золото товары за границей, а в Тверском великом княжестве расплачивались «денгами золота» при покупке земель у великого князя Бориса Александровича (1425–1461). В.М. Потин отметил тот факт, что чеканка Иваном III собственных золотых монет, с небольшим расхождением по времени, началась в ряде северогерманских городов, в Саксонии, Швеции, Ливонии, а это могло быть обусловлено некой общностью черт экономического развития этих государств и нашей страны.

Характерно, что к подобному суждению, но с другой стороны, в 60-е гг. подошла Нонна Дмитриевна Мец (1923–1965). Тщательно изучив монетную чеканку Москвы времени Василия II (1425–1462), она заметила, что к концу его правления произошло резкое увеличение объема выпуска серебряной монеты. «Страна, — писала Мец, — испытывала явно растущие потребности в деньгах как средстве обращения», и это усилило приток в Россию иностранного золота, поступавшего в виде сознательно отобранной, по ее выражению, «стандартизированной» монеты — «корабельников» и «угорских» (ноблей и дукатов). Тогда, как отметила она, ценность этих монет соответствовала счетным единицам русской денежной системы — рублю и полтине. Исходя из этого, Н.Д. Мец заключила, что при Иване III «имела, очевидно, место попытка выпуска своей золотой монеты по образцу угорских золотых»⁸. С Н.Д. Мец и В.М. Потиним солидаризировался Геннадий Викторович Попов. «Сравнительно частые упоминания золотых в русских документах второй половины XV в., — писал он

8. Мец Н.Д. Монеты великого княжества Московского: 1425–1462 // Государственный Исторический музей / Нумизматический сборник. М., 1974. Ч.3. С.72. Данная работа была издана через десять лет после безвременной кончины автора; подготовка текста к печати была осуществлена А.С. Мельниковой. Приведенное суждение Н.Д. Мец примечательно тем, что русский «корабельник» времени Ивана III, подражавший английскому ноблю, приобретение которого Государственным Эрмитажем И.Г. Спасский в 1975 г. восторженно назвал «поступлением века», при ее жизни еще не был открыт.

в 1975 г., — действительно свидетельствуют о вероятной попытке русского правительства наладить выпуск золотых монет для нужд международной торговли»⁹.

Сравнив динамику рации золота и серебра в России, Польше, Австрии и странах Западной Европы В.М. Потин, между прочим, отметил, что в 1601–1620 гг. серебро в России вздорожало настолько, что выпуск золотых монет Василием Шуйским стал экономически выгодным. «Известно, — заключил он, — что чеканка золотых монет в целом ряде государств совпадала с нехваткой серебра и ростом цен на него. Точно такое же явление мы наблюдаем в России (прежде всего в Москве) в 1610 г.»¹⁰. Продолжая исследование, В.М. Потин в начале 80-х гг. пишет статью об использовании монеты в быту, обычаях и верованиях Руси X–XVII вв., в которой затрагивает пожалования «золотыми» и высказывает мысль, что поначалу эти дарственные русские монеты могли выступать как денежное вознаграждение и лишь потом, во второй половине XVII в., вылились в особую систему наград. «Конечно, — говорит В.М. Потин, — ни «коронационные», ни «наградные» золотые не предназначались для денежного обращения, однако они имели реальную стоимость: золото всегда можно было пустить в оборот... Вовлечение русских золотых монет если не в денежное обращение, то в коммерческие сделки, вполне вероятно»¹¹. Это заключение перекликалось с мыслью Валерия Александровича Дурова о том, что «русские

9. Попов Г.В. Культурно-художественные связи России с Венгрией в конце XV в. // Советско-венгерские связи в художественной культуре / АН СССР, Институт истории искусств Министерства культуры СССР. АН ВНР, Министерство культуры ВНР; Отв. ред. И.Е. Светлов, Л.П. Солнцева. М.: Наука, 1975. С. 197–198.

10. Потин В.М. Золотые западные монеты на территории Русского государства XIV–XVII вв. // Русская нумизматика XI–XX веков. Л., 1979. С. 21.

11. Потин В.М. Монеты в быту, обычаях и верованиях Руси X–XVII вв. // Экономика, политика и культура в свете нумизматики. Л.: ГЭ, 1982. С.93. Такая же точка зрения высказана в относительно недавней статье С.Н. Кистерева, попытавшегося показать, что между русскими и иностранными золотыми монетами «не было существенных различий», поскольку «и те, и другие являлись для своих обладателей в первую очередь деньгами». См.: Кистерев С.Н. Функции золотых монет в России во второй половине XVI–начале XVII в. // Очерки феодальной России. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 154.

золотые наградные медали XVI—начала XVIII в. ... являлись по сути прикрытой формой денежной выдачи»¹².

Чтобы разобраться в вопросе, явно требовавшем изучения, следовало начать поиск новых источников и более глубоких подходов к его рассмотрению. Этим я занимаюсь уже более двадцати лет. Важным этапом работы стала кандидатская диссертация, защищенная мною в 2000 г. В ней прослежены направления и условия ввоза драгоценных металлов в пределы России, определены круг участников этого процесса, типы ввозимых золотых монет (путем анализа изменений в совокупности русских названий золотых монет и состава кладов с золотыми монетами, обнаруженных в России, Украине, Белоруссии, Молдавии), примерно оценены объемы этого ввоза, четче, чем прежде, очерчены функции золотых монет, как русских, так и иностранных. Определенное внимание в ней уделено возрастанию роли иностранных золотых монет как средства платежа в период царствования Алексея Михайловича (1645–1676). Применительно к России XV–XVIII вв. общий вывод таков: «На протяжении всего трехвекового периода российская денежная система оставалась системой серебряного монометаллизма. Попытки создать систему параллельного обращения золота и серебра (возможно, в конце XV в. и в начале XVII в.) не увенчались успехом из-за недостаточной обеспеченности страны золотом и устойчивого предпочтения серебра в качестве денег в массе ее населения. Золотая — иностранная и своя, отечественная — монета при этом всегда составляли валютный резерв, спонтанно включавшийся в сферу внутреннего обращения тогда, когда дефицит серебра не позволял создать необходимую для этого массу обычной российской монеты»¹³.

12. Дуров В.А. Знаки отличия XVIII–XX вв. как исторический источник // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М.: Наука, 1984. С.171.

13. Ширяков И.В. Золотая монета в России XV–XVII веков: Автореф. дис... канд. ист. наук. М.: Российский институт культурологии, 2000. С. 23.

Материал диссертации ясно показывает, что иностранное золото, до конца XVII в. поступавшее к нам преимущественно в форме монет, в обычных условиях не нуждалось в переделе в монеты российские. Переход России к регулярному выпуску собственных золотых монет для обращения стал целесообразным лишь в первые годы XVIII в., когда наша страна, вступив в активную торговлю с Китаем, начала получать отсюда золото в слитках (по лексике того времени — «коробках»). Поэтому в последние годы меня больше интересует ввоз китайского «коробчатого» золота и его передел в русские монеты.

Вопрос об участии золота в денежном обращении России XV—XVIII вв. далек от своего разрешения. Мало того, он постепенно перерастает в самостоятельную проблему, для успешного изучения которой нужен ответ на другие, сопутствующие вопросы.

Один из них — вопрос о составе денежной массы в России до введения бумажных денег или, иными словами, — о соотношении суммарных объемов используемых с целью платежа русских серебряных монет (как основы денежной системы) и вовлекаемых в платежный оборот товаро-денег (как резерва обращения). В специальном изучении нуждаются вопросы о соотношении золота и серебра в России и странах — ее контрагентах, о правовом регулировании ввоза-вывоза драгоценных металлов, о динамике ввоза золота в Россию и объемов его переработки как ремесленного сырья. Собрать фактический материал для их рассмотрения в целом несложно, и такие попытки предпринимались (см., например, монографию М.М. Шумилова, в которой, в частности, говорится о таможенном обложении ввоза драгоценных металлов в Россию до конца XVII в.¹⁴). Ценны будут любые вновь выявляемые данные об использовании золотой монеты как денег в допетровской России, собираемые «по крупицам», а также суждения о них.

14. Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX—XVII вв.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.

К.А. Фурсов*

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: СИМВОЛИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Среди функций денег выделяют меру стоимости, средство обращения, платежа, накопления. Однако экономическими функции денег не исчерпываются. Деньги нередко выполняют также символическую функцию, функцию утверждения политической власти. Являясь побочной, эта функция денег, тем не менее, играет в мировой истории немалую роль. Яркий пример – роль монет европейских колониальных империй в их афро-азиатских владениях. По сути денежное обращение в Британской, Французской, Нидерландской и других империях служило постоянной ненавязчивой идеологической обработкой коренного населения колоний.

На первых порах ввозимые на Восток европейские деньги почти не играли символической роли. Однако начало чеканки денег в торговых факториях голландской, английской, французской Ост-Индских компаний в Азии было в числе факторов, которые объективно способствовали приобретению этими корпорациями квазигосударственных функций. После превращения голландской и британской Компаний в территориальные державы, соответственно на Яве и в Индии в XVII–XVIII вв., выпускаемые ими день-

* Фурсов Кирилл Андреевич – к.и.ст.н., старший научный сотрудник сектора экономической истории Института экономики РАН.

** Тезисы доклада на заседании семинара 20 декабря 2012 г.

ги постепенно стали основой денежного обращения этих стран. При этом сначала европейцы использовали на монетах не только символику своих Ост-Индских компаний или государств, но и азиатскую (пример — изображение бога Вишну и индуистского гопурама на золотых пагодах британцев в Мадрасе), что было отражением в нумизматике того факта, что европейцы стремились скорее встроиться в азиатскую систему (торговли, властных отношений), чем переделывать ее на свой лад. Однако в XIX в. в афроазиатском мире оформились и устоялись крупные империи европейских держав. Вместе с ними оформились и устоялись системы колониальных валют, причем неудивительно, что азиатская символика почти сошла с европейских монет на Востоке.

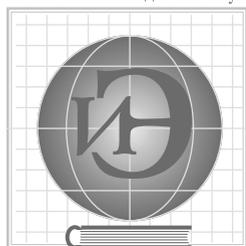
Внешний вид колониальных монет (профили монархов, государственные гербы метрополий) был призван подчеркнуть величие европейских держав, внушить поданным идею незыблемости, а также справедливости имперской власти (примеры — рупии и анны Британской Индии, гульдены и центы Нидерландской Индии). Деньги служили едва ли не наиболее наглядным средством ведения колониальной пропаганды в духе концепции «мягкой силы» американского политолога Джозефа Ная. При этом сформированный европейцами престижный образ их власти придавал выпускаемым ими деньгам тоже некий ореол престижа. Восприятию колониальной власти как власти по праву способствовали и особенности менталитета жителей исламского мира и Индии (понятие *икбал*).

Иногда, правда, наблюдалась тенденция контрпродуктивности нумизматической пропаганды (как в случае с революционной символикой на монетах Французского Индокитая). Явное несоответствие деклараций и реальности лишь подчеркивало двойной стандарт колониальных империй, способствуя отторжению и росту антиколониального движения. В других случаях, однако, внешний вид денег мог свидетельствовать и о гибкости колони-

альных административных методов, как в зонах косвенного управления (примеры – Французское Марокко или Индокитайская федерация в годы Четвертой республики во Франции) либо на подмандатных территориях Лиги Наций (пример – Британская Палестина).

В определенный исторический период имперская пропаганда с помощью внешнего вида монет так или иначе работала – подкрепляясь, разумеется, рядом более ощутимых факторов (бесспорное промышленное, военное, техническое превосходство метрополии, а также привлекательность некоторых социально-политических институтов). Однако к середине XX в., с развертыванием национально-освободительного движения она действовала все менее эффективно.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научное издание

Экономические реформы: уроки истории

История мировой экономики

Вып. 2

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Ерзнкян М.Д.*

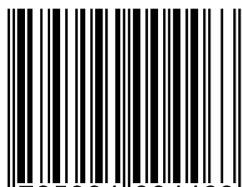
Компьютерная верстка *Сухомлинов А.Р.*

Подписано в печать 24.06.13. 2013. Заказ № 33

Тираж 300 экз. Объем 15,5 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0446-3

9 785994 004463